

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

1992

2

НАШИ АВТОРЫ

- Пулатов Х. П.— член-корреспондент АН Узбекистана, зав. кафедрой философии АП Узбекистана.
- Убайдуллаева Р. А.— доктор экономических наук, зав. отделом Института экономики АН Узбекистана.
- Бабаджанова Г.— кандидат искусствоведения, зав. сектором Института искусствознания им. Хамзы.
- Бабаев Б. Д.— кандидат философских наук, доцент ТГПИ им. Низами.
- Бахадиров Р. М.— кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Узбекистана.
- Ионесов В. И.— кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии АН Узбекистана.
- Эргашев Б. Х.— кандидат философских наук, доцент БухТИПЛП.
- Якубов С. А.— кандидат юридических наук, доцент ТГЮИ.
- Кимаева Е. В.— археолог Научно-производственного и учебного центра Госкомитета по геологии и минеральным ресурсам Узбекистана.
- Ортиков Т. О.— ст. консультант Управления общественных объединений Министерства юстиции Узбекистана.
- Маликов Т. Т.— аспирант ТГПИ им. Низами.
- Отахонов Ф. Х.— аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН Узбекистана.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1992

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1992

www.ziyouz.com kutubxonasi

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ (*главный редактор*), чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ, акад. АН Узбекистана А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН Узбекистана С. К. КАМАЛОВ, акад. АН Узбекистана Ш. З. УРАЗАЕВ, акад. АН Узбекистана М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана А. А. АГЗАМХОДЖАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана Б. А. АХМЕДОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН Узбекистана А. Х. ХИКМАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана М. Ш. ШАРИФХОДЖАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор ист. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. Ш. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 4-83.

Редактор *Я. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Регистр. № 000055. Сдано в набор 13.03.92. Подписано к печати 6.04.92. Формат 70×108^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,65. Уч.-изд. л. 7,0. Усл. кр. отг. 6,86. Тираж 735. Заказ 103. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Фан» АН РУз: 700947. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 1992 г.

Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА

**ЗАНЯТОСТЬ И РЫНОК ТРУДА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Переход к рыночным отношениям предполагает осуществление широкой структурной перестройки народного хозяйства, в результате которой возникают предпосылки крупномасштабной экономии и высвобождения рабочей силы. Естественно, что эти процессы будут обострять проблемы сбалансированности спроса и предложения рабочей силы, повышать требования к ее качественному составу, к процессам перераспределения, подготовки, переподготовки и трудоустройства населения.

В этой ситуации возникает принципиальный методологический вопрос о социально-экономическом содержании понятия «занятость населения». Вполне понятно, что исходным пунктом концепции политики занятости населения должна быть объективно правильная его трактовка.

Цели политики в области занятости в условиях перехода к рынку можно сформулировать как сумму следующих основных требований:

1) стимулирование процессов, побуждающих к созданию новых рабочих мест;

2) уменьшение размеров безработицы;

3) социальная защита наиболее незащищенных слоев населения (инвалиды, женщины-матери, многодетные, лица пожилого возраста);

4) смягчение социальных последствий безработицы путем предоставления пособий.

Исходя из этих основополагающих целей политики защиты в период перехода к рынку, надо помнить, что требуют переосмысления и критерии, характеризующие занятость населения.

Видимо, не всякая общественно полезная деятельность образует занятость населения. Дело в том, что общественно полезная деятельность ассоциируется с понятием «занятие населения». Что касается «занятости населения», то ее критерием является трудовая деятельность, труд в народном хозяйстве, обеспечивающий экономический рост и личные доходы трудящихся. Отсюда и должна выводиться более точная трактовка понятия «занятость».

Исходя из этого, мы считаем, что занятость — это совокупность экономических и правовых отношений, связанных с обеспечением граждан рабочими местами, и реализации их права на труд с целью получения заработка или дохода.

В связи с этим классификация видов занятости должна рассматриваться относительно двух категорий граждан, осуществляющих общественно полезную деятельность, — занятых и не занятых в народном хозяйстве.

Не относятся к числу занятых в народном хозяйстве, но выполняют важную общественно полезную деятельность три категории населения:

— учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от производства в общеобразовательных школах, ПТУ, техникумах и вузах;

— занятые в домашнем хозяйстве;

— военнослужащие, проходящие службу в вооруженных силах, т. е. население, которое не создает национальный доход.

В связи с этими методологическими посылками специального внимания требует вопрос об учете труда многодетных матерей, ибо эта категория нашего общества, занимаясь домашним воспитанием 4 и более детей, обслуживая большую семью и одновременно производя от 40 до 60% сельскохозяйственной продукции в личном подсобном хозяйстве, приносящем доход, в сущности выполняет функцию занятого в народном хозяйстве населения.

Мы разделяем точку зрения отдельных ученых о том, что в условиях формирования и развития многофункционального хозяйства, когда личное хозяйство крестьян выступает на передний план в деле обеспечения семьи продовольствием, настало время из понятия «личное подсобное хозяйство» исключить слово «подсобное» и называть его «личным хозяйством».

Важным концептуальным положением, определяющим политику в области занятости в переходный период, должен быть учет специфики демографического развития и трудоустроенности. В этом плане должны быть предоставлены широкие возможности регионам и областям в осуществлении политики занятости — это и региональные программы занятости, и решение вопросов о сроках поиска работы, источниках финансирования фонда содействия занятости, размерах стипендии для переобучения и переквалификации и т. д.

Необходимым требованием должны стать гарантии со стороны государства прав граждан на труд, т. е. социальная политика должна быть ориентирована на обеспечение занятости в условиях отказа от административно-командного распределения и перераспределения трудовых ресурсов и учет возможного формирования рынка рабочей силы.

Управление движением трудовых ресурсов следует рассматривать как важнейшую функцию государственных органов. Эффективная и полная занятость может быть обеспечена только с помощью централизованных организационно-экономических методов. Система высвобождения и переподготовки рабочей силы должна действовать на общегосударственном и региональном уровнях. Создание единой государственной системы высвобождения, перераспределения и переподготовки трудовых ресурсов должно гарантировать высвобожденным работникам возможность приобретать новые, перспективные профессии, повышать свой социальный статус, а также социальную защищенность.

Критерии полной эффективной занятости в принципе совпадают с общими критериями эффективности производства и социально-экономической эффективности рабочих мест. Однако обеспечение полной эффективной занятости может быть реализовано только при изменении хозяйственного механизма, который должен превратить рабочее место в важнейший стимул трудовой деятельности. Этого можно достичь путем сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов в количественном и качественном отношении, создания механизма высвобождения рабочей силы в результате внедрения новой техники, структурных сдвигов, совершенствования организации производства; переподготовки и перераспределения высвобождаемых работников; дифференцированного подхода к включению в систему занятости работников на различных стадиях жизненного цикла — обучения, воспитания женщинами детей, пенсионного возраста; распространения гибких форм занятости и т. д.

В нынешних условиях очень важна четко продуманная, сбалансиро-

рованная политика по учету свободных рабочих мест и прироста рабочей силы, ибо в результате допущенных недоработок и упущений в такой политике сегодня в республике при наличии свободных трудовых ресурсов остаются неукomплектованными рабочие места на действующих предприятиях. По данным Министерства труда Республики Узбекистан, потребность в квалифицированных рабочих кадрах в промышленности составляет 28,7 тыс., в сфере обслуживания — 8,2 тыс., транспорта и связи — 29,8 тыс., в строительстве — 15,6 тыс. человек и т. д.

Неотъемлемой частью социальной политики в области занятости становятся гарантии права на труд, на обеспечение полной эффективной свободно избранной занятости, которые должны быть представлены в качестве целостной системы во всех разделах республиканского Закона о занятости и включать вопросы регулирования занятости населения, социальные гарантии в случае безработицы, контроль за осуществлением законодательства о занятости.

В условиях перехода к рыночной экономике важным принципиальным моментом является разработка механизма обеспечения гарантий со стороны государства в реализации этих прав с упором на экономические методы управления. Занятость населения должна тесно увязываться с процессами развития экономики, сбалансирована с воспроизводством трудовых ресурсов и потребностями граждан в рабочих местах, разработкой специальных государственных и региональных программ занятости, регламентацией участия предприятий, учреждений и организаций (независимо от форм собственности и хозяйствования) в обеспечении занятости, организацией общественных работ, определением территорий приоритетного развития, где создание новых рабочих мест будет активно поддерживаться государством, формированием государственного фонда содействия занятости и т. д.

Должен быть установлен широкий круг социальных гарантий в связи с возможной временной безработицей граждан и мер по возобновлению их трудовой деятельности, в частности компенсации высвобождаемым работникам при реорганизации и ликвидации предприятий и сокращения штатов, выплата стипендий в период профессиональной подготовки, повышение квалификации или переподготовка, выплата пособий по временной безработице и другие виды компенсаций.

Учитывая современное состояние баланса финансовых ресурсов Узбекистана, расходы на содействие занятости создают значительную дополнительную нагрузку на государственный бюджет и потому надо заинтересовывать органы государственного управления в обеспечении полной занятости населения, предлагать трудящимся эффективную занятость. Вместе с тем относительно небольшие размеры пособий и стипендий, соответствующие экономическим возможностям государства, создают необходимые стимулы у трудящихся активно искать такую занятость.

Положительная реализация задач, поставленных социальной политикой занятости населения, во многом зависит от формирования и организации работы службы занятости и профессиональной ориентации молодежи. В существующем виде эти службы не справятся с острыми проблемами безработицы и трудоустройства населения, необходима их коренная реорганизация в направлении увеличения числа работников в этих службах и их качественного состава. Если в Узбекистане в расчете на 100 тыс. трудоспособного населения приходится от 5 до 7 работников служб трудоустройства, то в ФРГ, США, Японии — 12—13 работников этих служб.

Другая, не менее острая проблема — это формирование и организация профессиональной ориентации молодежи.

Дело в том, что с середины 80-х годов небывалых масштабов до-

стигла несбалансированность экономики по профессиональному составу и структуре наличных рабочих.

Типичной стала ситуация, когда по одним специальностям и профессиям имеется значительный избыток, а по другим — дефицит кадров. По данным статистики, около 60% специалистов трудится не в соответствии с полученной специальностью, от 20 до 50% квалифицированных рабочих, подготовленных в профессионально-технических училищах, — не по профилю приобретенной профессии.

Главная причина разбалансированности экономики в части спроса и предложения квалифицированных рабочих и специалистов заключается, во-первых, в слабой связи предприятий и организаций народного хозяйства с учебными заведениями, осуществляющими базовую профессиональную подготовку, последующую профессиональную переподготовку и повышение квалификации рабочих и служащих, и во-вторых, в плохом предвидении потребности производства в кадрах, неудовлетворительном планировании основной профессиональной подготовки и переподготовки квалифицированных работников.

В этих условиях необходимо принять решение о разработке долгосрочной концепции кадровой политики и соответствующих документов по ее реализации. Уже принят ряд законодательных актов, которые дают основу для решения этой проблемы. Это — Законы о собственности, о государственной молодежной политике, об индексации, готовится к принятию Закон Республики Узбекистан о занятости населения.

Практика показала, что проблемы с трудоустройством испытывают определенные слои населения, в первую очередь молодежь, и это наиболее социально опасно.

В 1991 г. численность молодежи, вступающей в трудовую жизнь после окончания учебы, составила по Узбекистану 280 тыс. человек. Если численность молодежи (в возрасте до 30 лет) в отраслях народного хозяйства в странах СНГ составляет 30,2%, то в Республике Узбекистан — 40,9%.

Число профессионально-технических учебных заведений в бывшем Союзе в 1988 г. составило 7959, в них обучалось 4048 тыс. человек, а в Узбекистане — соответственно 244 и 277,3 тыс. человек.

В республике недостаточно развита сеть профессионально-технических и средних специальных учебных заведений. Около 2/3 рабочих готовится непосредственно на производстве. Удельный вес учащихся, оканчивающих 8-й класс и получающих среднее образование в техникумах республик Средней Азии, колеблется от 3,3 до 6,7% при средних показателях по странам СНГ 12,8%.

Слаба материально-техническая база учреждений профессионального образования. На недостаточно высоком уровне проводятся работа по формированию престижности индустриального труда, планомерная и целенаправленная профориентация местной молодежи на производственные профессии.

Результаты социологического обследования, проведенного учеными Института экономики АН Узбекистана, показали, что молодые люди имеют неполное или искаженное представление о содержании профессий, общественной потребности в них, о путях их освоения, о возможности трудоустройства, а также не умеют оценивать свою пригодность к различным видам труда.

Одна из актуальных проблем в области профессиональной ориентации — регулирование профориентации сельской молодежи. Дело в том, что до 60% выпускников сельских общеобразовательных школ в последние годы остаются работать на селе. Однако работа по профориентации сельской молодежи, как показали результаты социологического обследования, поставлена не на должном уровне.

В республике проводится мало научных исследований по проблемам молодежи. Между тем на многие вопросы не могут быть получены необходимые советы без проведения социологических обследований. Однако, кроме результатов социологического обследования, проведенного в свое время Институтом экономики АН Узбекистана среди учащихся 8—10-х классов Джизакской области, г. Ташкента, практически никаких данных нет. Поэтому мы считаем, что Министерству труда Узбекистана совместно с учеными республиками и другими заинтересованными организациями и ведомствами следует систематически осуществлять социологические обследования среди молодежи.

Более того, требуется коренная реорганизация служб профессиональной ориентации молодежи и в направлении увеличения численности в этих службах работников и улучшения их качественного состава. Из 2 млн. обратившихся в эти службы по вопросу трудоустройства было трудоустроено лишь 61%.

Назрела необходимость в разработке специальных балансов трудовых ресурсов молодежи в возрасте 16—29 лет. Разработка таких балансов позволит учитывать при планировании пропорциональность между количеством молодежи, подлежащей профессиональной подготовке и трудоустройству, и необходимой потребностью пополнения народного хозяйства рабочей силой нужного качества.

По мере усложнения технологического оснащения производства возрастает значение заблаговременной деятельности по кадровому обеспечению потребностей экономики в квалифицированных рабочих и специалистах. На передний план выдвигаются задачи научного предвидения таких изменений в кадровом составе работающих и соответствующей модернизации системы образования и профессиональной подготовки кадров. Между тем сохраняются прежние масштабы подготовки рабочих узкого профиля. Их доля в выпуске ПТУ составляет, как и 15 лет назад, почти 60%. Планы 1989 и 1990 гг. по подготовке квалифицированных кадров практически не внесли перемен в структуру профессиональной подготовки. Численность рабочих новейших профессий в общем выпуске рабочих дневных ПТУ остается на уровне 2%.

Хотелось бы остановиться еще на одном очень важном вопросе: об уточнении сроков подготовки специалистов в профессионально-технических училищах по профессиям, включенным в список тяжелых работ и работ с вредными условиями труда, в целях организации обучения подростков с таким расчетом, чтобы к моменту окончания учебы им исполнялось 17—18 лет.

В ПТУ численность юношей и девушек в возрасте 14—15 лет с двухгодичным сроком обучения без получения среднего образования (т. е. оканчивающих учебу до достижения 18-летнего возраста) составляет 169 тыс. человек, или около 10% всех обучающихся в системе профтехобразования.

Ныне в народном хозяйстве существует около 7 тыс. профессий, из них 2390 включены в список тяжелых и вредных работ, на которых запрещается применение труда лиц моложе 18 лет. Поэтому мы считаем, что по профессиям, предусмотренным в указанном выше списке, училища могут устанавливать 3—4-годовые сроки обучения с таким расчетом, чтобы к моменту окончания учебы выпускникам исполнилось 18 лет.

Учитывая, что у нас сложилось крайне тяжелое положение с условиями труда, вследствие чего сохраняется высокий уровень производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а тем более, что среди 15—16-летних школьников 30—50% имеют отклонения в состоянии здоровья, в том числе хроническую патологию, мы предлагаем пересмотреть этот список в сторону увеличения числа за-

прещенных для подростков профессий (по нашим предварительным данным, их число может быть увеличено в 1,5—2 раза).

Кардинальные изменения профессионально-квалифицированного состава работающих должны стать результатом внедрения в хозяйственную практику комплекса взаимосвязанных мер в области инвестиционной, структурной, технической и социальной политики, тщательного продуманной подготовительной работы по перестройке базового и профессионального образования, создания разветвленной системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников, последовательного совершенствования всей системы управления народным хозяйством.

В связи с изложенными выше основными принципами социальной политики особенно злободневной становится проблема условий, которым должен отвечать человек в поисках работы, помочь людям, оставшимся без работы.

Человек, ищущий работу, или безработный, во-первых, должен интегрироваться в общество. И здесь первая задача общества — помочь безработному вернуться в окружающую его социальную среду, войти в нормальный ритм жизни. В этом случае специальная индивидуальная поддержка необходима для безработных, особенно долго не работающих.

Во-вторых, важное значение имеют личностная характеристика, свое «я» безработного человека, его поведение, образование, отношение к окружающей социальной среде и т. д.

Если у человека, ищущего работу, нет должного опыта и подготовки, то службы занятости должны по мере экономических возможностей государства взять на себя соответствующие расходы. Ведь очень часто его подготовка не соответствует потребностям экономики. В этом случае службы занятости, укомплектованные квалифицированными специалистами-профессионалами, могут оценить уровень профессиональной подготовки безработного, провести профессиональное тестирование и довести его до необходимого уровня.

В-третьих, специальный блок в концепции помощи безработным, отводится поиску рабочего места. Дело в том, что человек, ищущий работу, может быть достаточно хорошо интегрирован в социальную среду и является профессионально подготовленным, но он ищет работу, которой нет в данном месте. Тогда ему надо менять либо профессию, либо место жительства. И здесь функция служб занятости должна заключаться в том, чтобы дать безработному информацию о тех профессиях и рабочих местах, которые существуют в данной местности. Наконец, в-четвертых, очень важно, как сам безработный организует свои действия по поиску работы. Большое значение в условиях помощи безработным по поиску работы имеет организация общественных работ. Интересен опыт Франции по заключению «контрактов занятости в рамках солидарности», когда с помощью государства и профсоюзов безработных устраивают на неполный рабочий день или неделю в больницах, различных общественных учреждениях с тем, чтобы обеспечить им прожиточный минимум.

В условиях перехода к рыночным отношениям более тщательной проработки требует также проблема женской занятости. Предстоит кардинально переосмыслить прежние подходы к этой проблеме. Представляется, что концептуально вопросы женской занятости в специфических условиях Узбекистана должны решаться на основе следующих принципов.

Прежде всего необходимо изучить условия перехода женщин к свободе выбора жизненного пути, продолжительности трудового участия и условий занятости, вопрос о месте профессиональной деятельности в системе жизненных установок женщин. Ведь экономическая

активность женщин на этапе перехода к рынку может быть различной в зависимости от воздействия многих факторов (демографическая нагрузка, семейный бюджет и т. д.).

Поэтому в нынешних условиях, как никогда ранее, возрастает значение оценки спроса женского населения на рабочие места с тем, чтобы выработать сбалансированную политику спроса и предложения женской рабочей силы.

В связи с зарождением и развитием новых форм собственности возникают и сложные социально-экономические проблемы труда женщин в условиях смешанной экономики и трансформации отношений занятости, проблемы женского предпринимательства. Как будет защищена женщина от безработицы, как предупредить новые формы дискриминации женщин в трудовой сфере при переходе к рыночным отношениям? Все эти вопросы требуют тщательного изучения и принятия соответствующих правовых актов.

Ныне роль женщин в экономике республики весьма существенна: на их долю приходится более 50% населения и почти столько же трудовых ресурсов. В условиях перехода к рыночной экономике государство берет на себя гарантии обеспечения свободы выбора занятости и правовую защиту от безработицы путем дополнительных мер по охране материнства и детства, поддержки семьи, льгот работающим матерям, квотирования для них рабочих мест, организации профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки.

Но в условиях приватизации и разгосударствления, когда расширяется индивидуальное и групповое предпринимательство, объективно сужается государственный сектор экономики, что ужесточает ситуацию на рынке труда. Это вызывает необходимость повышения конкурентоспособности женской рабочей силы.

Формирующийся рынок труда в условиях радикальной экономической реформы предполагает исключительное право человека распоряжаться своими способностями к труду, а с другой стороны, — индивидуальное предложение рабочей силы высокой квалификации. Это существенно повышает требования к самим работникам. В данной ситуации предпочтительней становится мужская рабочая сила из-за недостаточно высокой квалификации женщин и худшего использования рабочего времени в связи с материнством и большой трудовой нагрузкой в быту.

Развитие и становление новых форм собственности, рост производительности и интенсивности труда на производстве, естественно, приведут к дальнейшему снижению спроса на женскую рабочую силу, вследствие чего может наблюдаться рост массовой незанятости женщин в оплачиваемой деятельности. Вот почему необходима социальная защищенность работниц на рынке труда с учетом выполнения ими функций материнства и ведения домашнего хозяйства.

В аспекте раскрытия понятия трудового потенциала общества нам представляется, что наиболее актуальными являются следующие проблемы формирования, распределения и использования трудового потенциала женщины: обеспечение гармонического сочетания занятости на производстве с материнством и воспитанием детей, снижение производственной нагрузки, увеличение внерабочего и свободного времени, повышение качества женского труда, рост профессионализма и гуманизация труда женщин.

Развитие рыночных отношений, экономической и политической суверенитет республики вызывают необходимость оценки экономического потенциала областей, городов, районов, обязательного учета в нем трудового потенциала женщины, а разработка программ занятости — повышения научной обоснованности управления занятостью женщины, создания реальных условий для свободного выбора ими ма-

теринства или профессиональной деятельности без ущерба для семьи и воспитания детей.

Но это требует углубления теоретического анализа особенностей и структуры трудового потенциала женщин, вскрытия объективно обусловленных ими социальных ролей женщин в обществе, научно обоснованного определения путей дальнейшего роста социальной защищенности женского труда и материнства, установления оптимального уровня занятости женщин и др.

В период перехода от полностью плановой к регулируемой рыночной экономике возникает необходимость не только усиления социальной защищенности работниц на производстве, но и повышения социально-экономического статуса незанятых в нем матерей с тем, чтобы обеспечить всем женщинам реальные возможности свободного выбора той конкретной жизненной стратегии, которая наиболее соответствует складу их личности, интересам и устремлениям.

Вот почему необходимость анализа ситуации на формирующемся рынке труда в республике, регионах и городах, занятости женщин, объема их спроса на рабочие места требует совершенствования научно-методических основ, для чего следует предусмотреть совершенствование ныне существующих балансов трудовых ресурсов городов и регионов с дифференциацией по полу (а нуждающегося в трудоустройстве незанятого населения — на полу, возрасту и семейному положению); введение в баласы квалифицированной рабочей силы группировки профессий на преимущественно женские или мужские и индифферентные по полу; при разработке региональных программ занятости — установление степени трудовой активности населения, в том числе женщин, выявление главного мотива их производственной деятельности; расчет реального резерва трудовых ресурсов.

Необходимо регулировать процессы формирования и использования женского труда в связи с дальнейшим совершенствованием организации производства и труда, для чего следует ввести осуществляемый инспекцией службы занятости жесткий контроль в государственном и негосударственном секторе экономики за сокращением использования женского труда в тяжелых, вредных, особо тяжелых и особо вредных условиях труда, наносящих ущерб здоровью женщин и их детей; организовать проведение государственной службой занятости и статистики систематических опросов для выявления нуждемости в льготных режимах труда (по видам) и работе по вызову на часть рабочего времени как среди работающих, так и нуждающихся в трудоустройстве женщин; вменить в обязанности предприятий и организаций систематическое информирование службы занятости о возможности (и вакансиях) предоставления женщинам работы на льготных режимах труда (по видам) и по вызову на часть рабочего времени.

Необходимо внесение в годовые отчеты по труду предприятий и организаций следующих показателей: численность женщин, занятых на льготных режимах труда (в том числе по видам режимов, из них: матери малолетних детей), полнота использования рабочего времени матерями детей в возрасте до 14 лет включительно; введение в учебных центрах региональных служб занятости системы переобучения женщин с учетом их жизненных стратегий, возраста, темпов НТП на предприятиях; организация при педагогических, медицинских и других гуманитарных учебных заведениях всех уровней групп для получения медико-педагогического образования мужчинами, имеющими детей, а при учебных центрах региональной службы занятости — целевых курсов матерей; возложение на государственные региональные службы занятости разработки региональных комплексных программ гуманизации женского труда и улучшения положения женщин-мате-

рей, а также контроля за их осуществлением местными предприятиями и организациями.

Госкомитету по народному образованию следует осуществить перевод учебных заведений, готовящих кадры для отраслей, использующих преимущественно женский труд, на систему последовательного, поэтапного обучения (с вручением после завершения каждого этапа документа о приобретении соответствующего уровня квалификации: рабочей профессии квалифицированного труда, среднего или высшего образования). Предприятиям необходимо также ввести в практику работы женсоветов систематические опросы женщин, как уходящих в декретный отпуск, так и имеющих детей, о избираемой на дальнейшее время жизненной стратегии (краткий или длительный отпуск по уходу за ребенком, полное прекращение работы на предприятии), о нуждаемости в льготных режимах труда (по видам и желаемой продолжительности пользования) для перевода их на соответствующие режимы и рабочие места.

Усиление социальной защищенности работниц на рынке труда, повышение престижа материнства связаны с дальнейшим совершенствованием правовых основ, для чего Верховному Совету Узбекистана совместно с Министерствами юстиции, экономики, труда и социальным вопросам, по мере укрепления экономического и финансового положения республики необходимо решить такие важнейшие вопросы, как введение к ежемесячным пособиям неработающим матерям надбавок за приобретение педагогических и медицинских знаний; предоставление матерям, имеющим более одного ребенка, дополнительного нерабочего дня ежемесячно для домашнего труда; взыскание с предприятий и организаций дополнительной платы за использование женского труда на тяжелых и вредных, особо тяжелых и особо вредных работах, с перечислением взысканных сумм на развитие местного здравоохранения; снижение ставки налогообложения на прибыль и платы за аренду помещения предприятиям и организациям, использующим только женский труд; предоставление льготных кредитов предпринимателям-женщинам при открытии ими собственного дела в отраслях, обслуживающих нужды населения.

Положительное решение указанных проблем предполагает научно обоснованный учет и анализ специфики труда, быта и досуга женщин и создание на этой основе целостной системы мер социальной защищенности материнства. Должна быть разработана целевая программа гуманизации труда и быта женщин. Для этого надо объединить усилия ученых, разрабатывающих вопросы гуманизации женского труда и улучшения положения женщины-матери. Одновременно требует разработки и система мер по социальной защищенности других групп населения, находящихся по уровню жизни за чертой бедности. Это прежде всего пенсионеры, молодежь и только формирующиеся молодые семьи, инвалиды и др.

Итак, краткий теоретико-методологический анализ проблем занятости и социальной защиты населения республики в период перехода к рынку свидетельствует о том, что отдельными мерами эти проблемы не решить. Необходима специальная национальная программа полной эффективной занятости населения и социальной защиты наиболее бедных его слоев с учетом зарубежного опыта.

В этой связи выбор турецкого варианта, о чем говорил Президент Республики Узбекистан И. Каримов, представляется наиболее приемлемым и целесообразным. Тем более, что Узбекистан и Турция — государства, имевшие в прошлом одинаковые стартовые условия, схожие демографические процессы и уровни социально-экономического развития.

Разумеется, следует учитывать и опыт иных стран, в том числе в целях успешного решения сложных проблем занятости и рынка труда.

Ф. Х. ОТАХОНОВ

О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В нашей независимой республике идет политико-правовая реформа, в которой большое место занимают вопросы формирования демократического правового государства. Его необходимость объективно обусловлена позитивным и негативным опытом предыдущих этапов, задачами становления и развития цивилизованного демократического общества, укрепления и защиты прав и свобод граждан. Это многогранный и длительный процесс, в котором важными направлениями являются создание развитого законодательства, обеспечение его неуклонного исполнения, повышение правовой культуры трудящихся и должностных лиц, четкое определение прав и обязанностей государства и граждан, органов власти и управления, предприятий, организаций и учреждений. В этом процессе важную роль играют правовая работа и юридическая служба в народном хозяйстве, значение которых особенно возрастает в связи с переходом республики на рыночные отношения.

В повышении уровня правовой работы в народном хозяйстве существенная роль принадлежит методическому руководству, которое призвано определять наиболее рациональные приемы, способы организации и ведения правовой работы. Как отмечалось в литературе¹, методическое руководство правовой работой осуществляется в двух формах: внутриведомственной и межведомственной. Внутриведомственное методическое руководство осуществляют вышестоящие функциональные звенья аппарата управления по отношению к нижестоящим; межведомственное — реализуют специальные министерства и иные ведомства (например, Министерство юстиции Республики Узбекистан)².

Если межведомственное методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве было предметом изучения со стороны ученых и практических работников³, то внутриведомственное еще не было объектом исследований.

Условия и методы осуществления руководства правовой работой органами хозяйственного управления (министерства, ведомства) и органами Министерства юстиции не одинаковы. Причем эти различия обусловлены целым рядом объективных причин. В то же время в

¹ См.: Хангельдиев Б. Б. О понятии методического руководства правовой работой в народном хозяйстве//Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Т. 2. М., 1975; Его же. Методическое руководство органов юстиции правовой работой в народном хозяйстве//Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Т. 34. М., 1986; Соколов И. С. Роль межотраслевого методического руководства в организации и совершенствовании правовой работы//Правовая работа в условиях перестройки. М., 1989.

² См. Указ Президента Республики Узбекистан о совершенствовании деятельности Министерства юстиции Республики Узбекистан//Правда Востока. 1992. 10 янв.

³ См.: Васикова М. С. Методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве//Сов. государство и право. 1976. № 7; Ее же. Методическое руководство правовой работой в министерствах и ведомствах//Хозяйство и право. 1979. № 9; Роголь И. М. Вопросы методического руководства правовой работой в народном хозяйстве//Вестник МГУ. Серия: Право. 1979. № 3; Михайлин С. З., Замойский И. Е. Роль методического руководства в улучшении правовой работы. Донецк, 1984.

формах этой работы ведомственных органов и органов юстиции имеется много общего.

Ведомственное руководство правовой работой в народном хозяйстве не ограничивается методическим руководством, осуществляемым юридическими службами вышестоящих хозяйственных органов в отношении юридических служб нижестоящих органов и организаций. В процессе руководства всей производственной и хозяйственной деятельностью подчиненных предприятий и организаций отраслевые органы хозяйственного государственного управления осуществляют руководство и правовой работой в данной отрасли.

Так, в Положении о Министерстве строительства Республики Узбекистан предусмотрено, что министерство в соответствии с возложенными на него задачами осуществляет меры по улучшению правовой работы в подведомственных объединениях, предприятиях, учреждениях и организациях; ведет пропаганду действующего законодательства и обеспечивает его практическое применение⁴. В Положении о Министерстве мелиорации и водного хозяйства Узбекистана, утвержденном постановлением правительства республики от 31 марта 1990 г., указано, что оно обеспечивает разработку и контроль за выполнением мероприятий по правовой и правовоспитательной работе в своей системе⁵. Причем это руководство неразрывно связано с работой юридической службы органа управления, разрабатывающей мероприятия, направленные на улучшение правового обслуживания подведомственных предприятий и организаций.

Юридическая служба министерства (ведомства) должна представлять собой штаб, организующий всю правовую работу в системе данного министерства (ведомства) и правовыми средствами способствующий успешному разрешению задач, поставленных перед этим министерством (ведомством) по руководству предприятиями и организациями.

Постановлением правительства республики от 3 мая 1972 г. № 187 «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению правовой работы в народном хозяйстве» на юридические отделы и юристов центрального аппарата министерств и ведомств были возложены контроль за деятельностью юридических служб на подведомственных предприятиях и в организациях и оказание им необходимой помощи.

В постановлении правительства Узбекистана неоднократно указывалось на необходимость усиления работы со стороны министерств и ведомств по руководству правовой работой в отрасли.

Например, в постановлении от 13 сентября 1973 г. «Об усилении правовой работы в министерствах и ведомствах республики» правительство Узбекистана обязало министерства и ведомства повысить требовательность к работникам юридических служб министерств и ведомств за состояние правовой работы в отрасли в целом, осуществление систематического контроля за работой юристов на подведомственных предприятиях и в организациях, за своевременное оказание им помощи, обсуждать на заседаниях коллегий их отчеты по этому вопросу⁶.

В постановлении правительства республики от 22 октября 1984 г. № 552 о состоянии и дальнейшем совершенствовании правовой службы в министерствах и ведомствах республики министерствам и ведомствам было поручено повысить ответственность руководителей подведомственных предприятий, организаций за состояние правовой работы и при проведении ревизий финансово-хозяйственной деятельно-

⁴ См.: СП УзССР. 1990. № 12. Ст. 30.

⁵ См. там же. № 3. Ст. 9.

⁶ СП УзССР. 1973. № 9. Ст. 63.

сти подведомственных предприятий и организаций отражать в актах ревизий состояние правовой работы, особенно по соблюдению законодательства о труде⁷.

В соответствии с Общим положением о юридическом отделе по вопросам методики ведения правовой работы, работники юридических служб предприятий руководствуются указаниями юридической службы вышестоящей организации, которая осуществляет методическое руководство правовой работой в системе министерства (ведомства). В положениях о юридической службе министерства (ведомства) эта норма находит более конкретное отражение с учетом отраслевых особенностей.

Так, в Положении о юридическом отделе с арбитражем Минхлебопродукта Узбекистана предусмотрено, в частности, что оно осуществляет методическое руководство правовой работой в системе Министерства, проверяет состояние этой работы, заслушивает руководителей юридических служб объединений, предприятий и организаций отрасли о состоянии правовой работы, организует обмен опытом работы юридических отделов, юрисконсультов, в установленном порядке проводит совещания и семинары, организует стажировку работников юридических служб; анализирует информационные и иные материалы о правовой работе объединений, предприятий и организаций отрасли, при необходимости составляет по ним обзоры и докладывает их руководству министерства; разрабатывает мероприятия по пропаганде законодательства в системе министерства и участвует в их осуществлении⁸.

Таким образом, разграничение вопросов методического руководства юридическими службами предприятий со стороны правового отдела вышестоящего органа и вопросов общего руководства правовой работой в хозяйственной системе, осуществляемого этим же вышестоящим органом, представляется невозможным и нецелесообразным⁹.

Учитывая это, мы рассматриваем оба вопроса вместе, объединив их под общим названием «ведомственное руководство правовой работой в народном хозяйстве».

Ведомственное руководство правовой работой в народном хозяйстве осуществляется в различных формах. К их числу относятся:

- разработка и направление методических указаний и рекомендаций;
- изучение и распространение имеющегося в системе министерства и ведомства положительного опыта правовой работы;
- проверка состояния правовой работы с внесением предложений для принятия конкретных мер;
- проведение семинаров и совещаний работников юридических служб предприятий и организаций, а также участие работников юридической службы в семинарах и совещаниях, проводимых другими структурными подразделениями центрального аппарата;
- подготовка типовых (примерных) хозяйственных договоров;
- организация смотров-конкурсов на лучшую постановку правовой работы и деятельности юридических служб;
- обеспечение подведомственных предприятий и организаций необходимыми нормативными актами, методическими рекомендациями и информационными письмами органов юстиции;

⁷ Постановление Совета Министров УзССР за октябрь 1984 г. С. 108.

⁸ Положение о юридическом отделе с арбитражем Минхлебопродукта Узбекистана, утвержденное приказом Министра хлебопродуктов Узбекистана от 28 февраля 1989 г. № 53 (Папка «Положения о структурных подразделениях Минхлебопродукта республики». С. 108).

⁹ Бухаловский О. Н. Юридическая служба в народном хозяйстве. Воронеж, 1976. С. 91.

— затребование информации о работе юридических служб предприятий и организаций;

— оказание с выездом на место практической помощи по наиболее сложным правовым вопросам (хозяйственным и трудовым спорам и т. д.);

— проведение совместно с другими подразделениями работы по повышению деловой квалификации юрисконсультов и правовых знаний хозяйственных руководителей и специалистов отрасли.

Все эти направления деятельности по руководству правовой работой в отрасли неразрывно связаны и взаимообусловлены, причем нередко одними и теми же средствами решаются задачи, относящиеся к разным направлениям. Так, проведение семинара-совещания юрисконсультотрасли направлено одновременно на повышение квалификации кадров и на улучшение правового обслуживания предприятий и организаций по конкретным вопросам деятельности юридических служб, рассмотренным на семинарах.

В то же время одни и те же вопросы руководства правовой работой решаются в различных отраслях разными способами. Так, в системе Министерства промстройматериалов республики преимущественной формой акта, направленного на устранение недостатков в правовой работе подведомственных организаций, являются приказы Министра или указания заместителей Министра, а в Министерстве сельского хозяйства такой формой являются информационные письма или руководства по организации исковой, договорной и иной правовой работы, направляемые за подписью начальника юридического управления.

Приказ или указание обязывает руководителей предприятий к осуществлению предлагаемых мероприятий, но не объясняет, как ту или иную работу организовать. Методическое письмо или руководство, подписанное руководителем юридической службы министерства, не всегда является актом, обязательным для руководства предприятий, однако в нем детально излагаются вопросы организации работы, приводятся образцы документов, формы учета договоров и т. д.

Важной формой методического руководства, позволяющей охватить все юридические службы отрасли, а также других структурных подразделений предприятий, участвующих в осуществлении правовой работы, является подготовка методических указаний, рекомендаций и информационных писем по основным разделам правовой работы. В неполный перечень документов, разработанных юридическими службами министерств и ведомств республики, можно включить: Методические указания для правовых служб отрасли по организации работы по обеспечению сохранности разнообразных форм собственности; Методические рекомендации о формах и методах работы правовых служб по повышению качества продукции; Методические указания о порядке ведения претензионно-исковой работы по хозяйственным договорам в объединениях, на предприятиях, в организациях и учреждениях; Методика доказывания убытков, причиненных нарушением обязательств по договору поставки; Методические рекомендации по подготовке проектов ведомственных и нормативных актов, а также по совершенствованию, учету и хранению действующих нормативных актов; Методические рекомендации по организации правового воспитания работников в объединениях, на предприятиях отрасли; Положение о порядке служебной проверки, оформления и передачи материалов в следственные органы, народный или товарищеский суды в случаях недостач, хищений, потерь (порчи) материальных ценностей, а также в случаях изготовления недоброкачественной, нестандартной, некомплектной продукции.

Указанные методические разработки внедряются в практику, что

способствует правильной организации работы в юридических и других подразделениях, усилению положительного влияния юридических служб на хозяйственную деятельность объединений и предприятий.

Наиболее действенной и достоверной формой контроля за состоянием правовой работы на подведомственных предприятиях и в организациях и испытанным методом, применяемым юридическими службами министерств и ведомств, являются проверки. Юридические службы министерств и ведомств осуществляют такие проверки, используя права министерства или ведомства как вышестоящей организации, осуществляющей контроль за работой подчиненных звеньев хозяйственной системы.

Юридические отделы министерств и ведомств проводят на предприятиях и в организациях проверки правовой работы двух видов: общие (комплексные) проверки и проверки по отдельным вопросам деятельности юридической службы.

Так, юридический отдел с арбитражем Минхлебопродукта республики в 1991 г. проводил общие проверки состояния правовой работы на предприятиях Джизакской и Самаркандской областей. Кроме того, произведена плановая проверка договорной и претензионно-исковой работы на Ташкентском комбинате хлебопродуктов.

Некоторыми министерствами практикуется совмещение проверок постановки правовой работы с проверкой иной деятельности подведомственных предприятий.

Например, при проведении комплексных ревизий производственной и финансово-хозяйственной деятельности подчиненных предприятий проверяются выполнение договорных обязательств, состояние претензионной и исковой работы с привлечением для этого работников юридического отдела министерства, а также предприятий.

Такие комплексные проверки всей хозяйственной деятельности с включением в них основных направлений правовой работы представляются целесообразными и позволяют более правильно оценить постановку юридической службы, чем специальные проверки последней, проводимые в отрыве от анализа работы хозяйственных и экономических служб. Однако не все юридические службы министерств и ведомств имеют программу проверки, что отражается на ее качестве.

Поэтому целесообразно иметь программу проверки, которая может предусматривать выяснение следующих основных вопросов:

1) как организованы юридическая служба, кадры правовых работников, условия работы, обеспеченность юридической литературой и нормативными актами, ведение правовой картотеки, делопроизводства;

2) роль юридической службы в обеспечении законности на предприятии; установлен ли обязательный порядок визирования приказов, случаи отказа в визе, характер нарушений, выявляемых юрисконсультom, и принимаемые им меры; контроль за законностью приказов и распоряжений, издаваемых начальниками цехов и мастерами; были ли протесты прокуратуры на приказы руководителей предприятий; имеют ли место факты издания незаконных приказов;

3) организация претензионной и исковой работы, роль юридической службы в организации претензионной работы; анализ характера, количества, сроков и результатов рассмотрения и предъявления претензий и исков; факты сутяжничества и неосновательного доведения до арбитражного суда споров; выступление юрисконсульта в арбитражном суде; имели ли место факты пропуска сроков исковой давности;

4) организация работы по заключению хозяйственных договоров; имеют ли место факты поставок без заключения договоров или без заказа покупателя; структура договорных связей; преддоговорные споры, их характеристика; юридическая обоснованность заключаемых договоров; в достаточной ли степени обеспечивается защита за-

конных интересов предприятия при заключении договоров, предусматривают ли договоры с определенной полнотой специфику отношений поставщика и потребителя продукции;

5) роль юридической службы в борьбе с хищениями, растратами и недостачами, сроки и обоснованность направления материалов следственным органам; обеспечение взыскания причиненного предприятию ущерба, вызванного хищениями, растратами, недостачами и непроизводительными расходами;

6) работа по обобщению результатов рассмотрения претензий, арбитражных и судебных дел; какие вопросы ставит юридическая служба перед руководством предприятия по устранению недостатков в финансово-хозяйственной деятельности предприятия и меры по устранению этих недостатков;

7) участие юридической службы в обеспечении соблюдения законодательства о труде и укреплении трудовой дисциплины;

8) консультационная работа юрисконсульта; оказание помощи юридической службой в работе комиссий по рассмотрению трудовых споров и товарищеских судов;

9) работа юрисконсульта по пропаганде действующего законодательства (беседы, доклады, лекции, участие в печати и т. д.)¹⁰.

Обследование правовой работы на предприятии должно сопровождаться оказанием конкретной помощи в улучшении организации юридической службы.

Нельзя забывать, что непосредственное руководство юридическими службами на предприятиях осуществляется руководителями предприятий и потому непосредственное вмешательство в их повседневную оперативную работу сверху, минуя руководство предприятия, недопустимо. Полезно обсудить итоги проверки на совещании у руководства предприятия с участием представителей других служб предприятия, связанных с работой юридической службы.

Материалы проверок, проводимых юридическими службами министерств на предприятиях, должны обобщаться и использоваться для улучшения организации правовой работы на всех предприятиях.

Поскольку юридические службы министерств и ведомств Узбекистана находятся в Ташкенте, т. е. в значительном удалении от большинства своих предприятий, разбросанных по всей территории республики, постоянный контроль и проверки состояния правовой работы на всех (или на многих) предприятиях — задача для ведомственных органов почти невыполнимая. Обычно в течение хозяйственного года могут быть обследованы лишь несколько, как правило, наиболее крупных предприятий, условия работы на которых существенно отличаются от массы мелких предприятий, где либо отсутствуют юридические службы, либо они малочисленны. Привлечь к работе по проверке предприятий актив юрисконсультов подчиненных министерству организаций не всегда возможно, поскольку против длительных командировок своих юрисконсультов для иногородних проверок нередко возражают предприятия, на которых юрисконсульты работают.

В совершенствовании деятельности юридической службы предприятий немаловажную роль играет изучение практических аспектов правовой работы, особенно тех, которые связаны с надежными, стабильными источниками информации экономического и социального характера.

В настоящее время отчетность по правовой работе в народном хозяйстве официально органами статистики не установлена. Что касается экономической информации, то она содержится в разрозненном

¹⁰ См.: Шор Л. М. Организация юридической службы на предприятиях и в совхозах. М., 1960. С. 158—159.

виде, в бухгалтерских отчетах и балансах, в объяснительных записках к ним, в бюллетенях и справочниках статорганов, отчетах арбитражного суда и т. д. Информация же социального значения, например данные о количестве трудовых споров, о числе лиц, восстановленных на работе по представлению профсоюзных органов, протесту прокуратуры и решениями судов, о причинах увольнения по собственному желанию и т. п., вообще не находят отражения в официальной отчетности.

Поэтому министерства, ведомства и другие органы, осуществляющие методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве, вынуждены запрашивать сведения разового характера.

Так, Министерство хлебопродуктов Узбекистана два раза в год запрашивает у территориальных производственных объединений хлебопродуктов, предприятий и объединений, непосредственно подчиненных Министерству, информации о проделанной правовой работе за полугодие и год. Информация подписывается руководителем или его заместителем и ведущим юрисконсультом объединения или предприятия. К информации прилагаются сведения по установленной Министерством форме, предусматривающей данные:

— о численном, качественном составе работников юридической службы, форме правового обслуживания, наличии уголков права, общественной юридической консультации и отдела кадров, советов профилактики правонарушений, комиссии по трудовым спорам и сохранности государственной собственности;

— о количестве заключенных хозяйственных договоров (договоров поставки: муки и крупы, комбикорма, хлебобулочных, макаронных и кондитерских изделий; контрактации и проч.);

— о выявленных фактах хищений, в том числе мелких, размере ущерба, рассмотрении случаев хищений: администрацией, трудовым коллективом, товарищеским судом, комиссией по сохранности государственного имущества, народным судом, органами внутренних дел; количестве работников, уволенных за хищение, и сумме, взысканной с виновных лиц за ущерб;

— о произведенных юридической службой проверках, выявленных нарушениях и недостатках по вопросам обеспечения сохранности государственной собственности, соблюдения трудового законодательства, организации претензионной работы;

— о суммах, взысканных в пользу предприятий через суд, арбитраж и в претензионном порядке, в том числе имущественных санкциях за недопоставку, некачественную поставку продукции и товаров, несвоевременный возврат мешкотары, просрочку доставки грузов железной дорогой, невыполнение договора подряда на капитальное строительство, несвоевременную оплату продукции и товаров, нарушение обязательств по договорам контрактации и т. д.

— о суммах имущественных санкций, уплаченных предприятием своим контрагентам за недогруз, недопоставку, некачественную поставку продукции и товаров, невыполнение договора подряда на капитальное строительство, нарушение срока возврата тары; простой вагонов и автотранспорта, невыполнение плана перевозок, несвоевременную оплату поставленной продукции, нарушение графика доставки грузов и о взысканных суммах с виновных лиц, уплате штрафов (пени и неустойки);

— о количестве прочитанных на правовые темы лекций, проведенных семинаров для руководителей, специалистов, рабочих и служащих, материально ответственных лиц и юристов, даче консультаций и разъяснений по применению законодательства;

— о рассмотрении писем и жалоб работниками юридической службы.

Юридические отделы некоторых министерств (например, Минсельхоза, Минторга Узбекистана) практикуют вызовы с информацией начальников юридических служб крупных предприятий. Перед вызовом анализируются все данные, имеющиеся в министерстве, о правовой и связанной с ней экономической работе на предприятии, материалы проверок (если они проводились); поступившие в министерство жалобы; сообщения или представления органов прокуратуры, суда, арбитражного суда о недостатках в правовой работе предприятия и т. д. Все данные обобщаются в целом по министерству и ведомству. В необходимых случаях вносятся предложения об издании приказа по министерству или методического указания, которые рассылаются всем предприятиям и организациям отрасли, причем эти указания носят директивный характер, являются обязательными для подчиненных звеньев хозяйственной системы.

Таким образом, компетенция органов хозяйственного управления и их юридических служб в вопросах контроля и обеспечения правильной организации правовой работы существенно шире компетенции органов Министерства юстиции.

Безусловно, сбор всех указанных выше сведений необходим, но он не может дать полной картины состояния правовой работы на предприятиях; кроме того, не во всех министерствах и ведомствах установлен запрос даже таких информаций.

В связи с этим заслуживает поддержки предложение М. С. Васиковой о «необходимости включения в действующую статистическую отчетность дополнительных показателей, отражающих использование правовых средств в народном хозяйстве, а также введения комплексных отчетов юридических служб, охватывающих все направления их деятельности».

С одной стороны, — это создает стабильные источники информации, подлежащей использованию при изучении правовой работы, а с другой, — содействовало бы усилению контроля за результативностью¹¹.

Важной формой руководства правовой работой на предприятии со стороны министерств являются проводимые ими семинары и совещания юрисконсультгов.

Так, в ряде министерств и ведомств в 1990—1991 гг. проводились совещания юрисконсультгов всех предприятий и организаций, на которых на основе проверки работы юрисконсультгов обсуждались меры по совершенствованию организации правовой работы, укреплению законности и усилению использования правовых средств для улучшения финансово-хозяйственной деятельности предприятий в условиях перехода к рыночным отношениям.

Юридические отделы с арбитражем министерств стали активнее практиковать проведение совещаний-семинаров юрисконсультгов с участием главных бухгалтеров, начальников производственно-технологических лабораторий, работников отделов кадров. На них рассматриваются такие актуальные вопросы правовой работы, как заключение и контроль за исполнением договоров, организация правовой работы по сокращению непроизводительных расходов и обеспечению надлежащего качества продукции, мероприятия по укреплению трудовой дисциплины и т. п. Целесообразность проведения таких совещаний-семинаров не вызывает сомнений, ибо сложные вопросы, которые встречаются в практике применения законодательства, нельзя предусмотреть ни в каких методических указаниях и информационных письмах.

В целях повышения уровня правовой работы и роли юридичес-

¹¹ Васикова М. С. Методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве // Сов. государство и право. 1976. № 7. С. 16.

ких служб, усиления воздействия правовых средств на экономику предприятий и дальнейшего укрепления законности в их деятельности отдельные министерства и ведомства республики систематически проводят смотры-конкурсы юридических служб подведомственных предприятий и организаций.

Так, в Министерстве хлебопродуктов республики приказом Министра от 6 февраля 1990 г. № 30 был объявлен республиканский смотр-конкурс работы юридических служб системы и утверждены Положения и состав комиссии по его проведению, куда вошли первый заместитель министра, руководители главного экономического управления, управления кадров и социального развития, юридического отдела с арбитражем и др. Положением были определены основные задачи, условия, порядок организации, подведения итогов смотра-конкурса и меры поощрения. Организация смотра-конкурса и представление на республиканскую комиссию материалов о деятельности лучших юридических служб возлагались на руководителей и ведущих юрисконсультов территориальных производственных объединений хлебопродуктов.

Оценка уровня работы юридических служб проводилась по системе из 15 показателей, характеризующих положительные и отрицательные стороны ее деятельности. К положительным отнесены, например, выполнение плана регулярных проверок соблюдения законодательства на подчиненных предприятиях, в производственных единицах и структурных подразделениях; своевременная передача материалов о хищениях, недостачах в правоохранительные органы; проведение анализа претензионно-исковой работы; полнота и своевременность заключения договоров; сумма взысканных штрафных санкций; участие в ликвидации дебиторской задолженности; количество прочитанных лекций и проведенных семинаров и бесед на правовые темы и др. К отрицательным показателям, в частности, были отнесены:

— количество приказов, договоров и других правовых документов, подписанных руководителем предприятия без визы юрисконсульта, с нарушением действующего законодательства;

— количество приказов с визой юридической службы с нарушением законодательства;

— количество случаев пропуска исковой давности по арбитражным и судебным делам.

Анализ представленных материалов на заседании республиканской смотровой комиссии показал, что наилучших результатов в смотре-конкурсе добились пять юридических служб: Ташкентского комбината хлебопродуктов, территориальных производственных объединений «Каракалпакхлебопродукт», «Ташкентхлебопродукт», «Бухарахлебопродукт», производственного объединения «Янгиюльхлебопром». Приказом Министра им присуждены три призовых места и они награждены Почетными грамотами Министерства и денежными премиями.

Для юридических служб этих объединений и предприятий характерно значительное улучшение правовой работы по основным ее направлениям: обеспечение сохранности государственной собственности, соблюдение трудового законодательства и укрепление трудовой дисциплины, улучшение качества выпускаемой продукции, контроля за выполнением договорных обязательств и т. д.

Как отмечалось в приказе, многие юридические службы, включившись в соревнование, заметно улучшили правовую работу, что положительно отразилось на выполнении основных производственных показателей.

Таким образом, проведение отраслевых смотров-конкурсов работы юридических служб является одной из форм ведомственного руководства правовой работой в народном хозяйстве и заслуживает широкого распространения. При этом министерствам и ведомствам необ-

ходимо использовать лучший опыт организации этой работы и рекомендации, опубликованные в периодической печати¹².

Повышение квалификации кадров юридических служб осуществляется министерствами и ведомствами различными путями, основными из которых являются обучение на специальных курсах или в институтах повышения квалификации руководящих работников и специалистов и участие в семинарах-совещаниях (работа которых организуется нередко с тематическим уклоном, учитывающим специфику правовой работы в данной отрасли). Задачами повышения квалификации кадров служат и такие формы работы юридических отделов министерства, как рассылка информационных писем и различного рода руководств органов Министерства юстиции, изучение опыта организации правовой работы и прохождения стажировки юрисконсульты предприятий на базовых предприятиях отрасли.

Мы уже говорили, что юрисконсульты пока имеются не на всех предприятиях. Кроме того, наиболее действенной формой методического руководства является оказание практической помощи юридической службе конкретного предприятия по конкретным аспектам работы, которая ведется здесь слабо. Такое руководство оказывается для юридических служб министерства, как правило, затруднительным.

Ознакомление с материалами практики показывает, что ведомственное руководство правовой работой не во всех министерствах и ведомствах и не по всем направлениям ведется одинаково хорошо.

Это обусловлено тем, что во многих положениях о министерстве (ведомстве) не предусмотрена функция по осуществлению руководства правовой работой в системе. Другая причина заключается в том, что в отдельных министерствах и ведомствах организатор этой работы — юрисконсульт отсутствует или представлен в единственном числе. И он, естественно, занимается главным образом консультациями, разъяснениями, осуществлением контроля за законностью приказов, инструкций и распоряжений в пределах центрального аппарата.

Новые условия работы требуют совершенно нового отношения к использованию правовых средств для наведения должного порядка и улучшения финансово-хозяйственной деятельности предприятий. В осуществлении этих задач многое должны сделать работники юридических служб центрального аппарата министерств и ведомств, прежде всего по руководству правовой и правовоспитательной работой в отрасли.

Однако действующие нормативные акты, регулирующие функционирование юридических служб, не отвечают современным требованиям. Крайне необходимо принять в республике Закон о правовой работе в народном хозяйстве, органах государственной власти и управления, где определить содержание самого понятия «правовая работа», ее задачи и основные направления, круг субъектов (органы и лица, осуществляющие руководство правовой работой и ее организацию), их ответственность за недостатки в этом деле, с учетом особенностей организации этой работы на малых, совместных, арендных, кооперативных предприятиях, акционерных обществах, товарно-сырьевых биржах, брокерских конторах и т. д. Нужен также Закон о юридической службе в республике взамен устаревшего Общего положения о юридическом отделе, и в нем необходимо предусмотреть основные задачи, порядок организации, обязанности, права и ответственность юридической службы предприятий, организаций, учреждений, а также органов государственной власти и управления (Верховного Совета, аппарата Президента, Кабинета Министров, министерств и ведомств, исполнительных комитетов местных Советов).

¹² См.: Хозяйство и право. 1979. № 5. С. 33—35; № 9. С. 36—38; 1981. № 12. С. 47—49; 1983. № 7. С. 58—61; Советская юстиция. 1980. № 14. С. 16—17.

Принятие такого Закона взамен подзаконного акта послужит поднятию роли и значения юридической службы в условиях формирования демократического правового государства, усилению гарантий независимости юридических работников, повышению их роли и эффективности правовой работы в народном хозяйстве Узбекистана.

С. А. ЯКУБОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

31 августа 1991 г. Президент Республики Узбекистан, как известно, издал Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» и было принято постановление Верховного Совета республики «О провозглашении государственной независимости Республики Узбекистан». Итак, республика провозглашена независимым, демократическим государством¹.

В этой связи возникает ряд вопросов законотворческой и правоприменительной деятельности, совершенствования нормативных актов республики.

Исходя из ст. 5 Закона «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», верховенством обладают Конституция Республики Узбекистан и ее законы. Следовательно, на территории Узбекистана в первую очередь должны действовать республиканские законы. Соответственно этому законодателю следовало прежде всего изменить названия республиканских кодексов: уголовного, гражданского, гражданского процессуального и других, которые до того именовались УК УзССР, ГК УзССР, ГПК УзССР и т. д. Это необходимо было сделать незамедлительно, ибо они имеют ежедневное применение и это важно для правоприменительной деятельности и прежде всего для судов. Соответственно, в них надо было изменить и статьи, содержащие старое название Республики: УзССР, — на новое название — Республика Узбекистан. Это было сделано лишь 30 сентября 1991 г. Законом Президента Республики Узбекистан «О внесении изменений в Конституцию (Основной Закон) Узбекской ССР»².

Вместе с тем законодательной власти предстоит проделать огромную работу по кодификации нового законодательства республики, которое не должно дублировать нормативные акты России или иных республик бывшего Союза, а исходить из правового статуса Узбекистана — независимого, демократического государства.

Необходимость совершенствования республиканского законодательства очевидна, причем оно должно производиться своевременно, с учетом теории и практики действия нормативных актов.

Так, 14 июня 1991 г. Президентом Узбекистана издан Закон о внесении изменений и дополнений в ряд кодексов Узбекистана, в том числе Гражданский процессуальный Кодекс (ГПК УзССР)³.

В свое время Совет Министров СССР принял постановления, регламентирующие новые ставки государственной пошлины в суде по гражданским делам: постановление № 894 от 25 октября 1989 г. и № 143 от 10 февраля 1990 г.⁴ Эти постановления практически действовали и применялись судами республики без внесения соответствующих изменений в ГПК Узбекистана. И лишь Законом Республики от 14 июня 1991 г. ст. 88 ГПК была приведена в соответствие с указанными постановлениями.

¹ Правда Востока. 1991. 5 сен.

² Правда Востока. 1991. 5 окт.

³ Народное слово. 1991. 9 июля.

⁴ См.: СП. 1989. № 35. Ст. 159; СП. 1990. № 7. Ст. 35.

Аналогичное положение имело место и с нормами права, регламентированными в главе 24¹ ГПК Узбекистана, которая с опозданием продублировала Закон СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», хотя он на практике применялся судами Узбекистана уже с 1 июля 1990 г.

Законом Республики Узбекистан от 14 июня 1991 г. дана новая редакция ч. 2 ст. 169, ч. 3 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 2 ст. 180 ГПК Узбекистана с учетом норм ранее принятого Закона СССР от 2 ноября 1989 г. «Об ответственности за неуважение к суду», действующего с 1 декабря 1989 г.

Представляется, что положения, зафиксированные в Законе Республики Узбекистан от 14 июня 1991 г., необходимо было принять гораздо раньше, а некоторые положения не следовало регламентировать вообще. Отдельные нормы Закона «Об ответственности за неуважение к суду» не нашли отражения в ГПК Узбекистана, хотя часть их следовало бы регламентировать.

Так, в ст. 7 ГПК Республики Узбекистан закреплен конституционный принцип участия народных заседателей в рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции. Напомним, что ст. 6 Закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду» установила ответственность должностных лиц за воспрепятствование явки в суд народных заседателей для выполнения ими своих конституционных обязанностей. Представляется, что такого рода положения необходимо было регламентировать также в ст. 7 ГПК Республики Узбекистан, ибо и у нас имеются факты, когда должностные лица предприятий, учреждений, организаций под тем или иным предлогом не допускают своих рабочих, служащих к исполнению ими своих общественных обязанностей в качестве народного заседателя в суде. Причиной неявки в суд народных заседателей нередко являются переход предприятий на хозрасчет и нежелание платить заседателям зарплату за время работы в суде, а суд эти расходы не возмещает, ибо нет специального фонда оплаты расходов народных заседателей⁵.

При таком положении, когда народный заседатель не явился в суд не по своей воле, суды должны будут в этой части руководствоваться на практике не ГПК Узбекистана, а Законом СССР от 2 ноября 1989 г., что противоречит ст. 5 Закона «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан».

Это в равной мере относится к правилам, регламентированным в ст. 235 ГПК Республики Узбекистан, — праву суда выносить частные определения в целях предупреждения гражданских правонарушений, когда адресат обязан в месячный срок со дня получения копии частного определения дать ответ суду о принятых мерах. На практике это часто не выполняется. Поэтому следовало ст. 235 ГПК Республики Узбекистан дополнить новой частью, устанавливающей административный штраф в размере до ста рублей за оставление должностным лицом без рассмотрения частного определения либо непринятие мер к устранению указанных в нем нарушений закона, а равно за несвоевременный ответ суду на его частное определение.

В настоящее время, согласно ст. 6 Закона Республики Узбекистан от 31 августа 1991 г., должны применяться только нормы гражданского процессуального законодательства республики. Но в силу указанных причин это не всегда делается, и ряд судов применяют пока Закон «Об ответственности за неуважение к суду».

Кроме того, представляется, что отдельные положения Закона

⁵ См.: Правда. 1991. 13 июня.

не следовало регламентировать в ГПК Узбекистана, ибо они практически применяться не будут.

Так, новая редакция ч. 3 ст. 178 ГПК устанавливает, что «в случае злого уклонения от явки в судебное заседание лица, участвующие в деле, и представители, отсутствие которых повлекло осложнение разбирательства дела, а также должностные лица предприятий, учреждений или организаций, по вине которых не была обеспечена явка представителя в судебное заседание, несут административную ответственность в виде ареста до пятнадцати суток или штрафа в размере до ста рублей».

Ст. 30 ГПК Республики Узбекистан, определяя «Состав лиц, участвующих в деле», относит к ним: «стороны, третьи лица, прокурора, органы государственного управления, профсоюзы, государственные предприятия, учреждения, организации, колхозы, иные кооперативные организации, их объединения или отдельные граждане, которые участвуют в гражданском процессе путем возбуждения дела», а прокурор и органы государственного управления участвуют еще и путем дачи заключения по делу.

Следовательно, исходя из смысла и содержания новой редакции ч. 3 ст. 178 ГПК Узбекистана, согласно Закону Республики от 14 июня 1991 г., прокурор и представители указанных органов и организаций, как лица, участвующие в деле, могут быть подвергнуты судом административной ответственности в виде ареста до пятнадцати суток или штрафа в размере до ста рублей.

Кроме того, согласно новой редакции ч. 3 ст. 178 ГПК, указанным мерам административной ответственности могут быть подвергнуты адвокат, как договорной представитель сторон и третьих лиц, родитель, усыновитель, опекун и попечитель — как законные представители и другие представители, которые участвуют в гражданском процессе (ст. 47 ГПК Республики Узбекистан).

Нереальность регламентации в ч. 3 ст. 178 ГПК административной ответственности в виде ареста или штрафа в отношении прокурора, представителя сторон очевидна, и эта статья на практике применяться не будет.

Вместе с тем надо сказать, что не следовало в новой редакции ч. 3 ст. 178 ГПК употреблять слова: «лиц, участвующих в деле», а надо было указать лишь слово: «стороны», и тогда все стало бы на свои места.

Изменяя ч. 3 ст. 178 ГПК Узбекистана, законодатель не учел или выпустил из виду действующую ч. 4 ст. 178 ГПК, которая устанавливает, что «о неявке без уважительных причин прокурора или адвоката суд сообщает соответственно вышестоящему прокурору или президиуму коллегии адвокатов». Соответственно этим представлениям суда прокурор и адвокат могут нести дисциплинарную ответственность согласно действующим нормам законов о прокуратуре и адвокатуре. Поэтому представляется, что ч. 4 ст. 178 ГПК Узбекистана является достаточной дисциплинирующей процессуальной санкцией в отношении прокурора и адвоката.

В отношении же представителей лиц, участвующих в деле, дисциплинирующим воздействием являются представления, направляемые судом в вышестоящие органы или должностным лицам, а в крайнем случае может быть применена санкция в виде штрафа в размере до ста рублей, но никак не арест до пятнадцати суток.

Совершенно справедливо замечают П. Лупинская и М. Шакарян, что представляет определенную трудность разграничение случаев неуважения к суду, влекущих процессуальную ответственность, от случаев, когда должно быть наложено административное взыскание. Например, довольно сложно отграничить случаи неявки по вызову

суда «по неуважительной причине», что влечет за собой процессуальную ответственность, налагаемую судом в том же судебном заседании, от «злостного уклонения от явки в суд», которое влечет административную ответственность⁶.

В правоприменительной деятельности суда должна быть и этическая сторона, тем более по гражданским делам, и в отношении к таким субъектам, как лица, участвующие в деле, т. е. прокурор, адвокат, представители органов государственного управления, профсоюза и т. д.

Мы считаем, что ч. 3 ст. 178 ГПК Узбекистана в новой редакции не нужна, ибо противоречит теории и практике гражданского процесса, с учетом того, что новая редакция ч. 1 ст. 179 ГПК регламентирует санкцию в виде ареста до пятнадцати суток или штрафа в размере до ста рублей в случае злостного уклонения от явки в судебное заседание истца либо ответчика, либо истца и ответчика, если от каждого из них не поступало заявление о разбирательстве дела в его отсутствие и суд откладывает разбирательство дела.

Нормы гражданского процессуального права связаны между собой. Поэтому представляется необходимым обратить внимание на ст. 115 ГПК Республики Узбекистан, устанавливающую процессуальные сроки рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде первой инстанции. Данная статья конкретизирует положения ст. 2 ГПК Республики Узбекистан, т. е. задачи гражданского судопроизводства — быстрое и правильное рассмотрение и разрешение гражданского дела.

Ст. 115 ГПК установлены процессуальные сроки рассмотрения всех гражданских дел в суде первой инстанции в пределах одного месяца со дня окончания подготовки дела к судебному разбирательству, а по отдельным категориям дел: алиментам, трудовым, возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца, установлены краткие сроки — десять дней, если стороны находятся в одном городе или районе, а в других случаях — не позднее двадцати дней.

Если судами будет применяться санкция ч. 3 ст. 178 ГПК и при злостной неявке представителя или истца и ответчика и последует их арест до пятнадцати суток, то будет затягиваться разрешение гражданского дела, а следовательно, не будет выполняться и задача гражданского судопроизводства — быстрая защита нарушенных прав и интересов субъектов материального правоотношения, т. е. граждан и организаций.

И в этой части законодателю следовало бы подумать об изменении содержания ст. 115 ГПК Республики Узбекистан в сторону увеличения процессуальных сроков рассмотрения гражданских дел в суде первой инстанции.

Важнейшим в кодификационной работе является правильное и своевременное внесение изменений и дополнений в законодательство. При этом необходимо исходить из того, что измененная или дополненная норма или нормы права должны реализоваться, применяться на практике.

Построение правового государства немислимо без дальнейшей демократизации законодательства в такой важнейшей сфере, как судебная деятельность, а последняя может осуществляться лишь при реальной работе всех норм гражданского процессуального права, и восполнение пробелов в гражданском процессуальном законодательстве надо строить так, чтобы не возникало проблем в правоприменительной деятельности суда по осуществлению правосудия.

⁶ Лупинская П., Шакарян М. Применение Закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду» // Сов. юстиция. 1991. № 5. С. 3.

ЗАКОН ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ

В политической системе правового государства важное место занимают различные общественные объединения граждан, способствующие вовлечению их в процессы управления обществом и государством, раскрытию их творческого и интеллектуального потенциала. Ст. 48 Конституции Узбекистана провозглашает право граждан республики объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях, которые способствуют развитию политической активности и самодетельности масс, удовлетворению их многообразных интересов.

До недавнего времени в стране, в частности в Узбекистане, имелось ограниченное количество общественных объединений, действующих при минимальных правах и жестком контроле государства, что не способствовало раскрытию их творческого потенциала.

Новым этапом в развитии демократических начал в деятельности общественных объединений стало принятие 15 февраля 1991 г. Верховным Советом республики Закона «Об общественных объединениях в Узбекской ССР»¹, предоставившего общественным объединениям значительные права и возможности в осуществлении поставленных ими задач и целей.

В преамбуле Закона указано, что, исходя из Всеобщей декларации прав Человека и Конституции УзССР, настоящим Законом за гражданами, как их неотъемлемое право, закрепляется свобода создания общественных объединений. Примечательно, что в преамбуле Закона цитируется важнейший общечеловеческий правовой документ, что подтверждает признание республикой общечеловеческих ценностей на практике.

В ст. 1 Закона отмечается, что общественным объединением является добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся для совместной реализации их прав, свобод и законных интересов в сфере политики, экономики, социального развития, науки, культуры, экологии и других областях жизни. Важно, что здесь закрепляется исключительно добровольный характер создания объединения: это может исключить давление и тем более принуждение при создании таких объединений. Вместе с тем полезно было бы закрепить и ответственность инициаторов создания общественных объединений за факты давления, принуждения и шантажа при формировании этих объединений.

Ц. А. Ямпольская правильно отмечает, что понимание всевозрастающей роли общественных организаций имеет большое теоретическое и практическое значение².

В условиях демократического правового государства основным требованием ко всем общественным организациям должно оставаться вовлечение широких масс в управление делами общества и государства.

Анализируя республиканский Закон об общественных объединениях, необходимо констатировать, что в целом он соответствует Закону СССР «Об общественных объединениях в СССР», принятому Верховным Советом СССР 9 октября 1990 г.³ Так, в ст. 1 Закона отмечается, что общественными объединениями признаются политические партии,

¹ Правда Востока. 1991. 26 февр.

² Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. М., 1972. С. 5.

³ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 839.

массовые движения, профессиональные союзы, женские, молодежные и детские организации, организации ветеранов и инвалидов, научно-технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие объединения граждан. Это положение полностью воспроизводится в ст. 1 Закона Узбекской ССР.

В Законе сказано, что действие указанного акта не распространяется на кооперативные и иные организации, преследующие коммерческие цели либо содействующие извлечению прибыли другими предприятиями и организациями, на религиозные организации, органы общественного самоуправления (советы, комитеты, микрорайонов, махаллинские, домовые, уличные и квартальные, поселковые, кишлачные комитеты и иные), органы общественной самостоятельности (народные дружины, товарищеские суды и другие), порядок создания и деятельности которых определяется иным законодательством.

В Законе (ст. 3) отмечается, что общественные объединения создаются в целях реализации и защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод; развития активности и самостоятельности граждан, их участия в управлении государственным и общественными делами; удовлетворения профессиональных и любительских интересов, развития научного, технического и художественного творчества; охраны здоровья населения, участия в благотворительной деятельности; проведения культурно-просветительской, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы; охраны природы, памятников истории и культуры; патриотического и гуманистического воспитания; расширения межреспубликанских связей, укрепления мира и дружбы между народами; осуществления иной деятельности, не запрещенной законодательством. Несомненно, что данный Закон установил для общественных объединений самую широкую сферу деятельности, однако открытым остается вопрос, сумеют ли они эффективно воспользоваться этим правом и прежде всего сами трудящиеся, а не элитарная часть общества.

Известно, что ускоренное развитие научно-технического прогресса требует более глубоких специальных знаний от работников государственного аппарата, и это является препятствием для широкого вовлечения масс и представителей общественных объединений в государственное управление. В такой ситуации естественно, что общественные объединения скорее всего будут создаваться высокообразованной интеллигенцией, бывшими работниками аппарата управления в своих интересах и в меньшей степени — рабочими и жителями сельских районов, которым вновь уготована роль простых членов.

Нельзя не принимать во внимание, что часть общественных объединений будет создаваться лишь в интересах отдельных лиц, пытающихся таким образом реализовать свои цели. Более того, такие объединения, становясь гражданско-правосубъектными, могут оказывать определенное влияние на правовую политику в республике, и это в условиях укрепления личной неограниченной власти руководителей общественных объединений, постоянно испытывающих соблазн управлять людьми, которых они представляют, по своему усмотрению.

Рассматривая Закон применительно к современным условиям, нельзя не учитывать, что цели и задачи многих известных общественных объединений страны и республики (например, Общество «Знание», ДОСААФ и др.) не утратили своей актуальности и сейчас. Кроме того, некогда важная задача передачи государственным органами части своих функций общественным объединениям в определенных масштабах вполне реализуема и ныне. Это прежде всего относится к таким государственным органам, как государственные комитеты республики по охране природы, лесу, физкультуре и др.

Закон (ст. 3) гласит, что не допускается создание общественных объединений, деятельность которых направлена на разрушение нравственных устоев общества, общечеловеческих гуманистических ценностей, а также имеющих целью противозаконное изменение конституционного строя или нарушение территории Узбекистана и Каракалпакстана, пропаганду войны, насилия и жестокости, разжигание социальной, в том числе классовой, а также расовой, национальной и религиозной вражды, ведущей к расколу общества, совершение иных запрещенных законодательством деяний. Здесь же, на наш взгляд, можно было назвать и объединения, пропагандирующие свои традиции и обычаи вразрез с устоями коренного населения республики.

В отличие от бывшего союзного Закона, республиканский Закон устанавливает, что любые попытки оказывать под предлогом демократического решения давление на законно функционирующие органы власти и управления и должностных лиц пресекаются законом. Представляется, что это положение нуждается в разъяснении. Так, проведенные в установленном порядке общественным объединением митинг, собрание, уличное шествие или демонстрация могут не понравиться тому или иному органу власти и управления, должностному лицу. Эти мероприятия могут быть расценены как давление, хотя являются вполне легальными и законными. Нормально функционирующий орган власти и управления, безусловно, должен прислушиваться к мнению общественности. Другое дело, когда отдельные общественные объединения ставят единственной своей целью проведение чуть ли не ежедневных митингов и демонстраций с целью смещения неудобных должностных лиц. И уж тем более нетерпимы попытки некоторых общественных объединений вмешиваться в осуществление правосудия.

Преследуются в соответствии с законом и создание, деятельность общественных объединений, посягающих на здоровье и нравственность населения, права и охраняемые законом интересы граждан.

В ст. 4 Закона говорится, что общественные объединения создаются и действуют на основе добровольности, равноправия их членов (участников), самоуправления, законности и гласности. В действительности же перед нами — одна из сложнейших проблем в деятельности общественных объединений. Некоторые из них в целях предоставления неограниченных прав своим руководителям вносят в свои Уставы заведомо недемократические принципы внутреннего устройства, не конкретизируя и принцип самоуправления низовых звеньев. В частности, вводятся такие правила, как проведение собраний лишь при наличии 1/3 членов объединения, установление норм представительства аппарата и т. д.

Ст. 5 Закона, посвященная взаимоотношениям государства и общественных объединений, предусматривает, что государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений и в соответствии с Конституцией гарантирует условия для выполнения ими уставных задач. При этом молодежным и детским организациям государство оказывает материальную и финансовую поддержку, обеспечивает проведение по отношению к ним льготной налоговой политики, предоставляет детским организациям право пользования помещениями школ, внешкольных учреждений, клубами, дворцами и домами культуры, спортивными и иными сооружениями бесплатно или на льготных условиях. Здесь важно, чтобы государственные органы не устанавливали протекции по отношению к некоторым «своим» объединениям, а с другой стороны, чтобы кооперативы или иные преследующие коммерческие цели объединения не наживались за счет детей и молодежи.

Устанавливается, что вмешательство государственных органов и

должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц, не допускаются, кроме случаев, когда это предусмотрено в законе. Вообще в большинстве развитых стран мира контроль государства над деятельностью общественных объединений и прежде всего партий упрямден.

Думается, что в наших условиях контроль пока нужен, однако он не должен носить политизированный характер, иначе говоря, он должен быть прежде всего правовым и деполитизированным. В условиях республики не исключены и попытки использования общественных объединений для незаконного обогащения посредством получения прав и льгот, предоставляемых общественным объединением, и здесь тоже нужен контроль.

Контрольно-надзорным отношениям в связи с деятельностью общественных объединений посвящена 4 глава Закона. В ней определены государственные органы, осуществляющие соответствующие функции, виды и оснований ответственности за нарушение законодательства об общественных объединениях.

Финансовым органам предоставлено право осуществлять контроль за источниками доходов общественных объединений, размерами полученных ими средств и уплатой установленных налогов.

Надзор за исполнением законов общественными объединениями осуществляют органы прокуратуры. Заметим, что прокурорский надзор распространяется и на деятельность всех политических партий.

Важные полномочия в сфере контроля принадлежат органам юстиции. Министерство юстиции Республики Узбекистан и его местные органы, зарегистрировавшие устав общественного объединения, призваны осуществлять контроль за соблюдением положений устава относительно целей деятельности общественного объединения. При этом регистрирующий орган вправе требовать от руководящего органа общественного объединения представления принятых решений, направлять своих представителей для участия в проводимых общественным объединением мероприятий, получать объяснения от членов общественного объединения и других граждан по вопросам, связанным с соблюдением общественным объединением своего устава. Контрольные функции осуществляет также суд — при рассмотрении дел о ликвидации общественного объединения.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, при подготовке проектов по внесению изменений и дополнений к Закону об общественных объединениях в республике надо обратить внимание на следующие обстоятельства:

1. Действующее республиканское законодательство не устанавливает дополнительную регистрацию межреспубликанских общественных объединений по месту их дислокации. Мы считаем необходимым в обязательном порядке установить дополнительную регистрацию, которая облегчила бы положение и дала возможность контролировать их деятельность.

2. На практике нормы республиканского Закона об общественных объединениях нередко толкуются неправильно. Например, Министерством юстиции СССР в прошлом были зарегистрированы две международные корейские ассоциации МКАДИС и АСОК (регистрационные номера соответственно 0016 и 0019), штаб-квартиры руководящих органов которых находятся в Ташкенте.

Вместе с тем, согласно республиканскому Закону об общественных объединениях, на территории Узбекистана не допускается деятельность филиалов международных, межреспубликанских (межрегиональных) общественных объединений, в том числе массовых движений

и других их структурных подразделений, не зарегистрировавших свои уставы в Министерстве юстиции Узбекистана и его органах на местах.

3. Определенную сложность в толковании и применении представляют нормы Закона, которые исключают коммерческую деятельность общественных объединений. Если она допускается, то необходимо разработать законопроектное положение о коммерческой деятельности указанных объединений и точно регламентировать объем и пределы этой деятельности, установить правовой режим по распределению полученных прибылей и определить гражданско-правовую ответственность, а также границы осуществления договорных правоотношений, не выходя за пределы действующего законодательства.

4. На наш взгляд, следовало бы однозначно определить подход к вопросам регистрации устава с представлением письменного обязательства руководящего органа общественного объединения о внесении в последующем необходимых изменений в устав или положение.

5. В действующем законодательстве республики нет однозначного определения критерия единообразного порядка контроля за соблюдением уставов общественных объединений. Следует разработать соответствующую нормативную основу.

6. Целесообразно, чтобы уставы, положения общественных объединений отражали полностью требования ст. 10 республиканского Закона об общественных объединениях. А если возникает несоответствие его устава требованиям ст. 10 Закона, то оно не будет зарегистрировано. В этом случае общественным организациям обязательно надо возратить уплаченные ими взносы, но каким способом, порядком и в каких сроках возвращать эту сумму? Такие вопросы не нашли своего решения в Законе.

7. На наш взгляд, есть некоторые проблемы в законодательстве об общественных объединениях по вопросу определения фиксированного членства. Нормы, определяющие фиксированное членство, не совпадают с практикой, а также с действующим законодательством.

В заключение необходимо отметить, что Закон об общественных объединениях — один из наиболее демократических законодательных актов нашего времени. Впервые в равные юридические условия функционирования поставлены различные политические партии, массовые движения и другие общественные объединения. Уже к концу 1991 г. Министерство юстиции Республики Узбекистан зарегистрировало 52 устава политических партий, массовых движений, ассоциаций и иных общественных объединений. Можно надеяться, что их деятельность, отражающая политическую и гражданскую активность народов Узбекистана, будет способствовать укреплению государственной независимости республики, росту общественной активности граждан, полной реализации и защите их гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод.

Дальнейшее продвижение республики по пути укрепления демократии и законности, очевидно, подскажет новые направления совершенствования законодательства об общественных объединениях, имеющего весьма важное значение для всемерной демократизации нашей общественной жизни и построения подлинно демократического государства.

Г. БАБАДЖАНОВА

К ПРОБЛЕМЕ РЕГИОНАЛИЗМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Художественное наследие прошлого органично входит в современность, определяя ведущие тенденции развития сегодняшней художественной культуры. А потому трудно понять закономерности совре-

менного развития изобразительного и прикладного искусства Средней Азии, не рассматривая их во взаимосвязи с динамическим процессом эволюции предшествующих типов культур. Концепция регионализма, в которой отражается и влияние географического фактора на развитие художественной культуры, позволяет представить историю искусств Средней Азии как феномен мирового исторического процесса. На формирование регионального своеобразия культуры Средней Азии в прошлом и сегодня влияют и ее природно-географическая среда, и строительные материалы, определяющие особенности конструкций архитектуры, пластических и выразительных средств и качеств скульптуры и прикладного искусства.

«Близость религиозно-философских, этических, эстетических идей, устойчивость и системность генетических контактных связей»¹, а также общность историко-культурного процесса, особенно усилившегося в XIX—XX вв., определяет региональное сходство художественных культур Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана, Азербайджана.

Нельзя не отметить, что при пристальном взгляде на проблему регионализма в искусстве народов, исповадовавших ислам, существуют две противоположные тенденции. Первая направлена на осознание общности проблем родственных культур и рассматривает регионализм как объединяющее и положительное начало. Вторая тяготеет к более мелкому раздроблению, выпирающему узко национальные особенности развития культуры и искусства, в частности.

К сожалению, тенденция к изолированному рассмотрению вопросов искусства народов, родственных друг другу, нисколько не способствует разрешению тех сложных конфликтов, которые поставила перед нами современность. Непродуктивно и ограничение исследований тесными рамками искусственно проведенных границ, не отражающих действительного расселения народов. Не следует, однако, думать, что устоявшиеся подходы к этой проблеме в искусствоведении являются результатом намеренных умыслов, — здесь срабатывают стереотипы нашего мышления.

В процессе художественного развития изобразительного искусства страны, начиная со второй половины 30-х годов XX в., преобладали тенденции, направленные на централизацию, унификацию, стандартизацию, распространение инноваций из центра на периферию, в том числе в среднеазиатские республики.

Происходящие ныне процессы способствовали децентрализации и изменению акцентов. Стремление этнических общностей выразить свою самобытность, усиление непосредственных научных контактов с зарубежными коллегами и, как следствие этого, более внимательное отношение к художественному наследию среднеазиатских народов оказывают решающее влияние на современное развитие изобразительного искусства Узбекистана и других республик.

Определенное значение здесь имеет и изменение отношения к церкви. Помимо того, что стало возможным изучение прямого воздействия различных религий, имевших огромное мировоззренческое и идеологическое значение в формировании духовной культуры народа, художники стали обращаться к кораническим мотивам, пытаясь отыскать там образные категории Вечного, Нетленного, Непреходящего.

Проблема взаимодействия культур актуальна для всех народов всех времен. Для среднеазиатского региона она имеет важнейшее значение, поскольку, находясь на главных артериях Великого шел-

¹ Чельшев Е. П. Теоретические и методологические проблемы изучения истории литератур народов Востока // Советское востоковедение. М., 1988. С. 4.

кового пути, этот регион был буферной зоной между Востоком и Западом, активно участвуя в культурном взаимообмене многих народов мира. На землях Средней Азии оставили свои следы и эллины, и римляне, и индийцы, и арабы, и китайцы, художественная культура которых имела различную степень воздействия на традиции коренного населения.

Рассматривая современную художественную культуру в совокупности с ее прошлым как единую целостность, а также конкретные результаты взаимодействия культур Запада и Востока в Средней Азии, народы которой имели свои глубокие традиции, мы попытаемся выделить в истории искусств региона существование нескольких типов культуры, в характеристике которых преобладала та или иная особенность.

Так, с III в. до н. э. и до раннего средневековья важное значение имел процесс эллинизации, определивший основную линию развития художественной культуры Средней Азии. Предшествующие периоды искусства скотоводческих племен, а также культура ранних государственных образований, развивавшихся в контактах с ирано-ахеменидским и сако-скифским искусством, стали той благодатной почвой, на традиции которой легли плодородные семена восточного эллинизма. Об этом позволяют говорить археологические открытия, сделанные на землях Южного Узбекистана и Таджикистана, а также на севере Афганистана. Искусство Бактрии эпохи Кушан отмечено взлетом скульптуры, а также расцветом синтеза искусств — уникального явления в Центральной Азии того времени. Будучи результатом взаимовлияния привнесенных культур, которые, в свою очередь, соединившись с местными традициями, образовали органический сплав, он дал миру такие непревзойденные ансамбли, как Халчаян, Дальварзинтепа и др. VI—VIII вв. определяются специалистами как новый этап подъема искусства Средней Азии, когда местное позднеантичное наследие, ослепленное позднеримскими, византийскими, индийскими влияниями, находилось в родстве с ирано-сасанидским и тюркским искусством². Шедевры стенописи Афрасиаба, Варахши, Пянджикента, Балалыктепа и других пунктов определяются как высшее проявление азианизированного типа культуры, который занял особое место среди цивилизаций Средней Азии. Непревзойденный художественный уровень стенописи, скульптуры, архитектуры, прикладных искусств дает все основания полагать, что на землях Средней Азии располагался крупный художественный центр раннесредневековой культуры Центральной Азии.

Следующий тип культуры, который получает свое развитие в Средней Азии со второй половины VIII в., когда этот регион входит в состав арабских халифатов, определяется как исламский. Естественно, что он не мог возникнуть без существенных предпосылок предшествующей ему традиции эллинизированного, азианизированного типов культуры. Так, весьма интересным явлением было сложение в системе средневековой арабо-мусульманской культуры эллинизированной философии (фалсафа), которая, отражая определенную преемственность, подтверждает длительность воздействия эллинизма на культуру Среднего Востока.

Важным источником классической среднеазиатской поэтики послужило эллинистическое философское наследие, в частности «Поэтика» Аристотеля. Во многих эстетических воззрениях ислам основывается на высоких традициях художественной культуры завоеванных народов. В покоренных ими странах арабы столкнулись с необычайно устойчивой традицией изобразительности, обойти которую не представ-

² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки истории искусств Средней Азии. М., 1988.

лялось возможным, несмотря на все запреты ислама. Период ассимиляции двух типов культур создал феноменальное явление, когда изображения людей и животных сопровождалось кораническими текстами.

Среднеазиатская миниатюра, являясь элитарным искусством, также отражает взаимодействие культур двух типов, где предшествующие традиции изобразительности в какой-то степени возобладали над иконоборческими тенденциями ислама. Об этом свидетельствует и генезис средств выразительности, истоки которых обнаружены в раннесредневековой стенописи Средней Азии. Как отмечают исследователи, «многие стилевые черты, изобразительные приемы, схемы и композиции среднеазиатской живописи времени раннего средневековья спустя века вошли в книжную миниатюру»³. В искусствоведении уже утвердилось понятие «среднеазиатская школа миниатюры», то же самое можно сказать и об архитектуре. Памятники монументального зодчества XIV—XV вв. Самарканда, Бухары, Шахрисабза имеют всемирную известность как феномен исламского типа культуры Средней Азии.

Следует отметить, что основное региональное своеобразие искусства и архитектуры средневекового и предшествующего ему периодов — это неизбежная статичность художественного канона, который отражает общие закономерности художественной культуры, вырабатывая священные веками традиции.

Региональными особенностями изобразительного искусства Средней Азии являются графический стиль художественного мировосприятия, а также звучная декоративность колорита. Принципы декоративности искусства Средней Азии выражаются в плоскости композиции, в отсутствии моделировки формы и передачи светотени, в преобладании плавной линии контура в изображениях, в сложном линейном цветоритме, в богатой гамме чистых локальных красок. Наряду с этим изобразительный ряд в миниатюре, архитектурном декоре, прикладном искусстве тяготеет к орнаментализации, которая является отличительной особенностью исламского типа культуры.

Сложение средневековой орнаментики — важнейший исторический этап, значительное событие в становлении художественных форм, определенным образом отражающее его эстетический идеал. Под влиянием ислама, воздействием высокого уровня математических наук, получивших отражение в геометрической гармонизации, особого склада эстетических воззрений, сложившихся в исламской философии, орнамент Среднего Востока приобрел вид «арабесок», выражая абстрактность мышления средневекового художника, который проявлял особое понимание Красоты. В орнаментальных символах заключены незыблемые законы Природы, представления среднеазиатского человека о мироздании. Вместе с тем следует отметить, что богатейший мир средневосточной орнаментики берет свое начало в предшествующем типе культуры. Так, в расхожем выражении «солнечные земли Средней Азии» заключено и мифологическое начало, истоки которого восходят к зороастризму, влиявшему на мировоззрение среднеазиатских этносов, поклонявшихся огню и солнцу, что до сих пор находит свое отражение в солярных символах традиционного орнамента.

В среднеазиатском орнаменте очень часто встречается мотив плетенки, которой обычно ограничивают края орнаментального мотива как бордюром. Ташкентский народный мастер — резчик по ганчу Умархон Тохиров утверждает, что этот орнаментальный бордюр означает границу восприятия человеческого разума, дозволенного Всевышним, а плетенка — это препятствия, которые сотворены им, чтобы показать

³ Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Миниатюры Средней Азии. М., 1979.

непреодолимость этих границ. Сплетенные в невообразимые узлы, они означают сложность их преодоления. Таким образом, стиль среднеазиатских узоров несет на себе отпечаток религиозных запретов, ограничений ислама, но вместе с тем вся система его образов имеет народно-поэтическую и философскую основу, отражая космогонические представления среднеазиатских народов.

Еще одна особенность искусства Средней Азии, о которой мы хотим сказать, — это неразрывная связь его с классической поэзией и фольклором, утверждавшими эстетические и этические идеалы Красоты, Добра и Зла. Как гласят среднеазиатские философы, достижение Гармонии возможно только через стремление к совершенству, отождествляемому с Прекрасным, которое, в свою очередь, сочеталось бы с нравственностью.

Сложение исламского типа культуры стало результатом столкновения двух различных по своему духовному облику художественных картин мира, модели которых еще предстоит разрабатывать.

Со второй половины XIX в. начинается вестернизация, которая определяет современный тип культуры Средней Азии. Процесс сосуществования культур двух типов — европейской и исламской, которая в дальнейшем именуется традиционной, происходит как параллельно, так и переплетаясь, когда обращение к Западу в среднеазиатских республиках происходит посредством приобщения к русскому искусству в культуре. Само привнесение европейской культуры и ее взаимодействие с традиционной шло по разным направлениям — отрицание плодотворности каких-либо инноваций, особенно в начале, в силу государственной политики завершилось полным отказом от своих традиций и переходом на психологическую волну и эстетику европейского искусства после середины 30-х годов. Сходство путей приобщения среднеазиатских народов к европейской культуре определило введение выработанной в Европе системы художественного образования. В среднеазиатских республиках в 20—30-е годы активно организуются художественные студии, училища, в которых приезжие мастера обучают местное население основам рисунка и живописи со светотеневой моделировкой и пространственным построением композиции. В культуре Средней Азии происходит процесс, сходный с тем, что произошло в античный период, — обогащение новыми идеями, видами изобразительного искусства. В 1944 г. в Ташкенте был организован первый в Средней Азии театральный институт, на базе которого в 1953 г. возник художественный факультет. Художественное производство и художественное потребление (организация и строительство театров, издательств и т. д.), а также система художественного образования в республиках Средней Азии, Казахстане и Азербайджане основывались на моделях, существовавших в художественной культуре России. Будущие художники республик Востока, обучавшиеся в Москве, Ленинграде, осваивали методы художественного творчества, сложившиеся в ходе развития европейского, а также советского искусства. Изучение классицизма, романтизма, импрессионизма, символизма преобладало и в методике специальных учебных заведений до последнего времени. Кроме того, сведение всех творческих методов к социалистическому реализму, активная борьба с формализмом негативно сказались на творчестве многих талантливых среднеазиатских мастеров, в том числе Александра Волкова, Урала Тансыкбаева и других.

Одно из условий региональной самобытности — связь с традиционной культурой, знание истории искусства региона. Для Средней Азии с ее неисчерпаемым богатством художественного наследия постановка вопроса об освоении прошлого современностью является одним из средств регионализации не только изобразительного творчества, но и всей системы современной культуры среднеазиатских народов. Про-

изведения эллинизированного и исламского типов культуры получили особый статус в современном изобразительном искусстве. Историзм мышления современных художников, обращающихся к различным пластам истории и художественного наследия, основан на «генной» памяти, на архетипах, в которых издревле запечатлены в глубинах нашего сознания связь явлений и образов.

В наше сложное время наследие прошлого воспринимается как высокое духовное начало, весьма ценное для жизнеформирования культурных процессов, оно служит основой для мироощущения в пошатнувшемся мире моральных устоев. В этом обращении к искусству прошлого, к «вековым образам» кроется немало мотивов и причин. Здесь можно усмотреть и романтический протест против рационализма и прочно вошедшего в нашу жизнь техницизма, своеобразную реакцию на однообразие и невыразительность современной художественной картины мира, в том числе и серость городов, и стертость многих заклишированных образов, и стереотипы нашего мышления, от которых непросто избавиться. В этом — ностальгия по поэтике многовековых мифов, в основе которых лежит религиозно-философское начало, делающее их еще более притягательными.

Пути к этому ведут самые разные, такие же не одинаковые, как средства выразительности. Как отмечал акад. Д. С. Лихачев, «формы, в которых культура прошлого участвует в культуре современности, очень разнообразны». Причем не только культура прошлого влияет на культуру современности, вливается в нее, участвует в «культурном строительстве», но и современность, в свою очередь, в известной мере «влияет» на восприятие и понимание прошлого. Важно при этом, что чем выше и значительнее идея современности, тем более способна она выявить незамеченные ценности прошлого⁴.

Говоря об аналитическом освоении художественного наследия Средней Азии, следует назвать имя народного художника Узбекистана Чингиза Ахмарова, который одним из первых стал вводить приемы и средства выразительности средневековой миниатюры в современное изобразительное искусство. Так, еще в 40-е годы им была осуществлена роспись театра им. А. Навои в Ташкенте, в которой были заложены основы традиционно-ретроспективного направления. Ныне Чингиз Ахмаров возглавляет это направление⁵ в изобразительном искусстве Средней Азии, основополагающим фактором для которого являются приемы и средства выразительности, выработанные исламским типом культуры.

Океан поэзии — первичная стихия художественной культуры исламского типа, распространенная и в Средней Азии. Произведения восточных поэтов — Омара Хайяма, Алишера Навои, Бабура, Фирдоуси — всеобщая почва регионального восприятия. Чингиз Ахмаров — блестящий знаток творчества Алишера Навои, чьи поэтические творения вдохновляют художника на создание зрительного образного эквивалента. Поэма Навои «Семь планет» вдохновила Ахмарова на создание цикла картин, известных как «Семь красавиц». Являясь изображением «дуоликих» восточных женщин, эти картины отражают и эстетический идеал красоты, распространенный среди среднеазиатских и средневосточных народов. Изобразив арабку, индианку, персианку, кашгарку, художник исходил из поэтического первоисточника, где Навои восклицает: «Красавица-румякка в дом, Она, как солнце, в небе золотом...», «Дочь Индии, чьи губы — жизни цель...». Женские

⁴ Лихачев Д. С. Древнерусская литература и современность // Прошлое — будущему. Л., 1985.

⁵ Бабаджанова Г. И. Монументальная живопись Узбекистана 70-х годов. Ташкент, 1982.

образы Ахмарова идеализированы в соответствии с эстетикой исламского типа культуры. Присущая им созерцательность, внутренняя статичность превращает их в знаки понятий, в их аллегория. С декоративными формами осознания мира, присущего исламскому типу культуры, произведения Ахмарова связывают и тяготение к «своеобразной антропоморфной орнаментализации»⁶.

Безбрежный океан поэзии Среднего Востока отражается и в творчестве туркменского скульптора Джумы Джумадуруды, но уже в иных формах. Пластические образы, воплощенные в керамике талантливой рукой мастера (серии «Омар Хайям», «Руки» и др.), вневременны и внеличностны, что характеризует поэтику среднеазиатской классической литературы. Вместе с тем они сближаются с современностью, разрабатывая новый тип образности, превращаясь в пластические символы и приобретая непреходящую эстетическую ценность.

Художественная картина мира в декоративно-символических образах, господство переноса понятий, символический язык повествования о человеческих чувствах, его условность — эти привычные особенности регионального мышления тонко подмечены А. А. Каменским в творчестве азербайджанского мастера Тогрула Нариманбекова⁷. Пантеизм, символические структуры, строй метафорических уподоблений, музыкально-ритмические интонации, соединение общей условности с красочно-орнаментальной стихийностью — это типологические свойства, характеризующие региональное своеобразие изобразительного искусства, обусловленного осмыслением традиционного наследия. Поэтическое миропонимание отличает и творчество узбекского живописца Алишера Мирзаева, в «ковровых» композициях которого звучат быстрые змеящиеся ритмы, насыщенные густой звучной мелодией восточного орнамента.

Исследуя процесс, искусствовед не может обойтись без обозначения этапов и направлений. Поэтому мы выделили два крупных этапа в освоении художественного наследия прошлого. Если в изобразительном искусстве 20—40-х годов мастера обращались к известным тогда пластам исламского типа культуры — миниатюре, прикладному искусству, монументальному зодчеству, то позднее, в связи с потоком археологических открытий в 60—80-х годах, они значительно расширили и углубили свой интерес, осмысляя и эллинизованный тип культуры. Шедевры античной культуры Средней Азии вдохновляли не только Чингиза Ахмарова на создание росписи «Согдийская свадьба» в Ташкентской области на турбазе «Гулистан». Группа таджикских художников — Л. Шпонько, Я. Маматкулов и другие расписали интерьер кафе «Сиявуш» в Душанбе, используя мотивы согдийских раннесредневековых стенописей и эпос «Шахнаме», осмыслив при этом традиции сасанидского искусства. Это произведение, несомненно, обладает историко-культурной значимостью для понимания регионализма сегодняшнего изобразительного искусства Средней Азии.

Процесс вестернизации наглядно отразился в творчестве Баходыра Джалалова. Своёобразно осмыслена культура Запада, России и Востока в его программном произведении — росписи «Золотой век» в школе № 9 г. Чкаловска (Таджикистан). Портреты Микельанджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Паганини, Энгра призваны отразить весомый вклад Европы в мировую сокровищницу. Изображения Рублева, Дионисия, Феофана Грека отличаются высокой силой духовности, присущей русской культуре. Наконец, Средний Восток представлен образами Омара Хайяма, Бехзода, Махмуда Муззахиба, Абу Али

⁶ Лаковская В. Л. Роль традиции в творчестве художников Узбекистана 60-х годов // Классическое наследие и современность. Ташкент, 1984.

⁷ Каменский А. А. Древо традиции // Романтический монтаж. М., 1989.

ибн Сины, Рудаки, Хорезми, Хондемира, отражая своеобразие исламского типа культуры. В этом произведении отразилась художническая судьба Джалалова, который до глубины души потрясен шедеврами западного искусства, сердцем ощутил русскую культуру, рационалистически воспринял принцип декоративного искусства Среднего Востока.

Было бы неправомерно свести проблему регионализма лишь к взаимодействию культур Запада и Востока, хотя взаимодействие западных и восточных искусств в Средней Азии происходило и в период античности, и в средневековье, и в новое время. Каждый тип культуры вырабатывал свои исторические закономерности освоения привнесенных приемов, свои особенности слияния традиционного и новаторского.

Однако рамки данной статьи позволяют лишь наметить контуры столь обширной темы. Думается, что общность культур среднеазиатских народов ощущается не только искусствоведами, но и специалистами других отраслей науки, и это еще раз подчеркивает актуальность проблемы регионализма в художественной культуре Средней Азии.

Х. П. ПУЛАТОВ

СВОБОДНА ЛИ СВОБОДА СОВЕСТИ?

Представляется, что будет правильно, если разговор о свободе совести мы начнем с вопроса «А что такое совесть?» Лучшие умы человечества веками бились и бьются над этим вопросом, предлагая самые различные определения. Но все сходились и сходятся в одном. Совесть — это присущая только человеку способность самооценки, т. е. способность судить себя от своего имени. И хотя каждый конкретный человек не мыслит себя в отрыве от себе подобных, но подлинную оценку своему поведению он дает, как правило, не публично, а наедине с самим собой. Стало быть, каждый человек живет как бы наедине со всеми, наедине со своей совестью, и нет суда над Человеком выше и правдивее, чем он сам, его совесть.

И еще в одном согласны все: совесть каждого человека должна быть свободной. А поскольку совесть присуща только человеку как существу разумному, мыслящему, то свобода совести невозможна без свободы мысли, без свободомыслия. Поэтому не случайно она связана с правом человека на свободу мысли и слова, право на свободу выбора той или иной формы мировоззрения.

И все же почему, говоря о свободе совести, мы сводим ее по традиции, как правило, к вопросам, связанным с религией и атеизмом? Видимо, потому, что религиозное мышление на протяжении тысячелетий было, да и сегодня еще является доминирующим для большей части человечества. И человек вне религии оказывается «вне закона». Свобода совести понималась лишь как право выбора той или иной религии. В нашей стране, например, до революции каждый по закону обязан был указывать свое вероисповедание, безверие, атеизм не допускались, преследовались. Поэтому свободомыслие пробивало себе дорогу в борьбе с религией. А гонимые религии, в свою очередь, отстаивали право на свободу выбора вероисповедания. И то, и другое — борьба за право человека на свободу совести.

Поэтому многие люди и сейчас понимают свободу совести только как свободу выбора религии, отрицая право человека не исповедовать никакой религии. По сути такое понимание свободы совести было характерно до перестройки и в нашем обществе. Человек имел право избрать ту или иную религию, а если объявлял себя атеистом, обязан был строго придерживаться официальной идеологии. Любые иные формы мировоззрения, кроме религиозных и официально разрешенных, считались крамольными. И те, кто не придерживался фундаментальных ценностей официальной идеологии или религии, ходили в диссидентах, отдавались под суд, выслались из страны, что было одним из самых грубых нарушений права человека на свободу совести. Не случайно в принятой у нас (наконец-то) Декларации прав и свобод человека подчеркнута: «Не должно существовать никакой государственной идеологии, вменяемой в обязанности граждан».

В то же время мы не должны забывать о следующем. Редкий человек может жить без какого-либо свободно избранного мировоззрения. Хотя бы уже потому, что каждый человек — наследие истории, ее олицетворенное продолжение. Известно, что человек, воспитанный вне человеческого общества, остается на уровне животного, т. е. человеческого, социальное в человеке не передается генетически. Поэтому отрицание какого-либо мировоззрения отдельными людьми есть лишь одна из форм мировоззрения. Абсолютное же большинство людей не мыслит свою жизнь без определенного мировоззрения, считая неопределенное свое состояние, по выражению А. П. Чехова, не жизнью, а каторгой, мукой.

Не такой ли неопределенностью сменилось для многих наших людей опьянение нахлынувшей вдруг свободой, эйфория перестройки?

Многие и представить себе не могли, что перестройка, начатая сверху, будет идти без определенной, тщательно продуманной теоретической концепции, что верхи, призвав людей отрешиться от привычных мировоззренческих основ, не предложат взамен новых, понятных и отвечающих их интересам.

Теперь уже ни для кого не секрет, что перестройка, до предпутчевых спешных попыток принять некое подобие программных документов, двигалась спонтанно, разрушая старое без создания нового, т. е. перестройка осталась верхушечной, элитарной, суесловной.

А может быть, отсутствие определенной концепции и являлось своего рода вполне даже определенной, заранее продуманной концепцией? Сбросив цепи тоталитарной идеологии, многие долго ждали нового теоретического прозрения «верхов», а, не дождавшись, некоторые ушли в религию, мистику, большая же часть впала в апатию, пораженная идейным параличом. Сложилась парадоксальная ситуация — человеку вроде бы предоставлено широкое право выбора: свобода, демократия, беспредел, а фактически многих лишили свободного права выбора. Для тех, кто не ушел в религию, но порвал с прежней идеологией, новой мировоззренческой идеологии так и не предложили. Такое положение вполне устраивает элитарную «верхушку», сменившую, как утверждается сейчас, один общественно-политический строй на другой.

Таким образом, «революция сверху» не сомкнулась с «революцией снизу». Так и не преодолено былое отчуждение трудящихся от власти, от собственности, от накопленных богатств духовной культуры. Народ так и не превратился из объекта в субъект, т. е. в хозяина собственной жизни, собственной судьбы. И одна из главных причин такого положения — нераскрепощенность свободы совести граждан в самом широком смысле этого слова.

Глубоко прав Президент нашей республики, когда он раз за разом неутомимо пытался на самом высоком уровне, в «центре» и у себя дома растолковать, убедить, что суверенитет без подлинной, а не словесной свободы — политической, экономической, духовной — пустое сотрясение воздуха, что без подлинной свободы совести нет и не может быть подлинно свободного, независимого государства. Если человек, народ, государство лишены свободного права выбора, права быть самим собой, без подсказок сверху или со стороны, а тем более без какого-либо принуждения (экономического ли, административного ли), то не надо и говорить о полной свободе. Надо делать все возможное сегодня, чтобы стать свободным не на словах, а на деле.

Без свободы совести немисливо наполнить живым содержанием ни материалистическое мировоззрение, ни религиозное как естественно-исторически сложившиеся, неразрывные части культуры.

Вот почему такие акты, как законодательное оформление независимости Узбекистана, первый в республике Закон о свободе совести

и религиозных организациях, первые шаги к фактической многопартийности, реорганизация бывшей Компартии Узбекистана в новую, Народно-демократическую партию парламентского типа, предоставление широкой самостоятельности Академии наук Узбекистана, другие законодательные акты парламента и Президента суверенной республики — ярчайшее свидетельство смелой, новаторской деятельности, государственной дальновидности, ибо промедление в решении этих проблем для республики, для ее будущего — смерти подобно.

Вспомним, с чего началась деформация завоеванных народом и законодательно оформленных в октябре 1917 г. широких демократических свобод, ничего общего не имевших с «диктатурой пролетариата». Все беды наши в дальнейшем и начались именно с нарушения свободы совести, с насильственного учреждения идеологической диктатуры. Вот почему в Программе новой Народно-демократической партии, по словам И. А. Каримова, должна быть поставлена цель добиться такого политического и государственного устройства общества, которое гарантирует человеку не только свободный выбор его экономического бытия, но и такого «общества, в котором не было бы монополии одной идеологии, одного мировоззрения, а господствовали бы свобода слова и совести».

Ведь идеологическая диктатура в условиях тоталитарной системы не только превратилась в духовно-политический рычаг сверхцентрализованного управления обществом, но и сама реализовывалась через систему административного контроля, запретов, насилия. Тем самым идеология из системы научных взглядов и идей, призванных содействовать продвижению общества по пути социального прогресса, была превращена в тормоз революционного обновления, в практику общей гуманитарной неразвитости. Монополия такой идеологии оказалась губительной не только для общества, но и для самой себя, ибо жизнь со всеми своими противоречиями, задачами неуклонно устремилась вперед, отбросив на обочину иссушившее себя суесловие.

И задача наша заключается сейчас в том, чтобы решительно активизировать творческую деятельность обществоведов, выйти на качественно новые формы, методы, средства работы с людьми, чутко улавливать не только нынешние, но и грядущие проблемы и противоречия.

Наш народ, как и народы всей земли, стремится построить жизнь, достойную свободных людей, а свобода несовместима с узурпацией власти, идеологическим диктатом, с попранием свободы совести, свободомыслия.

Что в принципе означает многопартийность? Это воплощенное в практику свободомыслие. Такое свободомыслие предполагает осмысленные действия, не причиняющие ущерб свободомыслию других, ущерб свободе совести каждого человека, а не вопли взбудораженной толпы.

Не власть бессмысленной, управляемой политиками толпы, не власть верхушки над толпой, массой, а власть, идущая от человека, снизу вверх — вот что надо сегодня. И не случайно Президент республики напомнил нам, обществоведам, что «говоря о разных «измах», идеалах, целях, мы должны, наконец, понять, что на этом свете нет ничего дороже, чем жизнь человека. А ему было плохо, и сегодня не лучше». Сегодня, после шести лет перестройки. И от этого факта нигде не уйти. А ведь человек не только самоцель истории, он — олицетворение осознавшего себя мироздания.

Отвергнутый ныне жизнью вариант казарменного социализма пришел, может быть, к самому страшному, античеловеческому последствию — превращению научной философии, вековой поборницы истины, в государственную религию. В этих условиях наша философия превратилась в придаток субъективистской, волюнтаристской политики,

а ее конструктивный характер, критическая функция, ее демократическо-плюралистический дух, эвристическая функция потеряли свое высшее качество — ориентацию на истину, на свободный поиск истины, на свободомыслие, на свободу совести, т. е. на право выбора своего пути к истине. Отсюда мертвящая догматика, отсутствие различных философских школ.

Авторитарная ориентированность вузовских учебных программ на застывшую монополярную идеологию фактически стала издевательством над свободой мысли и совести, над диалектической сущностью нашей философии, издевательством над мудростью наших великих предков, известных всему миру величайших гуманистов. Наша философия перестала быть учителем жизни, начались своего рода инфляция философских кадров, упадок интереса, любви к поиску истины. А ведь философия в переводе с греческого означает любовь к истине. Отсюда и известная истина: человек богат добротой и счастлив любовью.

Может быть, не все обратили внимание, не пропустили через сердца слова Президента нашей республики, обращенные через общесоюзную газету к миллионам сердец: «Кто-то не помню, сказал, — красота спасет этот мир. Не согласен. Добро спасет этот мир, только добро. И если страна ожесточается, то грош цена заявлениям руководителей, что мы на правильном пути. Главный показатель для политика — Количество добра на душу населения. Но если мы ожесточаемся, если злоба и агрессия растут — значит, сам наш путь неправильный, он опять приведет к насилию»¹.

Не буду говорить, что предвидение это сбылось через несколько дней, но, пожалуй, вряд ли мог предвидеть сказавший эти слова от глубины всего сердца человек, постоянно ищущий и находящий возможности делать конкретные добрые дела, что его через несколько дней начнут обвинять в приверженности, чуть ли не в соучастии в путче, в приверженности к насилию. И кто? Те, кто постоянно провоцировал, раздувал, смаковал насилие, кто и сегодня провоцирует народ нашей республики на насилие. Объектом яростных нападок становятся тот, кто имеет собственное мнение, проводит собственную политику, кто стремится к тому, чтобы процессы демократизации, экономические реформы делали богаче каждого человека вместе со всеми, а не обогащали одного за счет других; тот, кто стремится к улучшению жизни богатейших крестьян, рабочих, интеллигенции, всех, кто живет своим трудом, а не банкиров, владельцев заводов, газет, пароходов. Это не средний класс, это класс элитарный. К ним, к частной собственности, у Президента, по его словам, нет предубеждения, но главные заботы его — о судьбе поистине среднего класса, сердцевины народа — тех, кто создает материальные и духовные богатства. Лично мне импонирует то, что, как трезвомыслящий человек, искренне желающий своему народу добра, Ислам Каримов самооценивает, т. е. судит самого себя по праву свободы своей совести, сообразуясь с оценкой только своего народа, и никого больше.

Надо дорожить советами народа, его житейской, духовной мудростью. Советами мудрых, всем миром признанных, но бездумно отвергнутых нами, таких, скажем, ученых людей, как К. Маркс. Знаю, что навлеку на себя гнев ниспровергателей, но как ученый, по долгу своей свободной совести, право на которую, полагаю, имею, хочу напомнить, что Маркс с самого начала поставил человека в центр своей философии. И если мы жаждем добиться подлинной свободы совести, то считаю необходимым исследовать то, что до сих пор неизвестно. И в первую очередь, такие кардинальные проблемы человековедения, ка-

¹ Лит. газета. 1991. 14 авг.

ковыми являются аспекты историко-философские, философско-теоретические, ценностно-прикладные.

На первый взгляд, может показаться парадоксальным называть новым то, что возникло более ста лет назад. Суть, однако, в том, что человек нового общества, образ которого виделся Марксу в свете реального, практического гуманизма, такой человек с точки зрения сегодняшней жизни — человек будущего. Следовательно, представления Маркса о нем — это не то, что позади нас, а то, что впереди, в будущем.

Поэтому, проявляя стремление к обществу гуманному, демократическому, обществу социальной справедливости, мы и должны не на словах, а на деле превратить человека в самоцель исторического прогресса. Непререкаемый должен стать приоритет интересов конкретного человека над узкоклассовыми, национальными, другими, что и зафиксировано в принятой Съездом народных депутатов Декларации прав человека. И среди этих прав наипервейшее — право на свободу совести.

Стало быть, переход от авторитарно-бюрократической системы к правовому государству, к гражданскому обществу предполагает свободу, суверенитет индивидуума, живущего по принципу: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех.

Понятно, что правовое, демократическое государство как общество свободных, свободомыслящих людей может быть только светским, т. е. оно не может быть ни атеистическим, ни религиозным. Такое общество исключает какую-либо дискриминацию по религиозному или национальному признаку. Оно не просто декларирует, но и законодательно обеспечивает свободу совести, уважительное отношение к чувствам верующих, не вмешивается в их духовную жизнь, способствует свободному отправлению религиозных обрядов и в то же время не допускает использования религии в политических целях для разжигания межнациональных конфликтов. Правовое, демократическое государство несовместимо с мировоззренческой нетерпимостью, с конфронтацией между адептами разных религий, различных в них направлений и сект, с конфронтацией между верующими и атеистами. Полагаю, что в новой Народно-демократической партии Узбекистана смогут, наконец, сотрудничать и верующие, и неверующие, ибо политические партии парламентского типа создаются не для выяснения мировоззренческих проблем, а ради решения насущных, социальных задач.

В светском, правовом государстве церковь законодательно отделяется от государства. Церковь — как институт иерархического религиозного центра. Однако это вовсе не означает отделения верующих от государства. Как граждане они пользуются всеми конституционными правами. В таком случае разве можно назвать правовым обществом казарменного социализма, которое с социализмом в подлинном, научном значении этого слова никогда и ничего общего не имело. И потому еще многое необходимо сделать, чтобы не на словах, а на деле обеспечить свободу совести.

В нашей республике сделано уже немало. Возвращаются верующим использованные ранее не по назначению мечети, церкви, синагоги, государство оказывает помощь верующим в реставрации культовых зданий, в создании учебных заведений, самые важные религиозные праздники объявлены выходными днями. С каждым годом все больше паломников совершают хадж в Мекку. Впервые за семьдесят с лишним лет священнослужители избраны в парламент. Все это — убедительные свидетельства демократизации общественной жизни республики, утверждения принципов правового государства. И можно ли в связи с этим не разделить убеждения Президента республики в том, что «главное направление, по которому можно вывести из духовного

кризиса народ мусульманской культуры, это свобода вероисповедания, свобода соблюдения тесно связанных с исламом национальных обычаев. Мы не на словах, а на деле дали эту долгожданную свободу».

Недавно парламентом республики принят Закон о свободе совести и религиозных организациях. Это значит, что отныне свобода совести, право граждан республики исповедовать любую религию или не исповедовать никакой — гарантируется законом.

Как председателю общественного Совета по вопросам религии при Отделе межнациональных отношений аппарата Президента республики мне довелось непосредственно работать над созданием проекта Закона о свободе совести защищать его в процессе принятия Верховным Советом республики. Конечно, впервые принятый закон далек от совершенства, жизнь отшлифует его, внесет поправки и коррективы. Много можно было бы рассказать о Законе, о его рождении в горячих дебатах, но это, думаю, — тема другого, большого разговора.

Сейчас хотелось бы снова вернуться к понятию свободы совести в самом широком его смысле, в смысле суверенности личности, группы единомышленников, общины, общества, народа. К их праву на свободу волеизъявления, свободу выбора своей исторической судьбы. В этой связи эшелонированное вмешательство бывшей центральной, а ныне прессы частных коллективов в дела суверенных государств, в том числе Республики Узбекистан, является грубым нарушением свободы и демократии. Таким наскокам надо давать должный отпор, надо дорожить с таким трудом завоеванным правом на свободу совести, на свободу выбора своей судьбы, независимостью своего государства. Не надо путать свободу совести со свободой от совести. От совести, от суда над самим собой не уйти никому, как не уйти от суда народа, суда Истории.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

Одной из важнейших задач нашего общества на современном этапе является качественное преобразование различных сфер жизнедеятельности людей. Этот процесс носит диалектический характер. Он включает в себя, с одной стороны, создание соответствующих экономических, политических, социальных и духовных условий формирования и закрепления позитивных, прогрессивных черт поведения и сознания людей, активной гражданской позиции личности, а с другой, — преодоление негативных явлений, устранение причин их существования.

Диалектика формирования активной жизненной позиции личности требует четкого определения данного понятия. Само понятие «жизненная позиция» четко зафиксировано в целом ряде работ наших философов, оно прочно вошло в пропагандистскую и педагогическую практику. В то же время в понимании сущности и содержания данного понятия нет единого мнения, что затрудняет его научную разработку и практическое использование.

В научной литературе намечались различные подходы к определению понятий «жизненная позиция» и «активная жизненная позиция». Так, одни авторы относят категорию «жизненная позиция» сугубо к области сознания. «Понятие «жизненная позиция», — пишут, например, В. Т. Ефимов и С. М. Косолапов, — выражает систему взглядов человека на жизнь, на свою деятельность, определяет характер всей деятельности человека»¹. Следовательно, содержание жизненной позиции, ее основу составляет мировоззрение.

Безусловно, мировоззрение играет важную роль в жизненной позиции личности. Однако отождествлять ее с мировоззрением неправомерно. В жизни можно найти немало примеров, когда люди с тождественным мировоззрением имеют разные жизненные позиции. Следовательно, жизненная позиция — это такая категория, которая имеет более широкое содержание, чем мировоззрение.

В. Н. Маркин считает, что «активная жизненная позиция личности — это способ включения ее в жизнь, деятельность общества, совокупность взглядов, убеждений, социально значимых, прежде всего профессиональных умений и соответствующих им действий личности, реализующих ее отношение к окружающему миру»².

Более перспективной, на наш взгляд, является точка зрения на этот вопрос А. С. Капто: «Жизненная позиция, — пишет он, — представляет собой обобщенный показатель, который позволяет выявить типическое в личности, ибо именно в этой позиции в специфических формах индивидуального сознания и поведения выражается то, что человек усваивает в процессе общественной жизни и реализует в своей деятельности»³.

В этом определении жизненная позиция не соотносится только с сознанием, а рассматривается в единстве сознания и практики. В то же время автор не ставил целью выяснение сущности и содержания этой категории и ограничился общей постановкой вопроса.

В последние годы появился целый ряд научных статей и публикаций по вопросам формирования активной жизненной позиции. Но в них проблема сущности и содержания понятий «жизненная позиция», «активная жизненная позиция» либо рассматривается в свете одной из отмеченных выше точек зрения, либо вообще не затрагивается, т. е. эти вопросы требуют дальнейшей научной разработки.

На наш взгляд, «активная жизненная позиция» должна пониматься диалектически. Она имеет право на самостоятельное существование лишь как важнейшая характеристика деятельной личности. Содержание понятия изменялось соответственно с социально-экономическими преобразованиями в нашем обществе.

Происходящие у нас глубокие изменения накладывают свой отпечаток на жиз-

¹ Ефимов В. Т., Косолапов С. М. Формирование активной жизненной позиции — цель нравственного воспитания. М., 1977. С. 8.

² Маркин В. Н. Жизненная позиция личности. М., 1989. С. 9.

³ Капто А. С. Классовое воспитание; методология, теория, практика. М., 1986. С. 63.

ненную позицию личности. Об этом можно судить, исходя из того, как меняются мировоззрение людей, человеческое сознание, осуществляются политические и экономические реформы, развивается процесс вхождения нашего общества в рыночные отношения.

Заслуживают особого внимания такие конкретные шаги, как обеспечение земельными наделами дехканства и меры по социальной защите самых уязвимых слоев населения, как пенсионеры, инвалиды, студенты и т. д. Проводится ряд мероприятий в области культурной жизни — идет процесс самопознания народов, которые восстанавливают свое национально-культурное наследие, свой язык, одним словом, — национальную самобитность. Эти меры свидетельствуют о том, что развивается диалектика активной жизненной позиции личности. В этих условиях важен диалектический подход к анализу хода общественных процессов и явлений, суть которых невозможно правильно уяснить с догматических позиций. Через плюрализм мнений и действий идет процесс формирования качественно нового нашего общественного бытия.

На наш взгляд, происходящие изменения в общественной жизни являютсявлением времени, требующего решительного вскрытия и преодоления накопившихся негативных явлений и недоработок. Исходя из этого, очевидно, что жизненная позиция личности носит своеобразный характер. В современных условиях социально-экономического и политического развития общества объективно необходимо повышение социальной активности личности. Новый этап развития, в который вступило наше общество, закономерно предъявляет к личности качественно более высокие требования.

Три основные формы социальной активности: трудовая, общественно-политическая, духовная — соответствуют основным сферам общественной жизни⁴.

Трудовая активность в общественном производстве не случайно ставится на первое место, ибо именно трудовая деятельность людей создает материальную основу для всех прочих видов их деятельности. Диалектический метод рассматривает потребности в качестве внутреннего источника активности человека. Развитие общества, усложнение производства ведут к усложнению и появлению новых потребностей. С усложнением источника социальной активности рождаются ее новые формы. Потребность в труде не может появиться вдруг, она складывается с первыми уроками и успехами трудового воспитания. Очень важно воспитать у молодежи представление о труде как о гражданской обязанности, долге, ибо долг, обязанность, ответственность перед обществом воспитываются у формирующейся личности обычно еще до начала трудовой деятельности в общественном производстве.

Рост трудовой активности во многом зависит от укрепления демократических принципов в жизни народа и осуществления правильной экономической политики. Большое значение для возрастания трудовой активности личности имеет обеспечение гласности и социальной престижности достижений в труде. Наконец, важнейшим и даже, возможно, решающим фактором повышения трудовой активности является привитие каждому человеку правильного отношения к различным видам собственности на основе преодоления допущенного в прошлом отчуждения работника от собственности, фактически тотального ее огосударствления. Это породило соответствующее отношение к труду, преодолеть которое довольно сложно, и одним воспитаньем добиться успехов здесь нельзя.

Сегодня приведены в действие два наиболее эффективных рычага — реальная демократизация общественной жизни, в первую очередь в трудовом коллективе, и радикальная реформа управления экономикой. Последовательное развитие всех форм собственности позволяет перестраивать общественные отношения, способствует формированию различных потребностей и интересов трудящихся.

По мере перехода предприятий, организаций на полный хозрасчет, самоуправление и самфинансирование, к использованию экономических рычагов стимулирования трудовой деятельности, благодаря реальному участию в управлении производством, общественной жизни, трудящийся становится фактически ответственным хозяином своего предприятия. Поэтому всякого рода отклонения от демократических принципов, реальное положение дел в обществе оцениваются им гораздо более критично, здраво и точно.

Весьма актуальной является и проблема индивидуальной трудовой деятельности как одного из звеньев нового механизма хозяйствования. Много внимания возникающим при этом проблемам уделялось, в частности, на внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР, где подчеркивалось, что демократизация экономики неразрывно связана с активным использованием наряду с государственной собственностью различных форм кооперации, индивидуальной трудовой деятельности и т. д.

Общественно-политическая активность имеет принципиальную значимость как самостоятельная форма социальной активности и вместе с тем она определенным образом присутствует во всех других видах активности, ибо и трудовая, и духовная активность в демократическом обществе непременно имеют политическую окраску, а кроме того, оптимальное развертывание общественно-политической активности

⁴ Константинов В. И. Социальная активность и пассивность личности. Владимир, 1990. С. 27.

служит мощным стимулом в труде, выработке жизненной позиции. Именно осознание социально-классовых, политических интересов пробуждает в человеке стремление к общественно-политической активности.

Общественно-политическая активность личности на современном этапе развития нашего общества носит диалектический, многогранный, многоплановый, отнюдь не однозначный характер и проявляется, в частности, в создании новых партий, общественных организаций, в ходе предвыборных кампаний, проведении массовых митингов, демонстраций, в выступлениях в средствах массовой информации, развитии гласности, плюрализма мнений и действий и т. д. Росту общественно-политической активности граждан во многом способствует утверждение подлинного суверенитета Узбекистана и других республик.

Духовная активность есть мера духовной деятельности человека. Она связана с целенаправленным формированием его сознания, повышением образовательного уровня, формированием мировоззрения, культуры поведения и т. д. Духовная активность имеет два взаимосвязанных, хотя и не полностью совпадающих, аспекта — духовно-теоретический (или познавательный) и духовно-практический (или преобразовательный)⁵. Духовно-познавательная деятельность изменяет самого человека — субъекта активности: в процессе освоения им духовного богатства, накопленного человечеством, совокупная общественная практика (и реальная, и наследуемая), образующая основу познания, формирует и постоянно корректирует конкретно-исторические особенности познавательной активности личности, определяет ее духовный потенциал.

Духовная активность, проявляющаяся в духовной деятельности, представляет собой единство познавательного и преобразовательного процессов жизнедеятельности личности.

Духовная активность имеет чувственно-деятельный, субъективный характер, в ней взаимодействие человека с реальностью опосредовано механизмом сознания. В духовной активности отражается состояние всей духовной жизни общества как реально существующего процесса, в центре которого стоит духовное производство. В сфере духовного производства создаются, распределяются, обмениваются и потребляются духовные ценности, необходимые для удовлетворения духовных потребностей, формируется и совершенствуется сознание личности. На современном этапе в нашем обществе наблюдается взрыв духовной активности. Особый интерес проявляется к процессам, происходящим в различных отраслях духовного производства — науке, литературе, искусстве, а также к духовному наследию, истории каждого народа, к политическим, морально-этическим проблемам и др.

Все три формы социальной активности личности тесно, диалектически связаны между собой и проявляются в самых различных аспектах, развиваясь и видоизменяясь под влиянием процессов, которые происходят в нашей современной жизни и, в свою очередь, оказывая обратное влияние на глубокое преобразование нашего социального бытия.

Т. Т. Маликов

⁵ Уледов А. К. Духовное обновление общества. М., 1990. С. 47.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И ТЕОРИИ В НАУКАХ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Анализируя структуру научных революций в связи с порождающими их противоречиями, В. М. Кедров справедливо подчеркивал, что, «если исходным их пунктом, их предпосылкой всегда было нахождение новых фактов, то сама революция состояла все же не в констатации нового факта, а в выдвижении нового объяснения этого факта путем приведения теории в соответствие с опытом. Зарождаясь в сфере эмпирического знания, революция раскрывается как процесс коренного преобразования науки лишь с того момента, когда она переходит в сферу абстрактно-теоретического мышления»¹.

Реальная логика научного мышления не может быть сведена ни к механизму «выведения» из эмпирических данных теоретических законов и зависимостей, ни к механизму опровержения с помощью контрпримеров произвольно выдвигаемых гипотез². Логика научного мышления представляет собой сложный диалектический процесс, соединяющий в себе формальные и неформальные методы, анализ эмпирических данных и использование определенных теоретических знаний в качестве предпосылок, качественные оценки и количественные методы исследования, постановку проблем и разрешение различного рода диалектических противоречий. Диалектика научного мышления не противопоставляет формально-логические критерии анализа и истинность научного знания как отражение объективной реальности, проверяемое практикой. Напротив, она требует ясного понимания того, как при условии выполнения всех законов и правил соответствующей логической системы возникают про-

¹ Философия и естествознание. М., 1977. С. 117.

² См.: Проблема законов в общественных науках. М., 1989.

творения, преодоление и разрешение которых осуществляются благодаря выдвижению новых идей, гипотез, теорий.

Появлением новых идей, выдвижением, разработкой и проверкой новых гипотез не исчерпывается картина развития научного знания. Для воссоздания ее необходимо не только понимание процессов, формирующих теоретическое знание, но и глубокое проникновение в гносеологические особенности экспериментальных, прикладных исследований, анализ процессов отражения на эмпирическом уровне³.

Процесс становления теоретического знания и связи с накоплением нового эмпирического материала и возникновением противоречий между новыми фактами и старыми теориями в общественном сознании отличается тем, что ученый имеет дело не только с определенным количеством разрозненных эмпирических данных или отдельных фактов, но и с так называемыми статистическими фактами и эмпирическими закономерностями. Последние устанавливаются как непосредственные обобщения наблюдаемых и измеряемых данных эксперимента. Именно эти закономерности или зависимости являются тем материалом, на основе которого в ходе дальнейшего исследования выкристаллизовывается теоретическое знание.

Высшей целью эмпирического познания выступает открытие объективных закономерностей. Достоинство охватывающих их понятий определяется не только непосредственной познавательной информацией об окружающем мире, но и тем обстоятельством, что они составляют концептуальный фундамент теоретических систем. Поэтому установление новых эмпирических законов представляет собой один из ключевых факторов научного процесса.

Мышление осваивает объективную закономерность не сразу и не в полном объеме, а постепенно переходит от одного уровня к последующему. Следовательно, подразделение научных законов на эмпирические и теоретические отображает не существование принципиально разнотипных необходимых связей, а различную глубину проникновения мысли в их структуру.

Эмпирические законы, которые являются исходной ступенью постижения объективных закономерностей, выражают постоянство (инвариантность) существенных свойств, отношений и тенденций развития материальных объектов и служат логической основой объяснения происходящих и предсказания будущих явлений.

Поэтому логика формирования эмпирического закона предстает в качестве фундаментальной философско-методологической проблемы, которая, однако, не получила достаточной разработки в отечественной литературе.

Основной вопрос, который возникает при рассмотрении эмпирических закономерностей, это вопрос о том, насколько они надежны и правдоподобны, чтобы быть надежным материалом для получения теоретических законов. Очевидно, что никакая эксперимент сам по себе, даже при наличии хорошего согласования и первоклассной обработки в соответствии с теорией ошибок, не может дать уверенности в выходах в силу ограниченности методов индукции. Во всех случаях при обработке и осмыслении эмпирических данных возникает необходимость в какой-то теоретической идее, опирающейся на предшествующий опыт и накопленное знание. Практика научного исследования и теоретического мышления не только подтверждает необходимость выдвигания идей для осмысления эмпирического материала, но и свидетельствует о том, что эти идеи не возникают абсолютно спонтанно или произвольно. Роль таких идей или концепций нельзя свести к посылкам, из которых дедуктивно выводятся предложения, совпадающие с эмпирическими данными, или упомянутые эмпирические закономерности. Они не являются и простыми индуктивными обобщениями этих данных, ибо содержание последних значительно шире. Это еще не гипотезы, требующие обычной процедуры их проверки, подтверждения или опровержения с помощью полученных данных. Это идеи, подготавливающие гипотезу, помогающие сформулировать гипотетическую закономерность или зависимость, разработать конкретную форму последующих идей.

В рамках закона как специфической формы познания развитие мысли проявляется прежде всего в переходе от эмпирических законов к теоретическим. Эмпирические законы, отображающие устойчивые, регулярные, повторяющиеся связи между наблюдаемыми на опыте свойствами и отношениями явлений служат в первую очередь для упорядочения и систематизации фактов. С известными оговорками можно, по-видимому, говорить здесь и об объяснении, если под объяснением понимать логический вывод факта из эмпирического закона. Конечно, это еще не дает нам действительного понимания фактов, ибо последнее основывается на раскрытии сущности фактов и предполагает концептуальный анализ. Тем не менее эмпирические законы представляют значительный шаг вперед по сравнению с индуктивными обобщениями. Если эти обобщения опираются на здравый смысл и непосредственные чувственные восприятия, то эмпирические законы основываются на систематических наблюдениях или умело поставленных экспериментах и, как правило, тщательно организованных измерениях величин, фигурирующих в этих законах. Наряду с фактами такие законы служат основой всех дальнейших теоретических построений.

Условно основаниями эмпирических законов могут служить: отбор фактов,

³ См.: Рузавин Г. И. Научный поиск, эвристика и диалектика // Философия науки. 1987. № 5. С. 28.

представляющих интерес для реализации экспериментальной цели; выделение общего в единичных фактах; процессы обобщения и систематизации; научное объяснение данных фактов; прогнозирование нового знания на основе установленных научных фактов; формирование эмпирических законов⁴.

Создание эмпирической теории представляет собой обработку математическими и другими логическими методами, следовательно, обобщенное знание фактов, результатов наблюдений и т. д. З. М. Оруджев, раскрывая сущность эмпирической теории, пишет: «Будучи высшей формой эмпирического знания, эта теория представляет собой связь, совокупность эмпирических понятий и законов. Она служит основой для построения теоретически опосредованной системы научного знания, переходом к системе категорий и законов науки. Так, до Маркса в политической экономии уже сложились различные эмпирические теории — стоимости, ренты, прибыли и т. д. Но они не были связаны в единую систему науки, так как для этого требовалось исследовать посредствующие звенья, с помощью которых данная взаимосвязь могла быть проанализирована и раскрыта»⁵.

Виды теории могут выделяться по самым различным основаниям. Среди разных видов теории существует класс, именуемый эмпирическими (фактуальными) теориями. При всех оттенках, которые имеются в его трактовке, бесспорны следующие: эмпирические теории — это теории, непосредственно проверяемые опытом. В эмпирических теориях их основные, исходные положения в той или иной степени связаны с опытом, а выводы, получаемые в них, также должны проверяться на опыте. Эмпирические (в широком смысле) теории делятся на эмпирические (в узком смысле), или описательные, математизированные и дедуктивируемые (гипотетико-дедуктивные).

Эмпирические (в узком смысле) теории, или описательные (термин «описательные» не очень удачен, так как часто употребляется и в контексте «описательно-объяснительные», а в этом контексте теории эмпирические в узком смысле могут быть объяснительными; и наоборот, математизированные теории могут быть описательными) — это теории, в создании которых основную роль играет качественный язык.

Логическая структура эмпирических теорий — это как бы опрокинутая на них дедуктивная схема, но с дополнениями, которых в дедуктивной схеме нет по самой их сути. Эти дополнения обусловлены основным отличием эмпирических теорий от других их видов. Они должны быть связаны с опытными данными и оцениваться соответственно этим данным. Поэтому термины, фигурирующие в эмпирической теории, непременно требуют особого рода интерпретации — эмпирической.

Эмпирическая теория, подвергнутая логической реконструкции и непременно содержащая эмпирическую интерпретацию, может быть познана гипотетико-дедуктивной теорией.

Если прибегнуть к схеме развитой научной теории, данной Л. Б. Баженовым⁶, можно сделать вывод, что чем больше иерархических уровней содержит теория и чем больше степени общности законов на высших уровнях иерархии, тем более фундаментальным является даваемое такой теорией объяснение.

Если руководствоваться трехуровневой системой законов, составляющих развитую научную теорию (по Л. Б. Баженову), то на первом, исходном уровне, находятся эмпирические законы, на более высоких — теоретические. В структуре развитой научной теории эмпирические законы выводятся из законов теоретических (равно как и теоретические законы могут входить в теорию, т. е. выводиться в ее рамках) и способны лишь «окружить» ее предметную область⁷, т. е. относиться к предметной области, на которую теория «покушается», но пока еще не «ассимилировала» ее. Эмпирические законы, входящие в теорию и выводимые в ее рамках, есть смысл называть экспериментальными законами, подчеркивая, с одной стороны, их эмпирический характер, а с другой, — их дедуцируемость из теоретических законов. С этой точки зрения, одно из важнейших назначений теории состоит как раз в ассимиляции эмпирических законов, в их дедуктивном объяснении, т. е. превращении их из эмпирических в экспериментальные.

Сведения об отдельных признаках индивидов и событий не могут служить непосредственно для выводов о типичных общественных явлениях и процессах в общественной жизни, для раскрытия их сущности, закономерностей общественного развития. Наблюдая единицы совокупности, измеряя их признаки, исследователь собирает первичную социологическую информацию в труднообозримой форме, не поддающейся непосредственно теоретическому анализу. Очевидно, здесь фактически

⁴ Яновский Р. С. Общественные законы: актуальные аспекты их изучения на современном этапе развития советского общества//Философские науки. 1987. № 5. С. 15; Ойзерман Т. И. Эмпирическое и теоретическое: различие, противоположность, единство. Статья первая//Вопросы философии. 1985. № 12. С. 49.

⁵ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973.

⁶ См.: Баженов Л. Б. Виды теорий и принципы их построения//Проблемы теоретизации научного знания. Иркутск, 1986. С. 12.

⁷ См.: Печенкин А. А. Функции научной теории//Философия. Методология. Наука. М., 1972. С. 204.

имеется в виду индивидуальная информация, и скачок от нее к совокупной информации оказывается предварительным условием для теоретического анализа прежде всего потому, что она преодолевает случайные отклонения параметров данного признака отдельной единицы, изучаемой совокупности и верно раскрывает распределение этого признака во всей совокупности. В этом смысле совокупная информация, не теряя своего эмпирического характера, оказывается специфическим обобщением индивидуальной информации в соответствующей статистической форме⁵. Тем самым совокупная информация служит основанием целого ряда этапов, необходимых для образования эмпирических законов и эмпирических теорий.

Основным средством перехода от индивидуальной к совокупной информации является статистическая группировка, с помощью которой осуществляется скачок: от сведений о признаках отдельных единицы к распределению этих признаков во всей генеральной совокупности. Признаки отдельных единиц специфическим образом обобщаются. Со своей стороны, распределение признаков совокупности служит основой для вычисления различных других ее характеристик.

Важное значение для выявления эмпирических закономерностей приобретают установление комбинаций признаков, вычисление средних величин, коэффициентов корреляции, математическое моделирование, шкалирование и т. д.

Все это следует непременно учитывать для правильного понимания сути эмпирических законов и эмпирических теорий, в том числе разрабатываемых и применяемых в науках об обществе.

Б. Д. Бабаев

⁵ См.: Андреева Г. М. О соотношении микро- и макросоциологии // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 20.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БУХАРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Последнее время отмечено ростом интереса к проблемам истории Бухары кабула произведенного в ней в 1920 г. антимонархического переворота. Это объясняется, в частности, введением в широкий научный оборот мемуаров свергнутого эмира Саида Мир Алима¹, находившихся ранее в спецфондах библиотек работ западных советологов (как, например, Г. Фразер²) и вызванной этим переоценкой отдельных событий.

Здесь мы попытаемся в этой связи осветить некоторые события первых двух лет правления Саида Мир Алима, когда проявились первые попытки проведения ряда реформ, вызвавшие яростное противодействие консервативных сил. Источниками нашего исследования послужили документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), материалы периодической печати тех лет и др.

Как известно, правящие круги Российской империи еще задолго до вступления на престол Саида Мир Алима готовили его к правлению эмиратом. В ЦГВИА хранится папка документов «Об определении в корпус сына бухарского эмира Сеид мир Алима. 26 января 1893—15 января 1897 гг.»³. Речь идет о Николаевском кадетском корпусе, курс военных наук которого закончил наследник. В том же архиве можно найти данные о неизвестном брате престолонаследника — Саиде Мир Мансуре (?), имевшем чин ротмистра и получавшем пособия из царской казны⁴. Бухарский историк Сами сообщает о смерти в 1906—1907 гг. двух дочерей Абдулахада, т. е. сестер Саида Мир Алима⁵. Отсюда видно, что круг родственников монарха был шире, чем это представляется ныне.

Серьезно и вплотную столкнуться с государственной деятельностью Саиду Мир Алиму пришлось еще в январе 1910 г., во время утихомиривания суннитско-шиитской резни в Бухаре. С помпой встреченный наследник прибыл во владения отца, ограбил от власти иранца Астанакула-кушбеги, которого многие считали зачинщиком беспорядков. Скопления воинственно настроенных людей у дворца прекратились, две мусульманские общины официально объявили о перемирии⁶. (Существо-

¹ См.: Фан ва турмуш. 1991. № 3. С. 18—19; № 4. С. 26—27 (на узб. яз.); Илм ва хаёт. Душанбе. 1991. № 5. С. 26—27 (на тадж. яз.); Звезда Востока. 1991. № 7. С. 54—62 (на рус. яз.).

² Нами опубликован газетный вариант перевода на русский язык статьи Г. Фразер «Алимхан и падение Бухарского эмирата в 1920 г.» // Советская Бухара. 1991. 26, 29 марта.

³ ЦГВИА, ф. 317, оп. 1, д. 1637, 195 л.

⁴ Там же, ф. 400, оп. 1, д. 3763, 270 л.

⁵ Мирза Абдалазим Сами. Тарихи салатини Маҷитийа. М., 1962. С. 126.

⁶ Правительственный вестник. СПб., 1910. 14, 16 янв.; Туркестанские ведомости. Ташкент. 1910. 16, 18 янв.; Туркестанская военная газета. Ташкент. 1910. 17 янв.

вали, на наш взгляд, кроме состояния здоровья, иные причины самоотстраненности Абдулахада от вопросов, связанных с ликвидацией резни. Эмир был працем (шнитом) по матери и, следовательно, попадал в шекотливое положение в междоусобном споре общин).

В начале декабря 1910 г. наследник посетил Ташкент, где был принят со всеми подобающими почестями⁷.

Абдулахад умер 22 декабря того же года. 24 декабря, в 6 часов утра, Саид Мир Алим прибыл экстренным поездом из Кермине (место погребения Абдулахада и его родителей) в Новую Бухару, а два дня спустя он вступил в пределы Старой Бухары, откуда послал телеграммы Николаю II и министрам России. 30 декабря состоялось его коронование⁸. («Правительственный вестник», между прочим, сообщал о других наследниках Абдулахада — Саиде Мир Амане (?) и Саиде Мир Ибрагиме (?). Первый родился в 1880, второй — в 1903 г.⁹).

Через месяц молодой эмир перечислил одно из многочисленных (видимо, первое) своих пожертвований в пользу Красного Креста — 100 тыс. руб. Еще 25 тыс. руб. он передал пострадавшим от землетрясения в Семиречье¹⁰.

Начало деятельности эмира Алимхана не ограничилось благотворительностью. Уже в первые дни правления он заявил об уменьшении размера налогов; частичной амнистии; урегулировании судебных сборов; увеличении жалования войску. Об этом сообщал «Правительственный вестник»¹¹. Он же, с явным подтекстом и очевидным нажимом, неожиданно предоставил свои страницы статье «Прошлое и настоящее Бухары», призывающей к реформам¹². Та же газета 30 января 1911 г. информировала читателей об открытии эмиром амбулатории в Бухаре. Алимхан запретил подношение подарков чиновникам при исполнении ими своих обязанностей, ввел должность школьного инспектора (организатора работы учебных заведений). В феврале 1911 г. было объявлено о передаче эмиром 100 тыс. руб. Красному Кресту, 3000 — ташкентской женской гимназии, 3000 руб. — малообеспеченным учащимся Ташкента¹³.

В начале 1911 г. происходит встреча двух главных фигур местного купечества: К. Азизова и Дж. Арабова — с приближенными эмира, где правителю от имени торговцев были предложены: 1) устройство в Бухаре биржи; 2) новых мостов; 3) контроль за мерами и весами на рынках; 4) регулирование распределения воды; 5) запрет пышных свадеб; 6) усиление внимания к начальным школам¹⁴.

Эмир избрал местом своего постоянного пребывания не далекий от столицы Кермине, как ранее, а саму Старую Бухару. Он установил у ворот дворца предлагавшиеся ранее общественностью «ящики справедливости» для подачи письменных жалоб от населения¹⁵.

В марте 1911 г. Алимхан выделил 4000 руб. русско-туземной больнице, 100 тыс. — Красному Кресту (с образованием в нем специального фонда бухарского эмира), 64 тыс. руб. — на противосаранчовые работы¹⁶.

Правитель официально выступил, как это предлагали купцы К. Азизов и Дж. Арабов, против проведения пышных свадеб¹⁷.

Начавшаяся школьная реформа привела к соединению мелких (иногда по 3—4 ученика) учебных заведений в более крупные, значительным финансовым вложениям в просвещение, назначению казенного жалования учителям¹⁸.

Вместе с тем отметим, что туркестанский генерал-губернатор Самсонов сообщал в конфиденциальном письме от 8 марта 1911 г. в МИД России: «Эмир Алим был воспитан в духе беспрекословного повиновения своему отцу... Вкусивший начатки цивилизации, зная весьма удовлетворительно русский язык и кое-что читая из периодической русской печати, Саид Алим сознавал некоторые бытовые в глаза неполадки в управлении Бухарой, чувствовал нелюбовь населения к отцу... Доживши при таких условиях до 30-летнего возраста, эмир Саид Алим представляется малоопытным, безвольным правителем и по природе несколько вялым человеком... Он понимает, что должен слушаться русского правительства, передающего ему волю Государя Императора... Однако при безволии он в настоящее время легко может попасть под влияние ближайших своих советников и сотрудников, ...людей старого режима, хитрых и сильных духом, для которых всякие реформы в ханстве

⁷ Турк. ведомости. 1910. 5 дек.

⁸ Правит. вестник. 1910. 24, 29, 31 дек.

⁹ Там же. 25 дек.

¹⁰ Турк. ведомости. 1911. 11, 30 янв.

¹¹ Правит. вестник. 1911. 4 янв.

¹² Там же. 9 янв.

¹³ Там же. 5 февр.; Правит. вестник. 1911. 2, 8 февр.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 87—87а.

¹⁵ Турк. ведомости. 1911. 24, 26 февр.

¹⁶ Там же. 27 февр., 1 марта; Правит. вестник. 1911. 8 марта.

¹⁷ Турк. ведомости. 1911. 9 марта.

¹⁸ Там же. 31 марта, 14 апр.

невыносимы; они несомненно будут в этом отношении его сдерживать»¹⁹. Последующие события подтвердили эти прогнозы.

Петербургская газета «Утро России» справедливо сетовала, что реформы молодого эмира коснулись в основном школьного дела и войска, не затрагивая по существу других, главных сфер жизнедеятельности вассального государства²⁰.

Заслуживает внимания исследования поездки эмира в Петербург в мае—июне 1911 г.,—вероятно, первая для Алимхана в его новом качестве. Его принял Николай II. Печать детально описывала подарки, привезенные бухарским эмиром русскому царю: ткани, оружие, ларцы, изделия народного промысла, двадцать породистых коней. Император, в свою очередь, жалует своему гостю орден Белого Орла с бриллиантами²¹.

Только в период своего пребывания в Петербурге эмир жалует 1000 руб. на сооружение памятника морякам—жертвам Цусимского боя и 100 тыс. руб.—Красному Кресту²².

Поездка Алимхана в столицу России продолжалась вплоть до июня 1911 г.²³ Один из петербургских журналов по случаю его визита поздравил читателя с фотографией гостя и сообщил о присвоении ему чина генерал-майора русской армии²⁴.

Вскоре после этого эмир предпринял еще ряд мер, в том числе по финансированию русско-туземных больниц в Бухаре.

И здесь вновь уместно сослаться на переписку российских официальных лиц. В секретном донесении управляющего Российским политическим агентством (РПА) в Бухаре на имя туркестанского генерал-губернатора от 27 июля 1911 г. говорится о приеме Алимханом даров от подчиненных, т. е. о мздоимстве, в том числе и получении красивых девушек для гарема²⁵. Эти факты, ставившиеся известными и широким массам, подчеркивали неискренность эмира в провозглашенном им курсе на переустройство бухарского общества.

Август 1911 г. ознаменовался важным событием—резким противостоянием консервативных и либеральных сил. Под сильнейшим, на наш взгляд, нажимом из Петербурга (это видно из переписки столичных и местных чиновников) был выслан ряд религиозных деятелей, открыто выступавших против реформ. Алимхан отложил свой отдых на южном берегу Крыма. В столицу эмирата прибыл новый управляющий РПА²⁶.

Отдых в Ялте эмир провел в октябре—декабре 1911 г. 7 октября там состоялась его встреча с Николаем II. В это же время наследнику бухарского престола Саиду Мирзе присваивается чин офицера Терского казачьего полка, позже—титул светлости²⁷.

Действия эмира неизменно отличались явной непоследовательностью. «Нельзя... обоить молчанием,—читаем мы в секретном послании туркестанского генерал-губернатора военному министру России от 30 декабря 1911 г.,—самую личность Саид Мир Алима, достаточно выяснившуюся за истекшее время. Слабохарактерный, безвольный, нерешительный, ко всему апатичный, ничем не интересующийся, нынешний эмир не только не сумел приобрести расположение своего народа или хотя бы ближайших к нему лиц, но лишь успел отвратить и этих последних от себя своим непомерным развратом, в жертву коему, наравне с дочерьми простоллюдинов, приносятся девушки влиятельнейших семейств в ханстве»²⁸. В Ташкенте, таким образом, явственно видели отрицательные черты характера бухарского монарха.

В письме генерал-губернатора в Петербург, на имя министра иностранных дел России, от 23 января 1912 г. также говорится о развратных действиях эмира: «То, что покойный эмир сделал в конце своего правления, то же самое повторено Саид Алимом на втором же году его появления у власти. Эмир удалился в Алчин, выписал туда цирк, вызывает из Москвы публичных женщин и на глазах соняемого по его приказанию окрестного населения предается грубому разврату, совершенно не помышляя о своем престиже, охранять который мы почему-то взяли на себя неблагоприятную роль»²⁹.

И все же эмир старался предпринимать какие-то шаги.

В начале 1912 г. стало известно о сдаче эмиром в аренду России на 99 лет 72 тыс. десятин земли в Байсуние, Ширабаде и на берегу Амударьи за 100 тыс. руб. Алимхан предпринимает весной того же года осмотр бекств своего государст-

¹⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 95.

²⁰ Цит. по: Турк. ведомости. 1911. 26 апр.

²¹ Там же. 13 мая; Правит. вестник. 1911. 12, 14 мая.

²² Правит. вестник. 1911. 22 мая; Турк. ведомости. 1911. 26 мая.

²³ Правит. вестник. 1911. 2 июня.

²⁴ Нива. СПб., 1911. № 22. С. 43.

²⁵ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 4000, л. 8а—9.

²⁶ Правит. вестник. 1911. 17, 20 авг.; Турк. ведомости. 1911. 18—21 авг. См. также: Becker S. Russias Protectorates in Central Asia. Cambridge, 1968. P. 208.

²⁷ Правит. вестник. 1911. 4 окт., 10 дек.; Турк. ведомости. 1911. 10, 20 окт.; Правит. вестник. 1913. 8 окт.

²⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3926, л. 101а.

²⁹ Там же, л. 109а.

ва, что в жизни эмиров Бухары было крайне редко. И, наконец, начато было строительство шести мостов через Зарафшан на сумму 300 тыс. руб.³⁰

Большим событием стал выход в свет в Бухаре персоязычной газеты «Бухорон шариф» и тюркоязычной — «Туран». Однако они были закрыты вскоре из-за малого числа подписчиков и финансовых трудностей³¹.

Дальнейший ход событий показал, однако, что попытки реформ Алимхана застопорились. «Оппозиция духовенства помешала преобразованиям», — справедливо писал по этому поводу бакинский «Нажот»³².

Эмир забросил борьбу со свадбными расточительствами. Он уже открыто принимал огромные подарки от членов своего правительства³³. Его личные вклады в русские банки к декабрю 1913 г. составили 34 млн. руб.³⁴

Либеральные силы пытались вдохнуть новую жизнь в угасавший процесс общественных преобразований. Так, виднейший мусульманский просветитель России Исмаил Гаспринский выступает с проектом дополнительных реформ в Бухаре³⁵.

Интересно, что к 1914 г. в печати практически вообще перестали упоминаться попытки реформ в эмирате. Газеты акцентировали свое внимание на визитах Алимхана, его пожертвованиях (преимущественно Красному Кресту), пышном образе жизни правителя Бухары.

Итак, в 1911—1912 гг. — первые годы правления Саида Алимхана — в Бухаре предпринимаются попытки провести ряд реформ (уменьшены размеры налогов, объявлена частичная амнистия, урегулированы судебные сборы, увеличено жалование войску и т. п.). Это стало возможным благодаря, главным образом, давлению царского правительства, желавшего «цивилизовать» феодально-монархический режим эмирата.

Однако начавшийся было процесс социальных изменений быстро заглох в силу сопротивления консервативных сил, стремившихся сохранить старые порядки.

Б. Х. Эргашев

³⁰ Турк. ведомости. 1912. 15 февр., 16 мая, 13 сент.; Правит. вестник. 1912. 16 мая.

³¹ См. подробнее: Эргашев Б. Х. Чрезвычайная симпатия//Советская Бухара. 1989. 13 сент.; Его же. Притча для потомков//Правда Востока. 1991. 19 июля.

³² Цит. по: Мир ислама. СПб., 1912. № 2. С. 68.

³³ Турк. ведомости. 1913. 11 июня, 29 дек.

³⁴ Becker S. Op. cit. P. 386.

³⁵ Турк. ведомости. 1913. 12 сент.

О КЕНОТАФАХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди множества проблем в археологии Джаркутана есть один, казалось бы, частный вопрос, имеющий, однако, исключительное значение в осмыслении духовной культуры сапаллинской цивилизации. Это вопрос о кенотафах, или ложных захоронениях, их месте и роли в ритуально-культурной практике древнеземледельческого общества Южного Узбекистана. До сих пор отсутствует специальный анализ кенотафных захоронений сапаллинской культуры. В период накопления археологических материалов по Сапаллитепе и Джаркутану к данной проблеме неоднократно обращался А. А. Аскаров при разработке общенсторических вопросов эпохи поздней бронзы¹, что, к сожалению, не получило дальнейшего развития, хотя кенотафы как по количеству, так и разнообразию представленных в них ритуалов заслуживают специального изучения.

В ряде работ, посвященных другим памятникам бронзового века Средней Азии, о кенотафах говорится, как правило, мимоходом, в самом общем виде, при характеристике погребального обряда тех или иных обществ, и вопрос о социальном и ритуально-культурном содержании данного вида захоронений в них не ставится². Несколько подробнее рассматриваются кенотафы скотоводческого населения

¹ Аскаров А. А. Сапаллитепе. Ташкент, 1973. С. 134—135; Его же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 141; 153; Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 48, 52, 54.

² Сарнианди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 55; Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983. С. 87, 90; Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г.//Археологические работы в Таджикистане (АРТ). XVII. Душанбе, 1984. С. 56—68; Массон В. М. Древние культуры Средней Азии: динамика развития, освоение экологических ниш, культурные связи//Информационный бюллетень МАИКСА. Вып. II. М., 1986. С. 87.

южнотаджикской части Северной Бактрии в последней монографии Л. Т. Пьянковой³.

Среди других научных работ следует указать на известную статью Н. М. Постовской о царских кенотафах древнего Египта, публикации О. В. Обельченко о курганных кенотафах Кую-Мазара первых веков н. э. и А. В. Смоляка о ложных погребениях народов нижнего Амура⁴. Совсем недавно вышла из печати монография В. И. Мельника, посвященная особым видам погребений катакомбной общности, где в специальной главе дается достаточно развернутая классификация и интерпретация символических погребений (кенотафов), предлагаются возможные смысловые значения кенотафных атрибутов⁵.

Вряд ли есть основания сомневаться, что ритуальный смысл кенотафных захоронений был многообразен и исторически менялся как во времени, так и в пространстве. Наибольшее распространение получают кенотафы прежде всего в эпоху поздней бронзы. В Средней Азии массовое распространение кенотафов пришлось именно на это время, археологически датированное периодом Намазга VI. Помимо погребальных комплексов сапаллинской культуры Южного Узбекистана, кенотафы известны на памятниках: Гонур — в Маргиане, Даши — в Южной Бактрии, Сумбар и Пархай — в Юго-Западной Туркмении, Тандыриул — в Гиссарской долине, а также в ряде скотоводческих могильников: Вахш, Тигровая Балка, Джаркуль, Ойкуль, Макони-мор, Бишкент I — в низовьях Вахша и Кызылсу⁶.

При этом наиболее ярко представлены кенотафы в материалах северо-бактрийских археологических памятников (до 90% всех известных среднеазиатских кенотафов эпохи бронзы). В их исследовании несомненный интерес представляют кенотафы раннегородской цивилизации Южного Узбекистана, где сконцентрировано более половины всех известных нам для этого времени кенотафов Северной Бактрии. В погребальных комплексах Сапаллитепе, Джаркутана и Бустана на сегодняшний день обнаружено 158 кенотафов. Причем подавляющая их часть не подвержена осраблению. Кроме того, рассматриваемые кенотафы хронологически находятся в достаточно длинном интервале и имеют разработанную археологическую периодизацию сапаллинской культуры, а потому можно осуществить их типологическую синхронизацию и социологическую классификацию в контексте эволюционного развития цивилизации.

В общем массиве кенотафов сапаллинской культуры выделяются следующие ритуальные группы захоронений: 1) захоронения матерчатой или деревянной куклы с сопровождающим инвентарем; 2) захоронение манекена с ритуальными необожженными глиняными сосудами цилиндрикоконической формы; 3) захоронения глиняных статуэток человека с лентными миниатюрными сосудиками и прочим инвентарем (рис. 1); 4) захоронения барана в виде имитированного труположения человека (обычно мужчины); 5) захоронения куклы с ритуальным жертвоприношением барана; 6) парные захоронения животных в имитированном труположении человека; 7) безинвентарные кенотафы. Эти группы кенотафных захоронений имеют различные количественные показатели в историческом развитии сапаллинской цивилизации.

Поэтаный анализ всех известных кенотафов сапаллинской культуры достаточно красноречиво свидетельствует о нарастающей тенденции их развития. Составляя на стадии Дж-II лишь 3,1%, доля кенотафов в общем массиве погребений на заключительной, бустанской стадии культуры повышается до 27,6%. То же, с некоторыми оговорками, можно сказать и о качественной стороне кенотафов. Так, начиная с джаркутанского этапа, непрерывно увеличивается удельный вес кенотафов с металлическими изделиями. Если на первых двух этапах бронзовые предметы известны только в четырех кенотафах, то на последующих их число возрастает до 34 (27,2% всех погребений). Нельзя не заметить и значительного расширения в вещевом инвентаре кенотафов ассортимента изделий в сторону увеличения имитированных орудий труда и оружия. На сапаллитенийском этапе в кенотафах фиксируется 4 вида предметов: бронзовые ножи, наконечник копья, шпилька и бронзовые сосуды; на джаркутанском — только 2: бронзовый жезл и кремневые

³ Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы южного Таджикистана. Душанбе, 1989.

⁴ Постовская Н. М. Абидос и Мемфис (к определению памятников I династии)//ВДИ. 1959. № 3. С. 103—129; Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника//Труды САГУ. Вып. СХI: Ист. науки. Кн. 25. Ташкент, 1957. С. 109—129; Смоляк А. В. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов нижнего Амура//СА. 1969. № 1. С. 262—264.

⁵ Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991. С. 45—55.

⁶ Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 55; Хлопья И. П. Юго-западная Туркмения... С. 87; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах южно-таджикстанской археологической экспедиции в 1973 г.//АРТ—1973. Душанбе, 1977. С. 65—103; Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине... С. 56—58.

наконечники стрел; на кузалинском — 10; бронзовые модели ножей, кинжалов, наконечников, секачей, тарелок, ковшей, лопаточек, а также каменные пряслица, подвески, бронзовые бусы; на молалинско-бустанском — 15; бронзовые миниатюрные копии ножей, бритв, топоров, секачей, кинжалов, сапожного ножа, кетменей, ложек, тарелок, зеркал, лопаточек, а также каменные и глиняные пряслица, подвески, бронзовые бусы и изогнутые пластинки. Весь этот ассортимент явно свидетельствует о возрастающей социальной престижности кенотафной обрядности у оседлых земледельцев древнейшей Бактрии.

В ритуальном оформлении кенотафов также просматривается их особая идеологическая функция — именно на кенотафные захоронения кузалинского и молалинско-бустанского этапов приходится наивысшие показатели встречаемости костей животных, следов огня, лепных ритуальных сосудов, глиняных статуэток, окатанных галек. Кенотафы как специфическое средство идеологической имитации и социальной скорби активно впитывали в себя и другие символично-ритуальные формы религиозной обрядности. Для осмысления общественно-культурного содержания кенотафов нельзя забывать их исторической связи с теми явлениями, которые сопутствовали распространению кенотафов на кузалинском и последующих этапах.

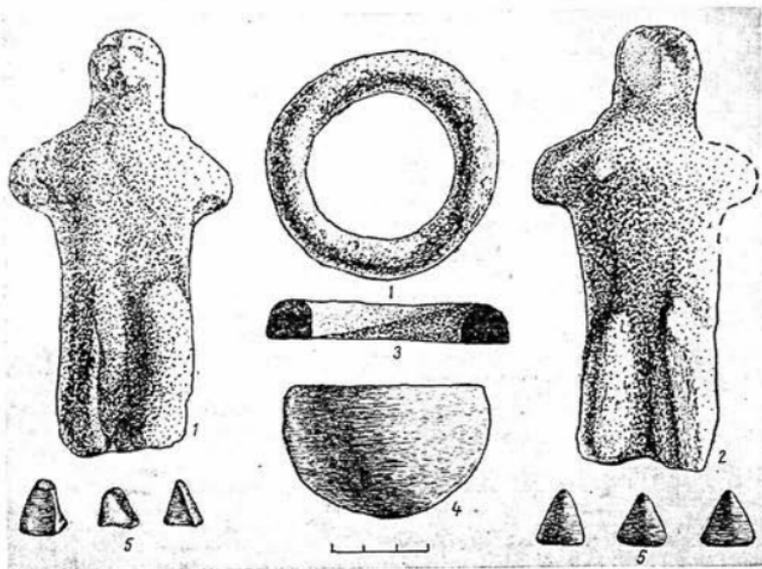


Рис. 1. Ритуальные глиняные атрибуты из кенотафа № 12. Могильник Дж-4Б. 1—2 — антропоморфные статуэтки; 3 — модель алтаря огня; 4 — лепной сосудик; 5 — конусовидные предметы.

Весьма примечательно, что так называемый «кенотафный бум» обязан своим рождением именно кузалинскому этапу, когда в жизни городища происходят серьезные изменения — завершается оформление монументального храма, складываются новые обособленные производственные участки, усложняется система общественных отношений. Новые черты появляются в материальной культуре, прежде всего в керамике. То было время нарастающих этно-культурных передвижений и контактов, что не всегда заканчивалось мирным исходом. Не исключено, что именно жертвам этих контактов посвящаются кузалинские кенотафы. О возможности каких-либо военных столкновений могут косвенно свидетельствовать следы мощных пожаров раннекузалинского времени, установленные в стратиграфических слоях цитадели Джаркутана. К этому склоняется и В. М. Массон, полагая, что кенотафы Джаркутана могли означать «увеличение числа случаев гибели выдающихся племенников на стороне в вооруженных конфликтах и столкновениях»⁷.

Резко возросшее на кузалинском этапе число кенотафов показывает и то, что общинники Джаркутана все чаще вынуждены были добровольно складывать материальные блага по существу в пустую яму. И в этих условиях, видимо, отнюдь не

⁷ Массон В. М. Древние культуры... С. 87.

случайно участию кенотафных захоронений сопутствует массовое распространение бронзовой символической атрибутики. Так одна имитация порождает другую⁸.

Активизация внешних контактов не только увеличивала риск «гибели выдающихся соплеменников на стороне», но и объективно укрепляла монополию храма в религиозно-идеологической деятельности общины, прежде всего за счет освящения (внедрения) и развития культа героев. Со стороны храма это могла быть та духовная компенсация, которая предлагалась соплеменникам для снятия их внутреннего напряжения в связи с утратой своих близких сородичей. Культ выдающихся соплеменников, таким образом, не только позволял прийти к социальному компромиссу, посредством чего сохранить жизнеспособность и целостность цивилизации в условиях нарастающего этно-культурного воздействия на нее, но и психологически настраивал и благословлял общинников на новые подвиги и жертвы, приглушая при этом усиливающуюся внутрисоциальную напряженность и брожение. «Социальная дифференциация и вырастающий на ее основе культ вождей и выдающихся лиц делают образ духа умершего объектом почитания»⁹. Связь кенотафов с развитием культа героев обнаруживается и у ахейских греков, которые в честь и в память своих выдающихся соплеменников, не вернувшихся с троянской войны, соорудили «холм гробовой», где душа умершего воина должна обрести заслуженное успокоение¹⁰.

Главным катализатором социальных процессов в этно-культурных взаимодействиях была мужская половина общества. Может быть, именно поэтому распространению кенотафов сопутствовал резкий подъем престижа мужских захоронений. Если на джаркутанском этапе бронзовые предметы содержат лишь 7,6% погребений мужчин, то на кузалинском эта цифра составляет 58,5%. На доминирующую роль мужчин в социально-экономической деятельности оседлоземледельческого общества обращает внимание А. А. Аскаров, который видит в них уже на сапалитепинском этапе «основного создателя экономических богатств общины и организатора производства», что подтверждают, по его мнению, кенотафные захоронения с ритуальным закланием барана, посвященные исключительно мужчинам¹¹.

Допуская существование в погребальной практике джаркутанцев идеологических мотивов культа героев и связывая с ними массовое распространение кенотафов, нельзя ни в коей мере забывать, что в основе этого явления несомненно лежали и более общие причины, а именно — вера в магическую силу предков, их обоожествление, ставшие питательной почвой для вызревания представлений о волшебной связи живых и мертвых, о долге общества перед усопшими, о чувстве ответственности индивидуума и пр. Примечательно, что представления о душах умерших предков получили исключительно сильное развитие в зороастрийском вероучении, с которым переключаются многочисленные артефакты Джаркутана. Культ духов предков отражен в Авесте в виде фраваши. Причем считалось, что душа покойника испытывает различную участь в зависимости от характера его земной жизни¹².

Нет оснований сомневаться в том, что в джаркутанском обществе семейное право уже прочно стояло на патриархальной основе. Как писал крупнейший советский фольклорист В. И. Пропп, «с появлением земледелия и мужской преемственности рода, с появлением собственности и преемственности на нее — появляется мужчина-предок. Создается культ предков»¹³. О развитии отношений собственности в джаркутанском обществе может свидетельствовать серия поздних кенотафов Джаркутана с ритуальным закланием животного (№№ 180, 200, 236, 258, 266 и др. — Дж-4В). Показательно, что в них жертвенный баран уже не имитирует тугоположение умершего человека скорченностью на боку, а лежит на животе и, следовательно, надо полагать, не является заменителем отсутствующего трупа. Рядом с тушей барана специально кладется кукла (обычно наряженная, что подтверждается найденными в соответствующих местах могилы украшениями), символизирующая человека, а закланный баран, скорее всего, подчеркивает экономическую самостоятельность индивидуума, которому посвящен данный кенотаф.

Сравнительное изучение фольклорных материалов, осуществленное В. И. Проппом, показало, что на определенной стадии общественного развития в заупокойном культе некоторых народов «мертвец-животное превращается в мертвеца плюс животное». Мертвец есть баран, но он же и обладатель барана¹⁴. Тот факт, что для ритуального заклания выбирались лишь молодые овцы, определенно указывает на их сакральное значение. Не исключено также, что овцы, как священные животные джаркутанцев, содержались в специальных прихрамовых помещениях. Воз-

⁸ Ионесов В. И. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В//ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 16.

⁹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 192.

¹⁰ Гомер. Одиссея. М., 1986. I. 287; IV. 584. С. 9, 43.

¹¹ Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура... С. 141—142.

¹² Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 345.

¹³ Пропп В. И. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 153.

¹⁴ Там же. С. 173.

можно, это был двор, отмеченный в плане храма под № 3¹⁶. Во всяком случае, обычай содержать священных животных в культовых центрах и использование их в качестве заместителя отсутствующего трупа человека или заупокойной жертвы известны во многих древневосточных культурах¹⁶.

Видимо, не случайно ритуал ложных захоронений чаще всего прививается на почве активного разложения традиционных эгалитарно-общинных структур в условиях социально развивающихся патриархально-собственнических отношений, формирующейся личностной духовной культуры и идеологического освящения культа предков и героев: «Новая эпоха вызвала к жизни новые виды артефактов и новые обряды»¹⁷. Причем кенотафы сильнее всего приживаются там, где создаются мощные ритуально-культовые центры. В Древнем Египте — это царские гробницы в Абидосе и Мемфисе, в Восточной Грузии — святилище Мелани, в Северной Бактрии — храм огня на Джаркутане¹⁸. На эту общадиальную тенденцию справедливо обратила внимание еще Н. М. Постовская, полагая, что «закономерно ожидать появления кенотафов с того самого времени, когда с развитием классового общества началось возведение массовых сооружений культового характера»¹⁹.

Истоки среднеазиатских кенотафов как качественно нового явления в погребальном обряде, по мнению В. М. Массона, восходят еще к поздним этапам Алтын-депе, где был обнаружен мемориальный комплекс с погребальным инвентарем и крупными уплощенными камнями, заменившими в камере отсутствующих покойников²⁰. Возможно, аналогичный ритуальный смысл имели и некоторые джаркутанские и бустанские кенотафы с крупными камнями или уплощенными гальками (№№ 192, 194, 205, 210, 257 и др. — Дж-4В; №№ 9, 10, 29 — Б-4; № 38 — Б-3 и др.).

Разумеется, социальная заостренность кенотафов не только ни в коей мере не исключает, но и предполагает их ярко выраженную ритуально-культурную функцию. На данном этапе исторического развития земледельческих обществ в мифологизированном сознании социума сакральное и социальное сплетались в нерасторжимый узел, образуя, в известном смысле, неделимую, целостную систему мировосприятия. Практика имитационного воздействия на «потусторонний мир», объективно вытекающая из социальной действительности, обрела в погребальном обряде, в виде кенотафных захоронений, глубоко сакрально-идеологическое содержание. Судя по ритуальной дифференцированности кенотафов сапаллинской культуры, это содержание было достаточно многообразным и вряд ли сводилось к какой-либо одной установке, ибо «каждый символ выражает много тем, а каждая тема выражается многими символами»²¹.

Несмотря на многочисленность и часто неадекватные друг другу трактовки ритуального смысла кенотафов, вряд ли подлежит сомнению, что в актуализации кенотафного обряда, помимо указанных выше социальных инноваций, заметно отразились традиционные для первобытности анимистические и фетишистские религиозные воззрения. Наиболее распространенной интерпретацией кенотафов является версия об их мемориальном назначении. Правда, некоторые исследователи предлагают отличать от кенотафов так называемые «мемориалы», или «памятные сооружения» в честь погибших (с утратой трупа) и невернувшихся (умерших на стороне)²². Но такое разделение предлагается без достаточно убедительного историко-логического разъяснения и в любом случае не может отменить анимистическо-фетишистскую мотивацию кенотафного обряда.

Исходя из анимистического восприятия окружающего мира, веры в магическую силу души и ее посмертное существование, человек поздней первобытности конструировал символично-ритуальными средствами модель «потустороннего бытия» для своего умершего сородича. Могила — это дом, обитель, пристанище для последнего упокоения души²³. Погребальное пространство могилы есть средоточие духов-

¹⁵ Аскарлов А. А., Ширинов Т. Древнебактрийский храм огня в Южном Узбекистане // Градостроительство и архитектура: Культура Среднего Востока — развитие связи и взаимодействия. Ташкент, 1989. С. 19.

¹⁶ Мифы народов мира. Т. I. М., 1982. С. 237—238; Виноградов А. В. Могильники эпохи Среднего Царства в районе сел. Курта/Древняя Нубия. М.; Л., 1964. С. 217—218; Сарияниди В. И. Древние земледельцы... С. 55; Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. С. 52.

¹⁷ Массон В. И. Древние культуры... С. 87.

¹⁸ Тураев Б. А. История древнего Востока. I. М.; Л., 1935. С. 169; Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия... С. 54—58; Аскарлов А. А., Ширинов Т. У. Древнебактрийский храм...

¹⁹ Постовская Н. М. Абидос и Мемфис... С. 112.

²⁰ Массон В. М. Древние культуры... С. 87; Завьялов В. А. Мемориальный комплекс эпохи бронзы из раскопок Алтын-депе/Памятники Туркменистана. 1977. № 1 (23).

²¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 40.

²² Мельник В. И. Особые виды погребений... С. 10.

²³ Пропп В. И. Исторические корни... С. 160, 174.

ной ипостаси мертвеца в виде его двойника или тени²⁴. Благополучие в посмертном существовании души умершего зависит от благопристойно совершенного по нему погребального обряда. По представлениям древних греков, душа непогребенного не может попасть в обитель и потому обрести вечное успокоение²⁵. Африканцы из племени эдо верят, что человек, который не был достойно погребен, не может вступить в общество своих умерших родственников и друзей, и только от совершения погребального обряда его детми зависит, успеет ли он как социальное существо²⁶.

Как отмечает В. И. Пропп, предполагалось, что судьба души зависит и «от социального положения умершего». Души убитых в бою воинов и вождей отправлялись в «небесный мир» для «вечной жизни» иначе, чем души умерших естественной смертью²⁷. Для спасительного покровительства и увековечения памяти своего героя Хусейна шинги имитируют ритуальную церемонию его похорон, изображая его тело деревянной куклой²⁸. В древнетюркском погребальном ритуале использовались антропоморфные статуарные символы, изображающие убитых врагов погребенного воина, души которых обязаны были ему заупокойной службой²⁹. В этнографии известны многочисленные примеры, когда души умерших, тела которых остались непогребенными, считались носителями злых и пагубных сил. Так, айны считали большим несчастьем, если не удавалось найти останки погибшего: человек тогда, дескать, не может попасть в обитель, его душа приобщается к темным силам, которые наносят вред живым³⁰. Для некоторых австралийских племен души непогребенных умерших туземцев способны оборачиваться злобными и вредоносными существами и причинять людям бедствия³¹. У некоторых среднеазиатских народов до настоящего времени сохранился древний обычай шаит, в своих отдельных проявлениях несущий явные отголоски кенотафного обряда. Так, среди коренного населения Южного Узбекистана до сих пор распространен обычай сооружать в местах трагической гибели человека «памятный» холмик для покинувшей его тело души.

Нередко отсутствующий труп человека заменялся в погребальном обряде манекеном. Индусы использовали в церемонии похорон соломенное чучело, если тело их родственника не удавалось найти³². Куклу использовали в похоронной процедуре и в качестве умиловительной жертвы. Похороны мужских и женских кукол, как жертву воде и растительной плодovitости, известны в древнерусской языческой погребальной обрядности³³. На Украине соломенное чучело Ярила клали в гроб и по захождении солнца, оплакивая, его зарывали в могилу. «Фантазия младенческих народов любила свои представления облекать в живые пластические образы, это было существенное свойство их мышления и мирозерцания»³⁴.

Иногда в куклу «заманивают душу» больного³⁵. В других случаях погребальными статуэтками изображают испутившую жертву. Делались и попытки смоделировать самого предка. В древнеегипетском заупокойном культе фигурки использовались как помощники умершего, которые сопровождают его в потусторонний мир (фигурки назывались египтянами Ушебти)³⁶. Один из африканских ритуальных нормативов обязывает вдова, в случае вторичной женитьбы, держать в своей хижине куклу, которая изображает его первую жену в потустороннем мире, ее окружают всяческими почестями, дабы жена на том свете не ревновала к новой жене³⁷. Однако не всегда покойного предка имитируют антропоморфными статуэтками. Известны случаи, когда труп человека изображали обычным куском дерева, перетянутого веревкой³⁸. В некоторых христианских общинах Ганы существует обычай водружать на отдельных могилах статуи умершего и оставлять вместе с ней его рабочий инструментарий (молоток, пилу, клещи и пр.), в который, согласно поверью, должна встелиться после погребения душа покойного³⁹. Не исключено, что схожую ритуаль-

²⁴ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 264—267; Тэрнер В. У. Символ и ритуал. С. 50.

²⁵ Гомер. Одиссея. М., 1984. С. 299.

²⁶ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. С. 289.

²⁷ Пропп В. И. Исторические корни... С. 101.

²⁸ Марр С. М. Мохаррам//Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 333—334.

²⁹ Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи)//Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 250.

³⁰ Таксамин Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? М., 1990. С. 224.

³¹ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 268.

³² Там же. С. 351.

³³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 681.

³⁴ Афанасьев А. Н. Живая вода и вешнее слово. М., 1988. С. 466—467.

³⁵ Пропп В. И. Исторические корни... С. 200; Frazer J. G. The golden bough: A study in magic and religion. Pt. I. Vol. 2. L., 1911. P. 53—54.

³⁶ Струве В. В. Заупокойный культ древнего Египта. Пг., 1919. С. 37.

³⁷ Пропп В. И. Исторические корни... С. 200.

³⁸ Тэрнер В. И. Символ и ритуал. С. 56.

³⁹ Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984. С. 140.

ную функцию могли выполнять и votинные миниатюрные орудия труда из джаркутанских могильников.

Таким образом, в исторической интерпретации кенотафов необходимо выделить две существенные стороны — социальную и ритуально-культурную. Большие того, как мы попытались показать, именно кенотафы были в погребальной практике джаркутанцев тем стержнем, на котором активно произрастали побег не только официальной похоронной догматики, но и социальной маскировки классовообразовательных процессов. Есть основания полагать, что распространение кенотафов наверняка связано с развитием культа предков, а развитие культа предков — с развитием собственнических отношений по мужской линии⁴⁰, что являлось также отражением утверждающейся в обществе «патриархальной власти родо- и домовладыки, как следствие растущей социальной дифференциации»⁴¹.

Наметившиеся в обществе оседлых земледельцев социально-имущественная дифференциация и институализация власти способствовали активному выстраиванию в похоронной обрядности личностно-анимистических нормативов с ярко выраженной идеологической окраской. Как только в общине начинают рваться родо-племенные нити и из традиционного эгалитарного организма отпочковываются надобщинные идеологические институты, дух умершего в представлениях людей отрывается от его тела, появляются страх и вера в магическую силу души, формируется культ предков. Причем объектами почитания выступают прежде всего духи умерших мужчин — авторитетных старейшин, вождей, храбрых воинов, для которых уготавливается особое место в загробном пространстве⁴². Тем самым социальная дифференциация потусторонней жизни оборачивается дифференциацией погребального обряда, правда, не прямо, открыто, а закамуфлированно, «переодетшись в традиционные наряды». Известно, что каждое новое поколение в создании своего социального порядка использует те традиционные институты, которые оно застает и через которые пытается утвердить новый тип общественных отношений. Это был как раз тот период, когда ломка традиций осуществлялась в рамках самой традиции, что характеризует «переходные» периоды в общественной эволюции, в том числе эпоху классовообразования.

Поливариантность погребального обряда на поздних этапах сапаллинской культуры, на наш взгляд, помимо всего прочего, свидетельствует и об идеологическом закреплении социальной стратификации джаркутанской общины. Развитие представлений о духах умерших в мифологизированном сознании оседлых земледельцев на определенном этапе (ярче всего в кузалинско-молалинское время) материализуется в практику кенотафных захоронений, и от них, надо думать, с новой силой воздействует на духовную жизнь социума. В этих условиях кенотафы стали своего рода ритуальным инструментом в разрешении и идеологическом освящении нарастающих общественных антагонизмов. На разрешении социального конфликта путем его символично-ритуальной формализации обращает внимание В. Тэрнер⁴³.

Кенотафы перестают выполнять роль социальной маскировки и идеологического компромисса, как только общество официально конституируется в государственно-классовое объединение. Во всяком случае, от кенотафной обрядности в последующие эпохи остается преимущественно чисто внешняя ритуально-церемониальная форма, почти адекватно отражающая свое содержание.

Таким образом, наличие социальной и социологической значимости кенотафов как специфического археологического источника джаркутанских древностей, и его дальнейшее историко-социологическое осмысление, наверняка, позволит правильно подобрать «ключ» к некоторым исключительно важным, но до сих пор неразгаданным страницам социальной истории и духовной культуры древнейшей северобактрийской цивилизации.

В. И. Ионесов

⁴⁰ Пропп В. И. Исторические корни... С. 153.

⁴¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. С. 265.

⁴² Там же. С. 191.

⁴³ Тэрнер В. Символ и ритуал. С. 71.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ ДРЕВНЯЯ СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ АКТАШ

Древняя стоянка-мастерская Акташ была обнаружена нами совместно с геологом Ю. Г. Бурулдиным при осмотре современных геологических траншей, пройденных на кахолонги. Инвентарь, найденный на стоянке Акташ, является, на наш взгляд, интересным дополнением к неолитическим находкам в Центральном Кызылкумах.

При исследовании одной из траншей на месторождении кахолонга Сарытау был выявлен срезанный «карман», заполненный отбракованными халцедонами. Это часть древней выработки, пройденной на данный минерал. Каковы были ее первоначальные размеры и была ли это целая система выработки, теперь сказать невоз-

можно, ибо участок сильно изменен в ходе современных геологических работ. Сохранившиеся параметры выработки: глубина—1,50—1,65 м, ширина—0,60—0,75 м.

При дальнейшем осмотре прилегающей территории была обнаружена и сама стоянка-мастерская Акташ, сильно поврежденная геологической траншеей, накрывшей ее почти по всей длине; на поверхности остались лишь два небольших участка по левому и правому бортам траншеи. Акташ—развезинная стоянка. Мы присвоили ей статус мастерской по характеру инвентаря, так как собственно орудий на Акташе—единицы, большинство же находок представлены пластинками первичной обработки, различными отщепами и сколами с нуклеусов. Находок свыше 240, все они, за исключением фрагмента одной кварцевой пластинки, изготовлены из халцедона.

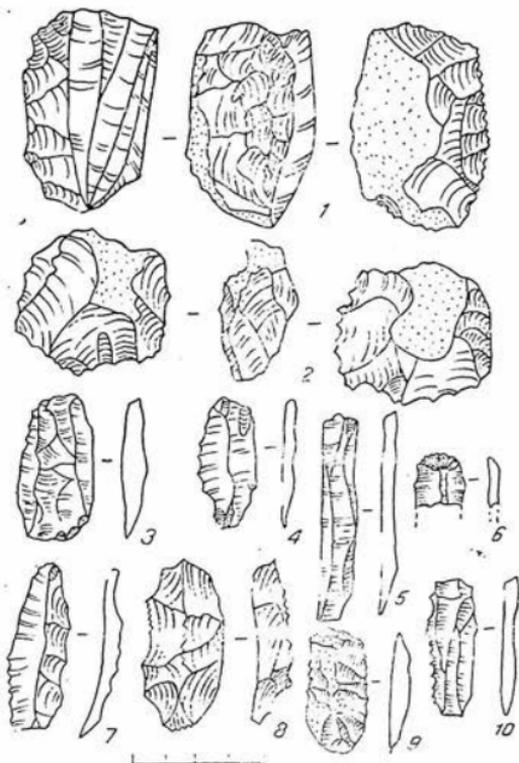


Рис. 1.

Из пяти найденных на Акташе нуклеусов два имеют вытянутую цилиндрическую форму, с лицевой стороны они оформлены последовательными продольными сколами, с тыльной—видны следы коротких поперечных сколов. Оба нуклеуса—одноплощадочные, слегка подправлены ретушью. Высота первого нуклеуса—4,8 см, второго—6,5 см, размеры площадки первого—4,4×3,2, второго—3,3×3,6 см (рис. 1, 1). Третий нуклеус—дисковидный. Его поверхность оформлена радиальными сколами так, что кромка приобрела естественную ретушь, которая в некоторых местах сильно искрошена. Видимо, нуклеус такого типа мог использоваться в качестве скользящего орудия; его размеры 4,5×4,6 см в диаметре, толщина—2,3 см (рис. 1, 2).

Четвертый экземпляр имеет призматическую форму и одностороннюю обработку. Он двухплощадочный, площадки имеют небольшой скос к тыльной стороне. Высота находки не превышает 3,5 см, размеры площадок—7,0×5,8 и 5,2×4,5 см. Заметно, что форма и обработка его грубее и архаичнее, чем первых двух нуклеусов такого типа. Скалываемые с него пластинки были толще и значительно короче. Пятый нуклеус имеет подшарообразную форму, он также обработан с лицевой стороны короткими широкими сколами, его размеры—6,2×5,0 см, размеры площадки—4,5×3,0 см.

Находки, аналогичные вышеописанным цилиндрическим нуклеусам, были сделаны на стоянке Кыррыкызд I (левобережье Амударьи) и датируются А. В. Виноградовым серединой III тыс. до н. э.¹ Похожие находки получены и с мамурских стоянок, они датированы временем от середины III тыс. до рубежа II тыс. до н. э.²

Дисковидный нуклеус имеет аналоги с экземпляром, обнаруженным на стоянке южного массива песков Лявлякан 215/1, причем А. В. Виноградов относит его к группе орудий мустьерского облика³. Подобные ему экземпляры имеются среди находок Ахангаранских мастерских каменного века, которые М. Р. Касымов определил как относящиеся к мустьерскому комплексу по характеру радиальных сколов⁴. Для нуклеуса подшаровидной формы аналогии пока не установлены.

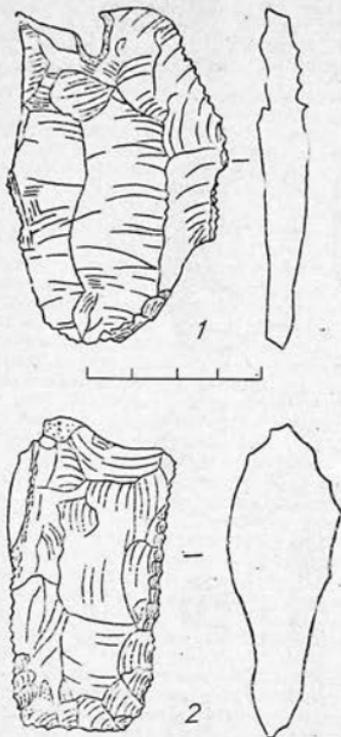


Рис. 2.

единственный экземпляр, тяготеющий скорее к макролитам, чем к микролитам; его размеры: $8,2 \times 5,4 \times 1,0$ см (рис. 2, 1). Особо отметим орудие на пластине подпрямоугольной формы, обработанное ретушью со стороны спинки; его размеры: $7,3 \times 4,0 \times 2,4$ см (рис. 2, 2).

Небольшое количество крупных находок не позволяет пока точно датировать их. Однако А. В. Виноградовым упоминаются снятия средних и крупных размеров (пластины, пластинчатые и треугольные отщепы) при анализе палеолитических материалов из района впадин Карасыгыр⁵. Известны изделия подпрямоугольной формы с палеолитической стоянки Кызылдуру 15, но они были определены как заготовки для нуклеусов. Орудие, найденное на Акташе, использовалось как режущее.

На стоянке найдено 15 сколов с площадок нуклеусов, их длина варьирует от 2,1 до 5,6 см, ширина — от 1,2 до 2,8 см, толщина — от 0,7 до 1,4 см (рис. 1,8). Кроме того, обнаружено 5 краевых сколов с нуклеусов, длина которых от 3,7 до 6,0 см, ширина — от 0,9 до 2,4 см, толщина — от 0,5 до 1,5 см (рис. 1,7). Среди находок стоянки имеются ножевидные пластинки и их фрагменты. Из 107 пластинок только 6 отретушированы (рис. 1,3—5, 7). Длина пластинок — от 2,8 до 6,5 см, ширина — от 0,7 до 2,8 см, толщина — до 0,7 см. Концевой скребок, изготовленный на фрагменте ножевидной пластинки, имеет размеры: $1,2 \times 1,0 \times 0,4$ см (рис. 1,6). Интересно режущее орудие на ножевидной пластинке, его размеры: $4,4 \times 1,6 \times 0,6$ см (рис. 1,10). Различных отщепов — 89, из них ни один не имеет ретуши. Их длина изменяется от 1,6 до 8,2 см, ширина — от 1,0 до 5,4, толщина — от 0,2 до 1,0 см.

Большая часть находок со стоянки-мастерской Акташе явно кельтеминзарского облика и имеет аналогии с материалом стоянок оз. Лявлякан, особенно центрального и южного массивов песков. Пластинки и аналогичные акташским, были найдены на Л.348/1, Л.87/1, Л.59, Л.43/1⁵ и т. д. Концевые скребки на ножевидных пластинках были среди материалов стоянок Л.121, Л.338/3, Л.7⁶ и т. д. Из отщепов нами выделен

¹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья // Труды ХАЭЭ. Т. 13. М., 1981. Рис. 44, 40.

² Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968. Рис. 54, 21.

³ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. Рис. 52, 56.

⁴ Касымов М. Р. Кремнеобработывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972. Табл. XXVII, 10.

⁵ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Рис. 40, 10-а.

⁶ Там же. Рис. 27, 8; рис. 44, 22; рис. 46, 40, 36.

⁷ Виноградов А. В. Древние охотники... С. 51.

Проанализировав материалы древней стоянки-мастерской Акташ, мы пришли к выводу, что микролитический инвентарь можно датировать серединой III — началом II тыс. до н. э., тогда как находки крупных размеров — более раннего возраста и были подняты во время геологических работ из нижних слоев. Требуется скорейшее детальное изучение данной стоянки в связи с развернувшимися в данном районе работами по добыче кахолона.

Материалы, полученные на стоянке, переданы в Научно-производственный и Учебный центр Госкомитета по геологии и минеральным ресурсам Узбекистана и составили часть его экспозиции по древнему горному промыслу на территории республики.

Е. В. Кимаев

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РУКОПИСЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В ИРАКЕ

Как известно, на территории Ирака имеется множество памятников мировой цивилизации. К ним можно отнести: остатки городища Ур (XXV—IV вв. до н. э.), находящиеся на юге страны, в 30 км от города Насирия; интенсивно восстанавливаемый и реставрируемый древний Вавилон (XVIII в. до н. э.—II в. н. э.), расположенный в 80 км от столицы, близ г. Хилла; архитектурные памятники времен Аббасидского халифата (132/750—656/1258)¹ в Багдаде, Басре, Куфе, Неджефе, Кербеле, Самаре и др. В Ираке имеется также большое количество письменных памятников. Среди них особое место занимают рукописи, хранящиеся во многих крупных городах страны.

Здесь мы хотим поделиться с читателями журнала некоторой информацией о тех рукописях, которые составляют основу рукописных фондов столицы страны — Багдада, хотя большое количество рукописей имеется и в фондах других городов Ирака, среди которых следует отметить библиотеку университета в Мосуле, фонды в Басре и в религиозных центрах — Неджефе и Кербеле. В последних двух собраниях в основном рукописи религиозного характера, т. е. по основам ислама.

Надо сказать, что в Ираке сбор и концентрация рукописей как письменных памятников были начаты с 1940 г. согласно «Закону о памятниках» № 59 от 1936 г. После издания этого Закона рукописи из различных фондов стали сосредотачиваться в Иракском музее, основанном в 1934 г. Среди этих фондов следует особо отметить фонд Отца Кармалина, известного в Багдаде как Отец Анастас Мари Кармали (его фонд состоит из 1335 рукописей), Муллы Сабра ал-Киркукли (435 рукописей), Рашида Оли ал-Кайали и др.

В 1961 г. был создан отдел манускриптов и рукописи из Иракского музея были перенесены в один из читальных залов памятника архитектуры аббасидского периода в Багдаде, известного как Медресе ал-Мустансария, на левом берегу р. Диджаля (Тигр). Рядом с медресе находится описанный еще в «сказках 1001 ночи» знаменитый на всем Востоке рынок средневековья — Багдадский суқ. Количество рукописей в то время еще не превышало 2250.

В 70-х годах интерес к рукописям в Ираке резко возрос. Огромную работу здесь провел Департамент по культурному наследию Министерства культуры и информации Ирака, в обязанности которого входили сбор, охрана, упорядочение, хранение и популяризация рукописей (как публикации, так и их использование в качестве источников для научно-исследовательских работ). Это государственное учреждение было обеспечено необходимыми финансами, что сразу сказалось на количестве манускриптов в отделе рукописей, число которых превысило 36 500. Думается, что здесь наряду с финансами не последнюю роль сыграла соответствующая пропаганда, затронувшая патриотические чувства жителей страны. Широкий размах получило приобретение рукописей из частных фондов², таких известных и богатых хранилищ, как хранение Аббаса ал-Газави ал-Мухами, Абдаллаха ас-Санави, Мухаммада Салиха ас-Сухраварди, Садика Камуни, Мухаммада Али ал-Балаги, Абд ар-Раззака ал-Олуси, Хашима ал-Олуси, Абд ал-Ваххаба ан-Намба, Маъсуди Мухаммада, Ахмада Нияза, Касима ар-Раджаба³, доктора Хусейна Али Махфуза,

¹ Здесь и далее в скобках при указании года первая из двух цифр означает год хиджры, вторая — год по григорианскому календарю.

² Более подробно о фондах Ирака сказано в обьемистой книге (384 с.) Георгия Аввада «Фонды старинных книг с давних времен до 1000 г. х.» (1591 г.). Изд. 2-е. Бейрут: Изд-во «Ар-Раид ал-Араби», 1406 г. х.—1986 г.

³ Касим ар-Раджаб был основателем библиотеки, книжного магазина и маленького издательства «ал-Мусанна». Последние два находятся на улице ал-Муталиби, недалеко от Медресе ал-Мустансария. Сыновья Касима ар-Раджаба продолжают дело отца, и их книжный магазин ныне является одним из самых богатых древними изданиями, где автору этих строк почастилось приобрести несколько

Мухаммада Шукри ал-Муфти, Али Абдаллаха ал-Умари, Саида ад-Даюджи и многих других.

В настоящее время фонд рукописей библиотеки Иракского музея находится в распоряжении созданного в середине 80-х годов «Дома рукописей», который расположен рядом и при «Центре культуры» на улице Хайфа. Директором Дома ныне является один из неутомимых исследователей и любителей рукописей, крупный иракский ученый Усама Насир ан-Накшбанди. Как говорит представитель этого Дома, «он создан для того, чтобы стать «книгой» для учащихся, исследователей и специалистов, занимающихся рукописями»⁴. В Доме находится около 40 тыс. рукописей, написанных на арабском, персидском, урду, турецком, ассирийском, сабейском, иврите и других языках.

Большим фондом рукописей располагает Иракская Академия наук. Кроме того, рукописи в Багдаде имеются в Доме знаний, библиотеке университета ал-Мустансария, библиотеке Министерства вакфов и др.

Сведения о манускриптах, находящихся в различных фондах публикуются как в периодике, так и в специальных изданиях в виде каталогов. К изданиям периодического характера можно отнести журналы «Сумер» и «ал-Маврид». В ряде номеров «Сумера» опубликованы сведения о рукописях по медицине, литературе и истории. Отдельная статья в упомянутом журнале за 1983 г. посвящена рукописям по военному наследию.

В журнале «ал-Маврид» в разделе о рукописях опубликованы каталоги так наз. «специальных письменных фондов», к которым относятся:

- а) фонд Рашида Оли ал-Кайали;
- б) фонд Умария;
- в) фонд братьев Абд ар-Раззака и Хашима ал-Олуси;
- г) фонд Аббаса ал-Газави ал-Мухами.

Сведения о рукописях в журнале «ал-Маврид» публикуются и поныне. Например, в № 3, т. 18, за 1989 г. на с. 179—204 опубликована статья профессора Минийского университета (АРЕ) Ахмада Абдулмаджид Хариди «Перечень арабских рукописей в собрании Эйнтаби в библиотеке научных исследований Калифорнийского университета».

Каталоги рукописей на арабском языке стали публиковаться с конца 60-х годов. Публикации каталогов рукописей из библиотеки Иракского музея с первого же издания носят тематический характер. Сначала они выходили как серия: «Рукописи библиотеки Иракского музея по...», а с конца 80-х годов издается новая серия — «Рукописи фонда Дома рукописей».

До настоящего времени опубликовано девять каталогов, в том числе один — в новой серии. Из них в нашем распоряжении имеются пять, а о четырех мы знаем лишь их наименование и год издания. Это:

1. Рукописи библиотеки Иракского музея по фикху и его основам. 1975.
2. Рукописи библиотеки Иракского музея по музыке, пению и слушанию. 1976.
3. Рукописи библиотеки Иракского музея по медицине, фармакогнозии и ветеринарии. 1981.
4. Рукописи библиотеки Иракского музея по небосводу и астрономии. 1982.

Первым из имеющихся в нашем распоряжении является первый каталог рукописей библиотеки Иракского музея. Он носит название: «Рукописи библиотеки Иракского музея по языку»⁵. Каталог подготовлен к печати в 1968 г. Усамой Насир ан-Накшбанди. Обложка мягкая. Объем 190 с. Во введении изложены некоторые сведения о рукописях. Здесь же отмечается, что первой поступила в библиотеку Иракского музея рукопись труда Иакута ал-Хамави «Муджам ал-булдан»⁶, а самой древней в библиотеке считается рукопись труда Ибн Фариса (ум. в 395/1004) по языку, переписанная в 446/1054 г.⁷ Далее Усама Насир ан-Накшбанди пишет: «После принятия мной отдела рукописей первое, что я сделал, это подготовка каталога по языку, где привел сведения: о наименовании рукописи, авторе, начале рукописи, год переписки, имя переписчика, инвентарный номер, ее размеры, сведения, опубликованные о рукописи»⁸.

В каталог включено описание 504 рукописей, которые, в свою очередь, подразделены по тематике на:

- а) синтаксис и морфологию (опис. №№ 1—293);

ценных книг. Один из книжных магазинов находится в оживленном центре столицы Ирака.

⁴ Об этом подробнее см.: Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Рукописи Дома рукописей по хадису и его наукам. Министерство культуры и информации. Багдад, 1988. С. 9—11.

⁵ Усама Насир ан-Накшбанди. Рукописи библиотеки Иракского музея по языку. Министерство культуры и информации. Багдад: Изд-во «Ал-Джумхурия», 1389 г. х. — 1969 г.

⁶ Об этом см.: Рукописи библиотеки Иракского музея по языку. С. 5.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 6.

б) язык: энциклопедии, отдельные труды по языку, науки о языке, филологии (опис. №№ 294—392);

в) риторика (опис. №№ 393—484);

г) аруз и рифмы (опис. №№ 485—504).

В каталоге имеются сведения о рукописях крупных ученых в области арабской филологии, как арабского происхождения: Халил ибн Ахмад (ум. в 170/786)⁹, ал-Джавхари (ум. в 398/1007)¹⁰, так и выходящих из Средней Азии: аз-Замахшари (ум. в 538/1143)¹¹, ас-Саккаки (ум. в 626/1228)¹², ас-Самарканди (вторая половина IX в. х.)¹³, ас-Суюти (ум. в 911/1505)¹⁴, Фахруддин ар-Рази (ум. в 606/1210)¹⁵, Фирузабади (ум. в 817/1414)¹⁶ и др.

В конце каталога даны указатели имен, географических названий, наименований рукописей, список использованной литературы и 16 фотокопий отдельных страниц в виде иллюстраций из наиболее редких и ценных рукописей.

Четвертым каталогом, опубликованным в издательстве «Ал-Хуррия» в 1980 г., является книга «Рукописи библиотеки Иракского музея по счету, геометрии и алгебре»¹⁷. Авторы — Усама Насир ан-Накшбанди и Замя Мухаммад Аббас. Обложка мягкая. Объем 184 с. По данной тематике в библиотеке Иракского музея имеются рукописи как на арабском, так и на персидском, турецком и других языках, однако включены в данный том каталога рукописи только на арабском языке.

Каталог охватывает описание 310 рукописей. Порядок изложения сохраняется прежний, но кроме тех моментов, которые были изложены в первом каталоге, здесь приводятся: сведения о жизни и творчестве автора¹⁸ рукописи; различия, изложенные в источниках; краткое содержание рукописи; краткие сведения о рукописи: почерк, переписчик, дата переписки, комментарии на полях, источники, где упоминается либо об авторе, либо об источнике, либо о тексте, издан ли этот труд или нет.

Ученые, творившие в Арабском халифате, переняли в улучшенном варианте у индийцев из их многочисленных чисел два вида: первый известен как пальцевые цифры, т. е. изъяснение счета при помощи жестикуляции пальцев, что используется в арабских странах и по сей день; это были цифры научного языка в арабском мире эпохи средневековья. Второй вид — арабские цифры, которыми пользовались на Арабском Востоке через несколько веков после принятия первого вида. Этот вид впоследствии перешел в Европу и был там принят.

В каталог включены труды таких ученых, как: Насириддин Туси (ум. в 672/1274)¹⁹, рукописи его трудов по геометрии обильно снабжены чертежами и фигурами, Салах ад-Дин Муса ибн Мухаммад ибн Махмуд ар-Руми, известный всем под именем Казизада Руми (ум. в 830/1427)²⁰, Абул Аббас ал-Бузджани (ум. в 388/998)²¹, Риза ад-Дин Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Казвини (ум. в 1096/1685)²² и др.

В конце каталога даны указатели имен, наименования рукописей, начала рукописей, расположенных в алфавитном порядке, указатели географических названий и 24 фотокопии отдельных страниц в виде иллюстраций из наиболее ценных рукописей.

В 1982 г. опубликован еще один том каталога — «Рукописи библиотеки Иракского музея по истории, биографиям и житию святых»²³. Авторы тома — Усама Насир ан-Накшбанди и Замя Мухаммад Аббас. Обложка мягкая. Объем 624 с. В данный том включено описание 994 рукописей. Как и в предыдущих томах, даны полные сведения о рукописи, авторе и переписчике. Кроме того, здесь раскрывается изученность рукописи. Отмечается, что в том включены рукописи

⁹ Там же. С. 94—95.

¹⁰ Там же. С. 90.

¹¹ Там же. С. 83, 96, 108.

¹² Там же. С. 132.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Рукописи библиотеки Иракского музея по счету, геометрии и алгебре. Министерство культуры и информации. Багдад: Изд-во «Ал-Хуррия», 1400 г. х. — 1980 г.

¹⁸ Следует отметить, что отличительной чертой данного каталога от предыдущего является то, что здесь в сносках даются сведения о жизни и творчестве авторов, чаще всего малоизученных. Данный метод был выдержан и в последующих каталогах.

¹⁹ Рукописи библиотеки Иракского музея по счету, геометрии и алгебре. С. 24.— 29, 84.

²⁰ Там же. С. 32.

²¹ Там же. С. 127.

²² Там же. С. 142.

²³ Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Рукописи библиотеки Иракского музея по истории, биографиям и житию святых. Министерство культуры и информации, Багдад: Изд-во «Ал-Хуррия», 1402 г. х. — 1982 г.

только на арабском языке, а сведения о рукописях на персидском, турецком, урду будут опубликованы по мере их изученности специалистами — знатоками этих языков²⁴.

Том начинается с описания труда Абу Райхана ал-Беруни «Памятники минувших поколений»²⁵. Самая древняя рукопись по истории, датированная 540/1145 г., — труд Абу Исхака Ибрахима ибн Али Фирузабади (ум. в 476/1083) «Табакат ал-фукаха» («Категории факихов») ²⁶. К древним рукописям можно также отнести прижизненную работу Ибн ал-Джавза (ум. в 597/1201) «Сафват ус-Сафва» («Лучшее лучших») ²⁷, которая переписана Махмудом ибн Абу ас-Саадатом ал-Мукри и датируется 566/1170 г.

В конце тома даны указатели имен, наименования рукописей, географических названий, начало рукописей, список использованной литературы и 36 фотокопий отдельных страниц в виде иллюстраций из наиболее редких и ценных рукописей, вошедших в каталог.

Том, включающий сведения о рукописях по литературе ²⁸, издан в 1985 г. Авторы — Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Обложка твердая. Объем 784 с. В нем содержится описание 1957 рукописей. Кроме тех характеристик, которые излагались в предыдущих томах, в него включены сведения о причине написания данной рукописи, перечень разделов, глав, стиль письма, редкость, древность и другие отличительные черты, а также комментарии, размеры рукописи и сведения о ее изученности.

В томе дано описание диванов более 400 поэтов. Самая древняя рукопись по литературе — труд Абу Мансура ас-Са'алиби (ум. в 429/1038) «Сахр ал-Баллага ва сирр ал-Бара'а» («Чары риторики и тайны искусства») ²⁹, переписанный в 482/1089 г. Как утверждают авторы тома, к редким рукописям можно отнести «Диван ал-Мустансарият» — автограф Ибн Абу ал-Хадиды (ум. в 656/1258 г.) ³⁰, рукопись 504/1110 г. «Диван ал-Хамаса ал-Кубра» («Диван большой Хамасы») ³¹ Абу Таммама (ум. в 231/845) ³², единственный экземпляр книги Сахиба ибн Ибада (ум. в 385/995), переписанный в 628/1230 г. — «Фусул ал-Адабия вал-мурасалат ал-'Абадия» («Литературные разделы и переписка между людьми») ³³, «Дарат» («Короны») ³⁴ ал-Асман (ум. в 216/831), «Васая Афлатун» («Завещания Платона») ³⁵ и «ал-Мухтар мин ши'р ибн Мутазз» («Избранные стихи ибн Мутазза») ³⁶, написанные в Багдаде, экземпляр «Нахдж ал-Баллага» («Методы риторики») ³⁷, написанного в 556/1160 г. В конце каталога даны указатели имен, географических названий, список использованной литературы и 24 фотокопии отдельных страниц в виде иллюстраций из наиболее редких и ценных рукописей, описанных в данном томе.

Последний, девятый каталог опубликован в новой серии. Этот первый каталог из серии «Рукописи фонда Дома рукописей» ³⁸ озаглавлен: «Рукописи по хадису» ³⁹ и его наукам ⁴⁰. Авторы — Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Обложка мягкая. Объем 388 с. Каталог содержит описание 871 рукописи. Как и предыдущие тома, кроме тома по литературе, он публикуется Отделом по памятникам и наследию Министерства культуры и информации Ирака.

Во введении подчеркивается, что «Хадис является вторым источником после Корана в мусульманском законодательстве. В связи с этим мусульмане стоят на страже его охраны, сбора, описания, регистрации, исследования, различия правиль-

²⁴ Там же. С. 8.

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ Там же. С. 271.

²⁷ Там же. С. 263.

²⁸ Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Рукописи библиотеки Иракского музея по литературе. Публикации Института арабских рукописей. Арабская Организация по воспитанию, культуре и науке. Первое издание. Кувейт, 1406 г. х. — 1985 г.

²⁹ Там же. С. 344.

³⁰ Там же. С. 170.

³¹ Хамаса — название известного сборника стихотворений.

³² Рукописи библиотеки Иракского музея по литературе. С. 230.

³³ Там же. С. 451.

³⁴ Там же. С. 161.

³⁵ Там же. С. 653.

³⁶ Там же. С. 578.

³⁷ Там же. С. 642.

³⁸ Здесь следует отметить, что в настоящее время все рукописи сосредоточиваются в Доме рукописей и, по замыслу исследователей, в дальнейшем каталоги будут выходить в этой новой серии.

³⁹ Хадис — предание о словах и действиях пророка Мухаммада, которые затрагивают различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.

⁴⁰ Усама Насир ан-Накшбанди, Замя Мухаммад Аббас. Рукописи Дома рукописей по хадису и его наукам. Министерство культуры и информации. Багдад, 1988.

ных и т. д.»⁴¹. Здесь же отмечается, что «сбор и регистрация хадисов начались в первом веке хиджры⁴² и приобрели массовый характер с начала второго столетия хиджры по приказу халифа Умара Абдель Азиза. С этого момента хадис занял свое достойное место в идейной жизни и культуре исламской арабской цивилизации... Изучение и исследование хадиса повлияло на различные науки, искусство и литературу...»⁴³

При описании рукописей, как и в других томах, приводятся сведения об авторе, рукописи, а также список использованной литературы по уточнению наименования рукописи. Следует подчеркнуть, что в каталоге особое место занимает труд одного из знаменитейших и крупнейших хадисоведов — Исманил ал-Бухари (ум. в 256/870)⁴⁴ «Ал-Джами' ас-Сахих» («Истинный сборник»)⁴⁵. Этот труд известен также под названием «Ас-Сахих» и «Ас-Сахих ал-Бухари». В каталоге даны описания 67 (опис. №№ 236—303) рукописей указанного труда, самый древний из которых датируется VI в. х. Отличительной чертой данного тома является то, что в нем в скобках даются полные сведения о жизни и творчестве малоизвестных хадисоведов. Здесь мы находим много ранее не опубликованных и новых данных, что придает особую значимость и ценность этому тому, в частности для наших исследователей. В томе даны описания рукописей многих крупных хадисоведов, как Ибн Ханбал (ум. в 241/855)⁴⁶, Муслим (ум. в 261/875)⁴⁷, ат-Термизи (ум. в 279 892)⁴⁸ и др.

В конце каталога даны указатели имен, наименование рукописей, географических названий и 10 фотокопий отдельных страниц в виде иллюстраций из наиболее редких и ценных рукописей на данную тематику.

Большое количество рукописей, кроме библиотеки Иракского музея, имеется в библиотеке Иракской Академии наук. Там хранится множество арабских рукописей и их фотокопий, среди которых есть редкие и единственные, есть и такие, о которых еще ничего не опубликовано. Это, в свою очередь, требует их изучения и публикации.

На сегодняшний день доступной публикацией о рукописях библиотеки Иракской Академии наук является 3-томная работа Михаила Аввада «Рукописи Иракской Академии наук: Исследования и каталог»⁴⁹, которая вышла в свет тиражом 3000 экз. Работа содержит исследование и описание 735 томов рукописей, которые составляют 1013 книг и трактатов. Они распределены автором публикации по тематике следующим образом: 1. Наука о Коране — 15 томов; 2. Хадис — 13; 3. Фикх — 20; 4. Убеждения [верование] (секты, группы) — 22; 5. Суфизм (этика) — 9; 6. Философия (логика, мудрость) — 13; 7. Язык (грамматические правила, морфология, синтаксис) — 68; 8. Письмо и делопроизводство — 12; 9. История — 63; 10. Биография и жития — 101; 11. География (путешествия) — 28; 12. Литература (новеллы) — 56; 13. Поэзия (сборники стихов и их комментарии) — 137; 14. Счет — земельный налог — 5; 15. Математика (исчисление, геометрия, алгебра, астрономия) — 21; 16. Медицина — фармакогнозия — 47; 17. Химия (металлы, камни, природа) — 24; 18. Животные (охота) — 2; 19. Сельское хозяйство и растения — 4; 20. Музыка (пение) — 12; 21. Военное дело (оружие, война, армия) — 4; 22. Письма (переписка между людьми) — 7; 23. Различные темы — 18; 24. Сборники — 34 тома.

⁴¹ Там же. С. 42.

⁴² Хиджра — мусульманское летосчисление, которое начинается с 622 г. н. э. — с момента эмиграции Мухаммада из Мекки в Медину. Началом года считается 1 мухаррама/16 июля.

⁴³ Рукописи Дома рукописей по хадису и его наукам. С. 9—10.

⁴⁴ Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исмаил ибн Ибрахим ал-Мугира ал-Бухари ал-Джуфни (Имам Исмаил ал-Бухари) родился в 194/809 г. в Бухаре. Начальное образование получил там же. Хорошо овладев арабским языком, он с 10 лет начал изучать хадис. Во время совершения хаджа он совершенствовал свои знания в городах пребывания: Балхе, Басре, Куфе, Багдаде, Мекке, Медине и др. Высокообразованный ал-Бухари выучил наизусть все хадисы, с которыми ему приходилось знакомиться. Автор ряда трактатов, он особенно знаменит своим трудом «Ал-Джами' ас-Сахих». Умер ал-Бухари в 256/870 в селе Хартанг, близ г. Самарканда.

⁴⁵ Рукописи Дома рукописей по хадису и его наукам. С. 105—114. Данный труд считается наиболее авторитетным сборником хадисов и одним из первых собраний, где хадисы расположены по содержанию согласно разделам фикха, т. е. совершение омовения, молитвы, соблюдение поста, плата заката, совершение хаджа и т. д.

⁴⁶ Рукописи Дома рукописей по хадису и его наукам. С. 255.

⁴⁷ Там же. С. 114—116. В каталоге дано семь описаний труда Муслима «Ал-Джами' ас-Сахих».

⁴⁸ Там же. С. 255.

⁴⁹ Михаил Аввад. Рукописи Иракской Академии наук: Исследования и каталог. Публикации Иракской Академии наук. Т. 1. Изд-во Иракской Академии наук. Багдад, 1399 г. х. — 1979 г.; Т. 2. 1401 г. х. — 1981 г.; Т. 3. 1404 г. х. — 1983 г.

При изложении сведений о рукописях во всех 3 томах сначала идет их описание, затем исследование. При описании рукописи даются следующие сведения: наименование рукописи; автор; дата его смерти по хиджре и григорианскому календарю; начало рукописи; конец рукописи⁵⁰; количество листов рукописи или страниц, строк, вид письма, рисунка, фигуры; примечания касательно рукописи: где написана, переписчик, дата переписки, кто дополнил и т. д.; в каждом разделе дается порядковый номер рукописи того или иного раздела, например: 12/фихх, 7/язык, 9/медицина — фармакогнозия; изложение сведений о рукописях дается в алфавитном порядке, согласно их названиям. Списки к описаниям рукописей содержат:

1) краткое содержание рукописи, разночтения, варианты наименования рукописи;

2) полное имя автора, его краткие биографические данные, источники биографии (предположения), список его трудов, источники, откуда почерпнуты сведения, например: «А'лям» Зирикли, «Муджам ал-муалифин» Риза Каххалы и т. п.

Первый том каталога опубликован в 1979 г. В твердой обложке. Объем 312 с. Здесь даны описания 15 рукописей по науке о Коране, 13 — Хадису, 20 — фикху, 22 — по убеждениям, 9 — суфизму, 13 — философии, 68 — языку, 12 — письму и деопроизводству, 63 — по истории. Таким образом, том содержит описание 235 томов рукописей и исследований к ним. В конце тома даны поправки.

Для нас особый интерес представляют труды ученых Средней Азии, которые включены в этот том. Среди них — работы аз-Замахшари⁵¹, Абу Лайсы ас-Самарканди (ум. в 373/983)⁵², аш-Шахристани (ум. в 548/1153)⁵³, Абу Хамида ал-Газали (ум. в 505/1111)⁵⁴, Абдал Кадера Гилани (ум. в 561/1166)⁵⁵, Ибн Сины (ум. в 428/1037)⁵⁶, ас-Суюти⁵⁷, Абу Касима ас-Самарканди (ум. в 888/1483)⁵⁸, а также крупных арабских ученых, как Халил ибн Ахмад (ум. в 175/791)⁵⁹, ал-Асман (ум. в 216/831)⁶⁰, Ибн Араби (ум. в 638/1240)⁶¹.

Второй том каталога опубликован в 1981 г. В твердой обложке. Объем 452 с. В том включено описание 101 рукописи по биографии и житию, 28 — географии, 56 — литературе, 136 — поэзии. Общее число описаний рукописей и исследований к ним охватывает 321 том рукописей.

Во втором томе даются описания рукописей диванов арабских поэтов и комментарий к ним. Среди них — Абу Тамам (ум. в 235/849)⁶², Джахиз (ум. в 255/869)⁶³, Ибн Мутазз (ум. в 296/909)⁶⁴, ал-Мутанаббиди (ум. в 354/965)⁶⁵, а также ученых и поэтов, выходцев из Средней Азии — Абу Хайяна ат-Тавхиди (ум. в 400/1010)⁶⁶, аз-Замахшари⁶⁷, ас-Сам'ани (ум. в 562/1166)⁶⁸, Фахриддина Рази⁶⁹ и др.

Третий том каталога опубликован в 1983 г. В мягкой обложке. Объем 388 с. Он содержит описание 5 рукописей по счету — поземельному налогу, 21 — математике, 47 — медицине — фармакогнозии, 24 — химии, 2 — животным, 4 — сельскому хозяйству и растениям, 12 — музыке, 4 — военному делу, 1 — письму, 18 — различным темам, 34 — по сборникам и исследованиям к ним. Таким образом, здесь описано 179 томов рукописей. В конце тома даны поправки сначала к третьему тому, а затем ко второму.

Данный том представляется нам особо полезным для ученых, занимающихся исследованием развития истории науки и культуры. Здесь наряду с общезвестными

⁵⁰ Данный момент заслуживает особого внимания, ибо такие сведения приводятся в каталогах крайне редко.

⁵¹ Рукописи Иракской Академии наук: Исследования и каталог. Т. I. С. 42—43.

⁵² Там же. С. 53—56.

⁵³ Там же. С. 95.

⁵⁴ Там же. С. 103.

⁵⁵ Там же. С. 107.

⁵⁶ Там же. С. 116—120.

⁵⁷ Там же. С. 129.

⁵⁸ Там же. С. 162.

⁵⁹ Там же. С. 167.

⁶⁰ Там же. С. 131, 233, 306.

⁶¹ Там же. С. 104, 106, 109—112.

⁶² Рукописи Иракской Академии наук: Исследования и каталог. Т. II. С. 278—280.

⁶³ Там же. С. 206.

⁶⁴ Там же. С. 171.

⁶⁵ Там же. С. 281—298.

⁶⁶ Там же. С. 180—189.

⁶⁷ Там же. С. 98—205, 326—328.

⁶⁸ Там же. С. 11—13.

⁶⁹ Там же. С. 190—192.

ми данными, т. е. описанием уже известных рукописей работ ал-Фараби (ум. в 339/950)⁷⁰, ал-Кинди (ум. в 252/866)⁷¹, Беруни (ум. в 440/1048)⁷² и др., даются описания трудов Ибн Сины⁷³, а также сведения о двух сборниках⁷⁴, где изложены наименования книг, написанных Ибн Синою. Ценность тома заключается и в том, что здесь мы находим описания сборников писем Ибн Сины⁷⁵. Они содержат 38 писем ученого; даются наименование каждого письма и ссылки на источники. Сюда же включены семь сборников трактатов Ибн Сины⁷⁶, среди которых — трактат по этике, трактат по суфизму, урджузза по логике, трактат по молитве и др.

Особенностью данного каталога можно считать сведения исследовательского характера, которые содержат полные данные о степени изученности источника. Здесь же приведены сведения об ученых и исследователях, работавших и работающих над источником, описанным в каталоге.

Отметим, что восьмой по счету каталог «Рукописи библиотеки Иракского музея по литературе», в отличие от других каталогов, в довольно солидном виде издан, как уже говорилось выше, в Кувейте Институтом арабских рукописей, который функционирует при Арабской организации по воспитанию, культуре и науке Лиги арабских стран. Это третий каталог из серии «Каталоги библиотек, которые [ранее] не издавали сведения о своих рукописях», выпускаемый указанным Институтом. Ранее в цикле этой серии были опубликованы:

1. «Каталог научного фонда Сабихия марокканского города Сала», автором которого является доктор Мухаммад Хаджи⁷⁷.

2. «Сборник рукописей библиотеки г. Стамбула». Автор — Таха Мухсин⁷⁸.

Пользуясь случаем, отметим, что Институт арабских рукописей издает «Журнал Института арабских рукописей». Он выходит два раза в год: в июне и декабре. Например, номер журнала за 1985 г. охватывает период с июля по декабрь 1985 г.⁷⁹ Объем 846 с. Главным редактором журнала является крупный ученый Халид Абд ал-Карим Джума. Журнал публикует научные изыскания, тексты, каталоги, доклады, касающиеся арабского наследия (как рукописные труды, так и изданные типографским способом) во всех областях человеческого познания. Авторам статей предоставляется 50 оттисков.

Таковы некоторые сведения о части рукописей, хранящихся в Ираке и являющихся лишь малой толикой того, чем обладают богатейшие фонды страны. Дальнейшее наше научное сотрудничество как с Ираком, так и с другими арабскими странами, несомненно, обогатит нашу науку и культуру.

Р. М. Бахадирова

⁷⁰ Рукописи Иракской Академии наук: Исследования и каталог. Т. III. С. 206.

⁷¹ Там же. С. 197, 200—202, 209—210.

⁷² Там же. С. 84—88.

⁷³ Там же. С. 26—34.

⁷⁴ Там же. С. 247—248.

⁷⁵ Там же. С. 249—251.

⁷⁶ Там же. С. 252—270.

⁷⁷ Об этом см.: Рукописи библиотеки Иракского музея по литературе. С. 5.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Журнал Института арабских рукописей. Новое издание. Т. 29. Ч. 2. Кувейт. Шаввал 1405 г. х. — Раби' ал-Ахар 1406 г. х./ноль—декабрь 1985 г.

НОВЫЕ КНИГИ

М. ХАСАНОВ. СТРУКТУРА И ФУНКЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ

(Ташкент: Узбекистан, 1991. 245 с.)

Книга написана на злободневную и недостаточно исследованную тему, имеющую не только общепhilософское, методологическое и мировоззренческое значение, но и известную конкретно-прикладную значимость, ибо тесно связана с теорией информации, теорией систем, служащих основанием современной компьютерной технологии.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения с приложением списка источников и использованной литературы. Во введении охарактеризованы актуальность проблемы, уровень ее разработанности, приняты подходы к различным вопросам темы и исследования изученного материала. Первая глава: «Методологические принципы анализа проблемы определения философского статуса понятий структуры и функции» — выступает методологически направляющей для остальных глав работы. Выдвигая ряд новых критериев и уточняя известные факторы в определении критериев категорий философии, автор определяет принципы перехода некоторых научных и общенаучных понятий в философские категории, в том числе понятий структуры и функции.

Во второй главе: «Становление категориальности понятий структуры и функции в истории науки и философии» — предпринята удачная попытка проследить постепенное нарастание философского статуса понятий структуры и функции, приведение к их превращению в категории. В становлении этих категорий автор исходит из реального контекста всех научных и философских представлений определенного периода. В работе прослеживаются структурные представления античных и средневековых философов, в том числе Хорезми, Фараби, Беруни, Ибн Сины, Омара Хайяма и др. Справедливо отмечается, что понимание структурированности, близкое к современному, начало разрабатываться только в новое время. Подробно, на историко-философском и естественнонаучном материале, прослеживается формирование понятия функции. Специально рассматривается становление представлений о функции в биологических науках.

Третья глава носит название: «Структура и функция как категории материалистической диалектики». В ней сделана попытка применить категориальные критерии философии непосредственно к понятиям структуры и функции. Обосновываются логическая всеобщность, диалектическое единство и взаимопереходы этих понятий, их место в системе категорий материалистической диалектики. Эти параметры дают основание считать указанные понятия философскими категориями.

Четвертая глава: «Основные аспекты всеобщей методологической и мировоззренческой роли категорий структуры и функции в современной науке и практике» — посвящена современному анализу данных категорий. Рассматриваются различные подходы в их исследовании, новые стороны, открывающиеся в разработке структурных и функциональных зависимостей, различение законов развития и законов функционирования, специфика структурных и функциональных проявлений в обществе, методологические и мировоззренческие аспекты рассматриваемых категорий.

Заключение содержит общие выводы из проделанного исследования.

Книга рассчитана на преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов вузов и всех интересующихся проблемами диалектики и логики современного научного познания.

А. В. Зведенюк

КУЛЬТУРА, ПРАВДЕННЕННЬ, ЧЕЛОВЕК

(Ташкент: Фан, 1991. 98 с.)

Предлагаемая вниманию читателей коллективная работа посвящена проблемам возрождения культуры и нравственности.

В первой главе: «Формирование нравственно-эстетического сознания личности» — труд, искусство, художественная литература рассматриваются как важнейшие факторы формирования нравственно-эстетического сознания личности.

Во второй главе: «Мировоззренческая культура личности» — показана взаимосвязь мировоззрения и культуры. Каждая эпоха имеет определенное мировоззрение, на котором и основывается культура как способ жизнедеятельности людей.

В третьей главе: «Формы гуманизма в нравственной практике» — рассматриваются вопросы гуманизма в историческом процессе развития общества.

В четвертой главе: «Некоторые проблемы эффективности нравственного воспитания личности» — дается анализ проблем эффективности нравственных форм в воспитании личности. Подчеркивается, что новизна и сложность задач нравственного воспитания предполагают глубокое научное осмысление социально-нравственных отношений, действительного состояния нравов людей, поиск новых подходов, путей и средств их совершенствования.

В пятой главе: «Природа ценности и ценности культуры» — рассматривается само понятие ценности культуры. В качестве методологического основания познания природы ценности берется учение К. Маркса об общественных свойствах вещей и явлений. Рассматривается соотношение понятий «ценность» и «полезность», отмечается приоритетность ценности по отношению к полезности.

В шестой главе: «Проблема нравственно-эстетического выбора в искусстве» — показано, что эта проблема предопределяется уровнем развития национальной культуры, интенсивностью ее контактов с инациональными культурами, контекстом социально-профессиональной среды и т. д.

В седьмой главе: «Историческая память и нравственно-эстетическое совершенствование личности» — раскрывается значимость истории в нравственно-эстетическом совершенствовании личности, которое состоит в развитии этических, познавательных, эстетических чувств, способствующих освоению общечеловеческих ценностей.

В восьмой главе: «Культурное наследие и нравственно-эстетические представления личности» — значимость культурного наследия показана через множество факторов, как изучение собственной истории, культуры, традиций, национального языка и т. п.

В девятой главе: «Идейно-нравственные истоки дружбы народов в общественно-философской мысли народов Средней Азии» — рассматривается проблема идейно-нравственных истоков дружбы народов Средней Азии, запечатленных в устном народном творчестве — пословицах, поговорках, сказках, в архитектурных памятниках, живописных и музыкальных творениях народов, в исторических хрониках, художественных и философских произведениях мыслителей прошлого.

В десятой главе: «Элементы экологической культуры в народных традициях» — подчеркивается, что экологическая культура предполагает необходимость коренного пересмотра отношения человека, общества к природе.

Книга рассчитана не только на специалистов — философов, историков, но и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами культуры и нравственности.

Н. Н. Кунденко, Б. Х. Джураев

ХРОНИКА

В КООРДИНАЦИОННОМ СОВЕТЕ «ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА, УПРАВЛЕНИЯ, ПРАВА»

27 ноября 1991 г. в Институте философии и права им. И. М. Мунинова АН Узбекистана состоялась заседание Координационного Совета «Закономерности развития государства, права, управления», посвященное проблемам аграрного права. В заседании приняли участие видные ученые-юристы, специалисты в области аграрного, природоохранительного, гражданского права.

Вступительным словом заседание открыл председатель Совета, директор ИФП АН Узбекистана, доктор юр. наук А. Х. Саидов. Он отметил, что проблемы аграрного права занимают в правовой науке и в жизни нашего общества особое значение. Достаточно сказать, что в общем объеме валовой продукции народного хозяйства республики 70% составляет продукция сельского хозяйства. Кроме того, аграрное право является важным фактором развития рыночной экономики. Актуальность обсуждаемых проблем определяется также тем, что в последнее время Верховным Советом республики принято большое количество законодательных актов, в том числе относящихся к аграрному сектору народного хозяйства Узбекистана.

Все вопросы аграрного права до сих пор трактовались с позиции прежних времен. Однако любые процессы надо рассматривать в аспекте исторического развития. Ныне, сказал А. Х. Саидов, проблемы аграрного права в республике необходимо рассматривать в контексте мусульманского права, и на данной основе наметить конкретные пути решения этих актуальных проблем.

Ведущий научный сотрудник ИФП АН Узбекистана, доктор юр. наук И. Д. Джалилов подчеркнул, что республика находится в крайне тяжелом экономическом положении, и аграрное право призвано способствовать стабилизации ситуации. У нас было принято немало законодательных актов, регулирующих отношения в сельском хозяйстве. Но практически они бездействовали и зачастую содержали противоречивые нормы. Это во многом объясняется тем, что основная часть законодательных актов разрабатывалась не профессиональными юристами. С таким положением надо кончать. Следует расширить кадры юристов-аграрников и в этих целях выделить больше мест в аспирантуру по данной специальности.

Целесообразно также совместно с Институтом востоковедения создать научные группы и вместе с языковедами наладить исследования норм мусульманского права, касающихся земельных отношений.

Докторант Института государства и права АН России Ю. А. Жураев отметил, что с учетом содержания, сферы действия нормативно-правовых актов, регулирующих аграрные отношения в условиях рынка, можно выделить следующие основные тенденции развития аграрно-правовой науки и сельскохозяйственного законодательства.

Во-первых, — расширение разрешительного регулирования аграрных отношений, обусловленное переходом к регулируемому рынку.

Во-вторых, — развитие сельскохозяйственного законодательства в условиях расширения сферы правового регулирования аграрных отношений. Так, формирование новых форм хозяйствования — крестьянских хозяйств, действующих в качестве индивидуальных семейных предприятий, наряду с государственными, коллективными и иными предприятиями и организациями, обуславливает повышение роли подотрасли сельскохозяйственного законодательства — о крестьянском хозяйстве.

Основные же направления аграрно-правовых научных исследований в нашей республике можно подразделить следующим образом:

1) повышение роли закона в регулировании аграрных отношений в связи с предстоящей земельной реформой в республике, направленной на радикальное изменение земельного строя;

2) правовые проблемы радикальной перестройки коллективных форм хозяйствования, формирование новых форм хозяйствования, функционирующих в качестве индивидуальных и семейных сельскохозяйственных предприятий,

3) исследование новых механизмов управления аграрной экономикой в условиях формирования рыночных структур;

4) проблемы охраны имущественных прав сельскохозяйственных предприятий, кооперативных прав сельского крестьянства;

5) правовые проблемы охраны окружающей среды в сельском хозяйстве; разработка социально-правовой модели экологической безопасности в сельскохозяйственном производстве.

И. о. зав. сектором ИФП АН Узбекистана, канд. юр. наук М. Б. Усманов остановился на направлениях развития науки аграрного права, выделив особо: правовые вопросы сельскохозяйственной кооперации в современных условиях; правовое регулирование отношений собственности на объекты природы; проведение законопроектных работ и подготовка литературы по природоохранительному и сельскохозяйственному праву.

Зав. кафедрой управления и права Ташкентского государственного аграрного университета (ТГАУ), проф. Н. И. Киселев констатировал, что с утверждением суверенитета Узбекистана союзные законодательные акты потеряли былую силу, и по сути дела республика в законодательном плане стала «оголенной». Отсюда особая актуальность интенсивного правового строительства. Здесь представляет интерес зарубежный опыт. Например, в Законе о боях США получил отражение весь комплекс вопросов животноводства, от правил покупки скота до норм, регулирующих его убой и дальнейшую переработку.

Подобный комплексный характер должны носить и наши законы. Прежде всего представляется целесообразным принятие Закона о порядке и исполнении договоров на материально-техническое снабжение в сфере сельского хозяйства, Положения о контрактах, регулирующего порядок заключения договоров об использовании арендных площадей, и др.

По мнению Н. И. Киселева, землю в республике надо давать в аренду. Нет нужды вводить частную собственность на землю, ибо у нас не было такой оторванности массы крестьян от села, как в России. Кроме того, в Узбекистане нет свободных площадей, а орошение и освоение новых земель требуют проведения крупномасштабных мероприятий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Н. И. Киселев высказался также за организацию исследований по проблемам аграрного права, чтобы стимулировать ученых к более плодотворной деятельности на хозяйственных началах.

Зав. кафедрой экологического и сельскохозяйственного права Ташкентского государственного юридического института (ТГЮИ), канд. юр. наук У. Б. Базаров остановился на проблемах юридического образования. В частности, он отметил, что специфика преподавания экологического права должна учитываться при составлении рабочих и производственных планов. Надо включать в эти планы общие и региональные вопросы охраны окружающей среды, а отдельные темы курса нуждаются в изменении названия.

В связи с нестабильностью действующего законодательства следует усилить внимание к аудиторной работе студентов, чтению проблемных лекций, лекций-диалогов, организации дискуссий, проведению практических занятий.

Зав. сектором ИФП, канд. юр. наук Ш. Рузиназаров подчеркнул, что любая форма собственности может быть эффективна лишь при условии, если колхозу, совхозу, кооперативу, арендатору, крестьянскому хозяйству будут созданы благоприятные социально-экономические условия для самостоятельного хозяйствования на земле. Это предполагает прежде всего организацию надежного материально-технического снабжения и производственно-технического обслуживания хозяйства, а также эквивалентный товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством.

Проректор Ташкентского государственного юридического института, канд. юр. наук Н. К. Скрипников отметил, что ныне одна из важнейших проблем — охрана окружающей среды. Эффективное решение ее требует принятия ряда законодательных актов.

Зав. отделом правоведения ИФП, доктор юр. наук Х. Р. Рахманкулов на конкретных примерах показал, что из-за теоретической неразработанности важнейших аграрно-правовых проблем оказываются неработоспособными Законы о собственности, о земле, об аренде, и эти вопросы должны быть в центре внимания ученых-юристов.

По итогам обсуждения указанной проблемы было принято решение о необходимости координирования планов НИР ИФП АН Узбекистана, ТГЮИ, ТГАУ и других учреждений. Сектору аграрного права поручено с учетом высказанных предложений составить в ближайшее время перечень законопроектных работ, нуждающихся в немедленном осуществлении, на основе чего определить группу по их разработке. Проведение законопроектных работ впредь решено проводить на договорных началах.

* * *

4 декабря 1991 г. на заседании секции уголовно-правовых наук Координационного Совета «Закономерности развития государства, права и управления» АН Узбекистана обсуждался вопрос «Проблема разработки нового Уголовного Кодекса

Республики Узбекистан». На заседание были приглашены ведущие специалисты в области уголовного права, процесса и криминологии.

Заседание открыл председатель Совета, доктор юр. наук А. Х. Саидов. Он отметил, что с провозглашением независимости Республики Узбекистан возникла острая необходимость реформы уголовного законодательства и разработки нового Уголовного Кодекса. Последнее определено, в частности, бурными изменениями в политико-экономической жизни общества. Так, изменение отношений собственности требует нового подхода к квалификации таких преступлений, как хищение. Многие статьи в действующем УК стали по сути анахронизмом, например статья, запрещающая занятие частнопредпринимательской деятельностью и коммерческим посредничеством.

Изменения в нормах материального права тесно связаны с изменениями в уголовно-процессуальном и исправительно-трудовом законодательстве. Это требует согласованных действий всех специалистов указанных отраслей права, в тесном контакте с практическими работниками.

Прежде всего необходимо создание научных основ уголовного законодательства и теоретической модели Уголовного Кодекса.

Были высказаны суждения о необходимости изменения названия Уголовного Кодекса, а также о безусловной целесообразности изучения и творческого учета опыта зарубежных стран.

Зав. сектором уголовного права ИФП АН Узбекистана, канд. юр. наук А. А. Расулев отметил, что многие нормы действующего уголовного законодательства республики нуждаются в коренном пересмотре, ряд статей не вписываются в рамки новых законов, определяющих современную экономическую политику республики. Диспозиция многих статей противоречива, равно как и размеры наказаний. Высказано мнение о целесообразности исключения правила поглощения наказания и введения правил полного сложения наказаний и т. п.

Новое законодательство должно отражать ситуацию переходного периода, из него следует исключить все нормы, мешающие развитию рыночных отношений.

Проф. ТГЮИ Б. А. Блиндер сообщил, что на протяжении двух лет группа ученых и практических работников составляла новый проект УК республики, который был передан в Верховный Совет, однако на этом все закончилось. Такое отношение к плодам интеллектуального труда недопустимо.

Высказано предложение осуществлять разработку законопроектных работ на договорной основе. Отмечена необходимость, наряду с подготовкой нового УК, оперативного внесения изменений и дополнений в действующий Кодекс. Вместе с тем поставлен вопрос о необходимости изменения названия Уголовного Кодекса.

Начальник кафедры уголовного права Высшей школы милиции МВД Республики Узбекистан, доктор юр. наук Г. А. Абдумаджидов особо остановился на ряде организационных вопросов, в частности о создании редакционной коллегии и авторского коллектива для подготовки нового уголовного законодательства.

Доцент кафедры уголовного права ВШМ МВД Республики Узбекистан А. Н. Делиев высказал мнение, что Уголовный Кодекс Республики Узбекистан может быть принят только после принятия Гражданского Кодекса, в котором должны получить отражение базовые вопросы, в частности регулирующие право собственности.

Доцент ТГЮИ Ю. М. Каракетов подчеркнул, что для выработки концепции нового УК и создания самого Кодекса надо организовать высококомпетентную редакцию и авторский коллектив, и предложил соответствующий состав их.

Зав. отделом правовых исследований ИФП, доктор юр. наук Х. Р. Рахманкулов предложил включить в авторский коллектив по подготовке нового УК не только ученых-юристов, но и практиков.

По итогам заседания принято постановление, в котором намечены состав редакционной коллегии и авторского коллектива по разработке научной концепции Уголовного Кодекса и проекта нового УК, которую решено осуществлять на договорных началах и вести на русском и узбекском языках.

* * *

11 декабря 1991 г. было проведено заседание Координационного Совета «Закономерности развития государства, права, управления» АН Узбекистана на тему «Актуальные проблемы правовой науки и государственного управления в Республике Узбекистан». В заседании приняли участие видные юристы—ученые и практики.

С докладом «Актуальные проблемы правовой науки и государственного управления в Республике Узбекистан» выступил председатель Совета, доктор юр. наук А. Х. Саидов. Он отметил, что в свете происходящих ныне процессов, в условиях утверждения суверенитета Республики Узбекистан необходимо решить широкий комплекс сложнейших правовых проблем, и юридическая наука должна стать действенным фактором развития суверенного Узбекистана, превращения его в подлинно правовое государство. Первоочередными задачами юристов ныне являются: создание правового пространства, активное законотворчество и пропаганда законов и всемерное совершенствование преподавания правовых дисциплин. Особое внимание надо уделить планированию законотворчества в Узбекистане.

Намечено три основных направления правовых исследований: «Республика Узбекистан — суверенное государство», «Проблемы совершенствования законодательства Республики Узбекистан», «История государства и права и политико-правовая мысль Республики Узбекистан».

Зав. сектором ИФП, доктор юр. наук У. Ч. Чарьяров поддержал предложения А. Х. Саидова и в свою очередь высказался за то, что историю права и политический надо изучать начиная с много веков до исламского периода. Следует усилить работу по созданию проектов нового законодательства Узбекистана, проводя ее на государственном языке. В перспективе желательно создать сектор истории и теории государства, права и политический. Далее он предложил термин «суверенный» заменить на «самостоятельный» и трактовать политический статус республики как «самостоятельное государство Узбекистан».

Зав. отделом государственного управления, доктор юр. наук М. М. Файзиев сказал, что следует скоординировать научный потенциал правоведов республики вокруг направлений исследований, предложенных А. Х. Саидовым, опираясь при этом прежде всего на ученых-юристов ИФП АН Узбекистана, ТГЮИ и ВШМ МВД республики. Ученые должны также заниматься планированием законодательской деятельности, подготовкой новых законодательных актов и представлением их Верховному Совету республики. Большое внимание следует уделить созданию новых учебников на узбекском языке для студентов вузов.

Доцент ТГЮИ З. М. Исламов остановился на проблемах преподавания правовых дисциплин и также высказался за оперативную подготовку новых высококачественных вузовских учебников по правовым наукам.

Доцент ТГЮИ И. М. Танысбаева подчеркнула важность глубокого изучения истории государства и права и политических учений.

Начальник кафедры государства и права ВШМ МВД Узбекистана, канд. юр. наук Р. К. Каюмов рассказал о постановке учебного процесса по данной дисциплине в Высшей школе милиции. В частности, отмечено, что большое внимание уделяется подготовке методических пособий на узбекском языке.

Доцент ТГЮИ М. М. Ахунджанов высказался за необходимость изучения научных ценностей, отраженных в мусульманском праве, и по мере возможности применения их в наше время.

Зав. сектором ИФП, доктор филос. наук Б. Р. Каримов обосновал необходимость проведения научных изысканий по таким проблемам, как соотношение нации и государства (что весьма актуально для многонационального Узбекистана); обеспечение языковых прав; создание политико-правового механизма разрешения территориальных споров и развития государств региона; включение Республики Узбекистан в мировую систему независимых государств, подготовка собственного дипломатического корпуса и др.

По итогам заседания принято решение о необходимости координации исследований по проблемам суверенитета Республики Узбекистан, совершенствованию законодательства и его планирования, а также по истории государства, права и политической мысли Узбекистана.

* * *

18 декабря 1991 г. прошло заседание Координационного Совета «Закономерности развития права, государства, управления» АН Узбекистана на тему «Проблемы гражданского права и процесса в условиях рыночной экономики Республики Узбекистан».

Открывая заседание, председатель Совета, доктор юр. наук А. Х. Саидов отметил, что ныне важнейшими задачами цивилистской науки в республике являются разработка концепции нового Гражданского Кодекса, планирование последовательности принятия новых законодательных актов, создание новых учебных пособий по курсу гражданского права и процесса и др.

С докладом «О правовых проблемах гражданского права и процесса в условиях рыночной экономики независимого Узбекистана» выступил зав. отделом правовых наук ИФП АН Узбекистана, доктор юр. наук Х. Р. Рахманкулов. Он подчеркнул, что одни проблемы требуют немедленного решения, а другие необходимо решить в перспективе. В целом перед нашими цивилистами стоит огромная задача — способствовать вхождению республики в рыночную экономику. Много законов в этом направлении уже принято, но многие еще предстоит принять. Однако действие ряда законов на практике сводится на нет нормативными актами ведомств. Например, коллективы многих государственных предприятий хотят взять их в свою собственность, но этому препятствуют министерства. Юридическая наука должна сказать здесь свое веское слово.

Много проблем встает непосредственно перед теорией гражданского права. Надо в корне пересмотреть такие понятия, как предмет гражданского права, имущественные отношения, право собственности и т. д. Соответственно надо изменить направления исследований по гражданскому праву, учитывая бурные изменения в нашей социально-экономической жизни. Поэтому необходимо пересмотреть тематику научно-исследовательских работ на 1992 г. и скоординировать действия ученых.

Другая глобальная проблема — разработка Гражданского Кодекса Республики Узбекистан. Многие статьи ныне действующего ГК потеряли свое значение, новые отношения собственности требуют правового урегулирования и т. д.

Следовало бы подготовить уже в 1992 г. коллективную монографию, посвященную гражданско-правовому обеспечению рыночных отношений.

Зав. кафедрой ТГУЮ, проф. И. Б. Закиров предложил подготовить коллективную монографию, посвященную проблемам права собственности и защите имущественных интересов предприятий, и высказался за скорейшее принятие ряда законов, обеспечивающих развитие конкуренции между предприятиями и их свободную деятельность.

Зав. отделом Министерства юстиции Республики Узбекистан, канд. юр. наук О. Э. Эрназаров остановился на проблемах развития международного частного права. При этом он отметил, что с обретением независимости республиками бывшего Союза большинство экономических отношений между ними будут строиться на принципах международного частного права, а значит, не исключены коллизии между законами разных республик. Этот вопрос требует специальных исследований. Было предложено также ввести в вузах курс «Международное частное право».

Доцент ТГУЮ М. Азимов отметил, что наряду с изменениями норм Гражданского Кодекса, естественно, требуют изменения и нормы ГПК. Была подчеркнута также важность проблемы подготовки кадров в области гражданского процесса.

Научный сотрудник ИФП, канд. юр. наук Ш. Ф. Хакимов высказался за необходимость составления тематических планов по кандидатским и докторским диссертациям по специальности 12.00.03. Затем он остановился на вопросах развития предпринимательства, которые требуют специальных исследований.

Зав. сектором ИФП, канд. юр. наук Ш. Н. Рузиназаров внес предложение о составлении плана-проспекта предполагаемых к изданию монографий и подчеркнул желательность публикации их на государственном языке республики.

На заседании был поднят и обсужден ряд других вопросов.

В принятом постановлении Координационный Совет указал на необходимость обсуждения модели Гражданского Кодекса республики, определил названия намеченных к публикации монографий и подчеркнул актуальность решения комплекса проблем гражданского права и процесса в условиях утверждения независимости Узбекистана и вхождения в рыночные отношения.

Ш. Ф. Хакимов

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. В. ТРЕВЕР

В январе 1992 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Камиллы Васильевны Тревер — крупнейшего востоковеда, историка культуры и искусства народов Востока, члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки УзССР (с 1943 г.)¹.

К. В. Тревер родилась 13 (25) января 1892 г. в Петербурге и получила блестящее гуманитарное образование. Вся ее жизнь и научная деятельность были связаны с двумя учреждениями: Императорской археологической комиссии — ГАИМК — ИИМК (позднее — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР) и Государственным Эрмитажем.

Научное наследие Камиллы Васильевны многогранно и ее исследования внесли значительный вклад в изучение истории культуры и искусства античного Причерноморья, народов Закавказья, Ирана и Средней Азии. Здесь мы подробнее остановимся на среднеазиатской тематике. Труды К. В. Тревер совместно с акад. И. А. Орбели заложили основы изучения тюркитики Сасанидов — важнейшего источника по культуре Ирана и соседних стран. Она подготовила полную публикацию на английском языке сенсационных материалов проведенных П. К. Козловым раскопок знаменитого хунского кургана Ноин-Ула в Монголии (1932 г.), а также коллекции терракот Афрасиаба, вышедшей в свет в 1934 г. В последней книге даны краткий очерк истории Афрасиаба — Самарканда, погребальных обычаев зороастрийцев и анализ асоданов (оссуариев), для украшения которых предназначались некоторые терракотовые фигуры.

Крупнейшим открытием Камиллы Васильевны следует считать выделение памятников греко-бактрийского искусства как самостоятельного явления. 15 сентября 1935 г. на заседании III международного конгресса по иранскому искусству и археологии в Ленинграде К. В. Тревер выступила с докладом «Проблема бактрийского искусства». Доклад под названием «Проблема греко-бактрийского искусства» опубликован в трудах конгресса (1939 г.), а в 1940 г. вышла в свет фундаментальная

¹ Тревер Камилла Васильевна // БСЭ. 2-е изд. Т. 43. М., 1956. С. 179; Джапполадян Р. М., Лукоии В. Г. 80-летие К. В. Тревер // ВИ. 1972. № 1. С. 150—152; Милибанд С. Д. Список основных трудов чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер (к 80-летию со дня рождения) // НАА. 1972. № 4. С. 205—206; Камилла Васильевна Тревер: Некролог // СА. 1976. № 1. С. 326; Иерусалимская А. А., Лукоии В. Г. К. В. Тревер. 1882—1974: Некролог // СГЭ. 1976. Вып. 41. С. 91; и др.

монография К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства». Так было положено начало изучению культуры Древней Бактрии, важнейшей историко-культурной области античной Средней Азии, значительная часть которой входит в пределы современного Узбекистана.

Книга Камиллы Васильевны получила самую строгую и в то же время доброжелательную оценку со стороны крупнейшего русского археолога М. И. Ростовцева, который был одним из ее учителей. Находясь в эмиграции, М. И. Ростовцев опубликовал в 1942 г. обстоятельную рецензию на труд К. В. Тревер в Американском археологическом журнале². Он отметил серьезный характер исследования, в котором после В. Тариа и независимо от него поставлена проблема эллинистической Бактрии. Вместе с тем убедительно показано, что ряд изделий (№ 25, 47, 62) не имеют касательства к Греко-Бактрии, и выражено несогласие с некоторыми утверждениями автора. В рецензии обращено внимание и на то, что несколько предметов торевтики были рассмотрены в статьях М. И. Ростовцева 1926 и 1933 гг., но они не учтены в рецензируемой книге. К сожалению, эта рецензия, опубликованная в разгар Великой Отечественной войны, у нас практически неизвестна и осталась вне внимания исследователей восточной торевтики (Л. И. Альбаума, Б. И. Маршак, Б. Я. Ставицкого и др.). Она глухо упомянута лишь в статье А. Н. Бернштама «Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет»³.

В исследовании Древней Бактрии за прошедшие 50 лет достигнуты огромные успехи. Этому во многом содействовали замечательные открытия археологов в Халчагане, Дальваринне и на Кампыртепа в Южном Узбекистане, на Айхануме и Дильбирджине на территории Северного Афганистана. Предвидения К. В. Тревер, таким образом, получили убедительное подтверждение в обнаруженных археологами памятниках греко-бактрийского искусства.

Во время Великой Отечественной войны, в 1941—1943 гг., Камилла Васильевна находилась в Ташкенте и работала в Институте языка, литературы и истории УзФАН СССР, где заведовала отделом истории и археологии и была одним из активных организаторов и авторов I тома «Истории народов Узбекистана» (1950 г.). Это первый коллективный труд по истории узбекского народа с древнейших времен до Октября. Камилле Васильевне принадлежат в I томе части II, III, IV и I глава части V, охватывающие историческое прошлое всего древнего, домусульманского периода истории народов Узбекистана, на протяжении более 1500 лет. Разделы написаны по первоисточникам с привлечением данных археологии и потребовали огромной подготовительной работы по подбору, систематизации и исследованию материалов ранее слабо изученного периода. Естественно, что это заняло значительное время, и I том вышел позднее второго, изданного в 1947 г.

К участию в этом труде К. В. Тревер была хорошо подготовлена как своим образованием антиковеда, так и всей предшествующей научной деятельностью. Она аккумулировала обширную информацию на момент современного и высоким тогда уровне об историко-археологических разработках по древней, домусульманской истории Средней Азии и умело использовала их при написании своих разделов «Истории». Камилла Васильевна провела огромную работу в труднейших условиях Отечественной войны и в сложной обстановке, существовавшей в те годы в исторической науке, скованной жесткими рамками «Краткого курса», требованиями классового подхода, преувеличенного внимания к вопросам социального строя, общественно-экономических формаций и уже приобретавшей в то время господствующее положение концепции повсеместного существования рабовладельческого строя, в частности в Средней Азии. Для обоснования этого положения тогда, да и в наши дни, в распоряжении науки было недостаточно данных⁴. Этим прежде всего и объясняются противоречивость формулировок и разноречивость в определении особенностей общественного строя древней Средней Азии, на что главным образом и обращали внимание критики и рецензенты I тома. Особенно подробно этот вопрос рассмотрел И. И. Умяков в рецензии на этот том⁵.

В блестящей статье К. В. Тревер «Александр Македонский в Согде (Из истории народов Средней Азии)»⁶, которая представляет собой краткую выжимку из соответствующего раздела I тома и лучше которой до сих пор ничего не появилось в нашей литературе, автор убедительно показала, каким живым и полнокровным может быть историческое повествование, не скованное навязанными схемами.

Разделы, написанные Камиллой Васильевной, выдержали испытание временем и были с небольшими дополнениями опубликованы во втором и третьем изданиях «Истории Узбекской ССР» (1965 и 1967 гг.) и, следовательно, уже более сорока лет служат основным пособием для изучающих и интересующихся историей Узбекистана и Средней Азии в целом.

² АЖ. 1942. 2. С. 295—301.

³ ВДИ. 1947. № 3. С. 87. Прим. 3.

⁴ Беленицкий А. М. О рабовладельческой формации в истории Средней Азии // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 71—76.

⁵ Труды УзГУ. Самарканд. НС. 1952. № 52. С. 151—172.

⁶ ВИ. 1947. № 5. С. 112—122.

Ныне, когда идет работа по подготовке новой «Истории Узбекистана», опыт, накопленный при написании 1-го издания, как и опыт разработки истории других суверенных республик Средней Азии, следует критически осмыслить и извлечь из него необходимые уроки. Правительство республики достойно оценило труды и вклад К. В. Тревер в разработку истории узбекского народа и подготовку местных кадров, присвоив ей в 1943 г. почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР». 29 сентября 1943 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР. Заслуги К. В. Тревер отмечены рядом правительственных наград и иранским орденом «За научные заслуги».

К. В. Тревер провела на гостеприимной земле Узбекистана около двух лет, и эти годы оставили заметный след в исторической науке. Позднее К. В. Тревер занимается преимущественно историей культуры народов Кавказа. Она опубликовала такие фундаментальные обобщающие труды, как «Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.)» (1953), «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э.» (1959), а также ряд статей по восточной тюрвике. Много времени Камилла Васильевна отдала разбору научного архива и подготовке к печати трудов акад. И. А. Орбели.

Однако и в эти годы она не забывает Средней Азии. Приведем список наиболее крупных ее работ по среднеазиатской тематике: «Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии)»⁷, «Золотая статуэтка из сел. Хант (Таджикистан): К вопросу о кушанском пантеоне»⁸, «Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса»⁹ и др. В них содержится новая ценная информация по истории культуры и особенно по идеологии древних земледельцев Бактрии.

К. В. Тревер — автор более ста научных трудов, которые пользуются заслуженным авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом. Они оказали значительное влияние прежде всего на исследователей истории культуры среднеазиатской древности и античности у народов Закавказья.

Камилла Васильевна Тревер скончалась 11 ноября 1974 г. Отмечая 100-летие со дня ее рождения, научная общественность Узбекистана отдает дань благодарной памяти замечательному ученому и человеку, одному из пионеров и основоположников истории домусульманской Средней Азии.

А. А. Аскарлов, Ю. А. Заднепровский

⁷ СА. 1954. Т. 21. С. 131—147.

⁸ ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 130—146.

⁹ ТГЭ. 1961. Т. 5. С. 98—109.

МУНДАРИЖА

Р. А. Убайдуллаева. Иш билан таъминланганлик ва меҳнат бозори: мунозарали масалалар ва ечилмаган муаммолар.	3
Ф. Х. Отахонов. Халқ хўжалигида ҳуқуқий ишлар даражасини ошириш ҳақида.	12
С. А. Ёқубов. Ўзбекистонда фуқаролик процессуал қонунчилигини мукаммаллаштиришнинг баъзи масалалари.	22
Т. О. Ортиқов. Ҷамоат бирлашмалари Қонуни ва унинг қўлланиши.	26
Г. Бобожонова. Урта Осиё бадий маданияти регионализи муаммосига оид	30
Мунозарали минбар	
Ҳ. П. Пўлатов. Виждон эркинлиги эркинми?	38
Илмий маълумотлар	
Т. Т. Маликов. Шахснинг фаол ҳаётий позициясининг шаклланиши муаммосига оид.	44
Б. Д. Бобоев. Ижтимоий фанлардаги эмпирик қонулар ва назариялар.	46
Б. Х. Эргашев. XX аср бошларида Бухоронинг ижтимоий-сиёсий ҳаёти тарихидан.	49
В. И. Ионесов. Сополли маданияти дафи этиш маросимидаги кенотафлар ҳақида.	52
Фан янгилклари; изланишлар, топилмалар, кашфётлар	
Е. В. Қимаева. Оқтошдаги қўҳна манзилгоҳ устахонаси.	58
Манбашунослик	
Р. М. Баҳодиров. Ироқда сақланаётган қўлёзмалар ҳақида баъзи маълумотлар.	61
Янги китоблар	
А. В. Зведенюк. М. Хасанов. Структура ва функция фалсафий категория сифатида.	67
Н. Н. Қунденко, Б. Х. Жўраев. Маданият, ахлоқ, инсон.	68
Ахборот	
Ш. Ф. Ҳакимов. «Давлат, бошқариш, ҳуқуқни ривожлантиришнинг қонунийлиги» координацион Советида.	69
А. А. Асқаров, Ю. А. Заднепровский, К. В. Тревер туғилган кунининг 100 йиллигига.	73

СОДЕРЖАНИЕ

Р. А. Убайдулаева. Занятость и рынок труда: спорные вопросы и нерешенные проблемы	3
Ф. Х. Отахонов. О повышении уровня правовой работы в народном хозяйстве.	12
С. А. Якубов. Некоторые вопросы совершенствования гражданского процессуального законодательства Узбекистана	22
Т. О. Ортиков. Закон об общественных объединениях и его применение	26
Г. Бабаджанова. К проблеме регионализма художественной культуры Средней Азии	30

Дискуссионная трибуна

Х. П. Пулатов. Свободна ли свобода совести?	38
---	----

Научные сообщения

Т. Т. Маликов. К проблеме формирования активной жизненной позиции личности	44
Б. Д. Бабаев. Эмпирические законы и теории в науках об обществе.	46
Б. Х. Эргашев. Из истории общественно-политической жизни Бухары начала XX века	49
В. И. Ионесов. О кенотафах в погребальной практике сапаллинской культуры.	52

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Е. В. Кимаева. Древняя стоянка-мастерская Акташ	58
---	----

Источниковедение

Р. М. Бахадиров. Некоторые сведения о рукописях, хранящихся в Ираке	61
---	----

Новые книги

А. В. Зведенюк. М. Хасанов. Структура и функция как философские категории	67
Н. Н. Кунденко, Б. Х. Джураев. Культура, нравственность, человек	68

Хроника

Ш. Ф. Хакимов. В Координационном Совете «Закономерности развития государства, управления, права»	69
А. А. Аскарлов, Ю. А. Заднепровский. К столетию со дня рождения К. В. Тревера.	73

ЎЗГАТИШ

Ойномамизнинг 1991 йил 12-сон 22-бетигадаги юқоридан 7-қатордаги сўзлар шундай деб ўқилсин:
...йилига 100 минг... (сўнгра мати бўйича).